

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И Р.М. Гуськов,
Ю.В. Горбачева, В.М. Рабцова

История экономических учений

УЧЕБНИК

ИНТЕЛЛЕКТ

Внимание! Все материалы на данном сайте взяты из открытых источников в интернете и предназначены исключительно для ознакомления и только на локальном компьютере.

Администрация сайта не несёт ответственности за материалы, размещённые на этом ресурсе.

Если вы считаете, что какой-либо из материалов нарушает ваши права, свяжитесь с администрацией сайта. Скачав любой файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

серия основана в 1996 г.

Министерство образования Российской Федерации

Новосибирская государственная академия экономики и управления

Р.М. ГУСЕЙНОВ,

Ю.В. ГОРБАЧЕВА,

В.М. РЯБЦЕВА

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УЧЕБНИК

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим и техническим специальностям

Москва—Новосибирск

ИНФРА-М— Сибирское соглашение

2000

ББК 65.02я73

УДК 330.1(075.8)

Г 96

Рецензенты:

А.В. Евсеенко, доктор экономических наук, профессор;

Б.Н. Хомелянский, доктор экономических наук, профессор;

В.З. Багикоев, доктор экономических наук, профессор.

Общая редакция *Ю.В. Горбачевой*.

Г 96 Гусейнов Р.М., Горбачева Ю.В., Рябцева В.М. История экономических учений: Учебник/Под общ. ред. Ю.В. Горбачевой. — М.: ИНФРА-М, Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000. — 252 с. — (Серия «Высшее образование»).

ISBN 5-16-000413-0

В учебнике излагается история мировой экономической мысли от учений меркантилистов и физиократов до современных экономических теорий.

Предназначен для студентов и аспирантов экономических вузов и факультетов, но может быть рекомендован также всем интересующимся развитием экономических взглядов и учений.

ISBN 5-16-000413-0

ББК 65.02я73

Гусейнов Р.М., Горбачева Ю.В., Рябцева В.М., 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Тема 1. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ	8
1. С чего начиналась экономическая наука	8
2. Предшественники: меркантилисты и физиократы	11
3. Экономическое учение Адама Смита	17
4. Давид Рикардо и его теория распределения. Мальтус contra Рикардо	20
5. Разложение рикардианской школы	24
Примечания и ссылки к теме 1	27
Новые понятия	30
Вопросы для самоконтроля	30
Тема 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ В XII–XIX вв.	31
1. Экономические воззрения эпохи феодализма	31
2. Специфика развития экономической теории в России. Русские экономисты XVII—XVIII вв.	34
3. Радикальное и реформистское направления в русской экономической мысли	38
4. Крестьянский социализм А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского	41
5. Экономические программы народничества	43
6. Либеральные экономические идеи конца XIX — начала XX в.	45
Примечания и ссылки к теме 2	47
Новые понятия	47
Вопросы для самоконтроля	48
Тема 3. МАРКСИЗМ	48
1. Исторические условия возникновения марксизма	48
2. Эволюция экономических взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса	50
3. "Капитал" и "Теории прибавочной стоимости" К.Маркса	52
4. Вклад Ф.Энгельса в экономическую науку	54
Примечания и ссылки к теме 3	57
Новые понятия	57
Вопросы для самоконтроля	57
Тема 4. МАРЖИНАЛИЗМ	58
1. Понятие маржинализма. Особенности маржиналистского подхода к анализу экономических процессов ..	58
2. "Новое слово" австрийской школы предельной полезности	59
3. Математическая школа как интерпретация теории предельной полезности	63
4. Элементы маржинализма в работах неоклассиков	73
Примечания и ссылки к теме 4	78
Новые понятия	79
Вопросы для самоконтроля	79
Тема 5. НЕТРАДИЦИОННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ	80
1. "Боковые ветви" экономической мысли. Историческое направление и социальная школа в политической экономии	80
2. Институционализм	83
3. "Легальный марксизм" в России	86
Примечания и ссылки к теме 5	87
Новые понятия	88
Вопросы для самоконтроля	88
Тема 6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.	89
1. Причины распространения марксизма в России	89
2. В.И. Ленин как теоретик и революционный практик	90
3. Феномен Николая Бухарина	92
4. Социально-экономическая база сталинизма	94
5. Судьба профессионалов: Н.Д.Кондратьев и А.В.Чаянов	97
Примечания и ссылки к теме 6	98
Новые понятия	100
Вопросы для самоконтроля	100
Тема 7. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ДЖ.М.КЕЙНСА	100
1. Кейнсианство — переворот в экономической теории XX в.	100
2. Динамизация теории Кейнса	107
Примечания и ссылки к теме 7	115
Новые понятия	116
Вопросы для самоконтроля	116

Тема 8. СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И НЕОКЛАССИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ.....	117
1. Неoliberalизм в Германии. К "государству всеобщего благоденствия", по Л.Эрхарду	117
2. Рыночная экономика Ф.Хайека.....	120
3. Современный монетаризм. Чикагская школа М.Фридмена	122
4. "Молодые неоклассики". Р.Лукас и А.Лаффер.....	127
5. Модели экономического роста.....	129
6. Неоклассический синтез П.Самуэльсона.....	135
Примечания и ссылки к теме 8.....	137
Новые понятия.....	138
Вопросы для самоконтроля.....	138
Тема 9. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ - РЕАЛЬНОСТЬ НАШИХ ДНЕЙ	138
1. Предпосылки появления теорий постиндустриального развития общества У.Ростоу и Ф.Перру	138
2. Футурологи об основных закономерностях "информационного века". "Супериндустриализм" Э.Тоффлера как часть концепции информационного общества.....	142
3. Теория постиндустриального развития Д.Белла.....	148
Примечания и ссылки к теме 9.....	152
Новые понятия.....	153
Вопросы для самоконтроля.....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	154

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторы не без опасений предлагают этот учебник вниманию студентов. Опасения связаны с предположением, что студенты попытаются заменить им все остальные материалы, необходимые для освоения курса. Но ни лекции, ни учебные пособия не помогут в полной мере ощутить тот "исторический аромат", без которого всемирный процесс развития экономической мысли может предстать лишь скучным набором имен, названий школ и немногих основополагающих идей. Только обращение к классике позволит проникнуть в мир блестящих мыслей, выдающихся открытий и не менее выдающихся заблуждений.

Эта книга даст студентам лишь общую канву, первичный систематизированный материал, с помощью которого можно будет разобраться в обширной экономической литературе. Курс истории экономической мысли труден не столько своим содержанием, сколько объемом. Когда впервые погружаешься в море экономической литературы, создается впечатление, что постичь ее невозможно. Но со временем не без удовлетворения обнаруживаешь, что новых идей в современной экономической теории очень немного, что все уже давно написано, что революционные прорывы в экономической науке можно сосчитать на пальцах одной руки, и тем не менее, чтобы показать основные линии развития науки экономики, нам придется произвести жесткий отбор авторов и идей.

Чтобы составить представление об истории экономических учений, достаточно прочитать, скажем, всего пять хороших основополагающих книг. Мы назовем эти пять книг, эти "экономические евангелия", хотя сам их перечень может вызвать возражения у специалистов с другими вкусами и пристрастиями. Но все согласятся с тем, что, например, книга *Адама Смита* "Исследование о природе и причинах богатства народов" представляет собой кладезь идей, из которых выросло несколько школ и направлений экономической мысли. Ученые, стоящие на полярных позициях, — современные неоклассики и кейнсианцы, марксисты и монетаристы опираются на гигантскую скалу смитианства. Труд А. Смита должен стать первой книгой, которую обязан изучить студент, если он собирается стать квалифицированным экономистом.

Россия вступает в сложный мир рыночной экономики. Чтобы хорошо в нем ориентироваться, не попасть под влияние эйфорических настроений по поводу рынка, трезво разобраться в системе противоречий рыночного капиталистического общества, необходимо понять содержание выдающегося труда *Карла Маркса* "Капитал", особенно его первого тома. "Капитал" изучают во всех экономических колледжах и на всех экономических

факультетах мира. Он интересен не только деятелям рабочего и социалистического движения, как это может показаться людям, случайно оказавшимся в экономической науке. Он интересен также бизнесменам и менеджерам, которые изучают этот труд как бы с профилактической целью: зная болезни общества, в котором живешь, можно попытаться найти способы лечения, дабы не довести социально-экономический организм до летального исхода. Вот вам вторая книга.

Третьей книгой станет для вас труд великого англичанина *Альфреда Маршалла* "Принципы политической экономии". А.Маршалл более 100 лет назад заложил основы микроэкономики. Этот человек сумел синтезировать лучшие достижения классической экономической теории и маржинализма.

Революционный переворот в экономической теории Запада уже в новейшее время произвел *Джон Мейнард Кейнс*, в 1936 г. издавший книгу "Общая теория занятости, процента и денег", в которой заложены основы всей современной макроэкономики. Кейнс открыл для рыночной экономики государство как активную экономическую силу. Сегодня многие пытаются похоронить кейнсианское учение. Но нигде в мире не существует нерегулируемой рыночной экономики, хотя демагогия либерализма распространена широко.

Энциклопедией современной западной экономической мысли стало произведение выдающегося американского экономиста наших дней *Пола Самуэльсона* "Экономика". Эта книга была написана как учебник и вызвала к жизни массу подражаний, одно из которых всем хорошо известно. Это — "Экономикс" К.Макконнелла и С.Брю. В каждом приличном университете сегодня издаются подобные учебники, и все же П.Самуэльсон остался непревзойденным. Его труд и есть та пятая книга, которую стоит изучить, чтобы стать экономистом.

Обращаем ваше внимание на то, что в предложенном кратком "евангелическом" списке нет трудов российских ученых. Российская, и в частности русская, экономическая мысль — особая тема. Россия не меньше других стран дала всемирно известных ученых-экономистов. Иван Посошков и Михаил Ломоносов, Павел Пестель и Николай Тургенев, Александр Герцен и Николай Чернышевский, Владимир Дмитриев и Евгений Слуцкий, Михаил Ту-ган-Барановский и Николай Кондратьев, Александр Чаянов и Леонид Канторович — этот список можно продолжать долго. Отдельная тема — русские марксисты во главе с В.И.Лениным, впервые в истории сделавшие попытку практического осуществления социально-экономической доктрины. Трудно объяснить, почему эти люди либо мало известны на родине, либо известны, но не как экономисты. Видимо, прав был Г.В.Плеханов, когда писал: "Пока выдающиеся люди отсталой страны не получают признания в передовых странах, они не добьются полного признания и у себя дома; их соотечественники будут питать более или менее значительное недоверие к своим "доморощенным" силам ("где уж нам?"). Ведь нельзя же отрицать, что русские люди оценили все колоссальное значение своей литературы только после того, как перед ней преклонился Запад". (Соч. - М.-Л., 1925. - Т. XXI. - С. 158.)

В данной работе мы постарались преодолеть "европеизм" историко-экономических исследований и показать лучшие достижения русской экономической мысли, которая всегда развивалась самобытным путем, но в общем потоке мировой экономической культуры. Попробуем уже здесь, в предисловии, подчеркнуть некоторые особенности истории русской экономической мысли.

Во-первых, в то время как в Европе экономисты все более обращались к проблемам капиталистического промышленного развития, разрабатывая тематику рыночной экономики, в России центральным объектом исследований оставался "крестьянский вопрос" — аграрные отношения, проблематика, связанная с существованием крепостного права и его последствиями. Характерно, что "крестьянский вопрос" не решен до сих пор. Во всяком случае, пока никто точно не знает, кто должен стать эффективным собственником земли в России.

Во-вторых, в России долгое время существовало своеобразное "разделение труда". Оригинальные экономические идеи разрабатывали, как правило, непрофессиональные экономисты, специалисты из других научных сфер, публицисты, чиновники, офицеры, хозяйствующие практики. Профессиональные же экономисты, как ни странно, добровольно ставили себя в позицию учеников западных экономических школ, будь то смитианство, рикардизм или марксизм (любопытно, что это явление, к сожалению, прослеживается и сегодня). Лишь в самом конце XIX в. появились экономисты-профессионалы мирового уровня — *М. И. Туган-Барановский* (1865—1919) и *В. К. Дмитриев* (1868—1913). Видимо, это объясняется тем, что политическая экономия — все-таки наука буржуазная и успешно развивается только в условиях относительно развитых товарно-денежных отношений. В дореформенной России интерес к капиталистическим производственным отношениям не выходил за университетские стены и носил несколько абстрактно-академический характер. Когда же реальная жизнь предложила относительно развитый объект для изучения, тогда-то и появились оригинальные мыслители-профессионалы.

В-третьих, русская экономическая мысль развивалась в системе своеобразной пересекающейся дихотомии (раздвоения): с одной стороны, дискутировали и боролись друг с другом сторонники революционных преобразований производственных отношений и сторонники постепенного реформирования российской экономики, с другой — поклонники западных моделей развития и поклонники идеи самобытного пути развития России. Если русские "западники" еще как-то известны современным экономистам, то гораздо меньше известны ученые иного направления, носители русской национальной экономической идеи. Конечно, имена *А. Т. Болотова*, *С. Н. Булгакова*, *А. И. Васильчикова*, *В. П. Воронцова*, *Л. А. Тихомирова*, *С. Ф. Шаранова*, *А. Н. Энгельгардта* упоминаются в обзорах по истории русской экономической мысли, но всегда в контексте критики их основополагающих экономических воззрений. "Национальных" экономистов критиковали русские и западные смитианцы, рикардизмцы, позже — марксисты и маржиналисты. При этом сторонников национальной идеи представляли преимущественно как неких реакционеров, преувеличивающих самобытность экономического развития России и способствующих консервации по-европейски понятой отсталости страны.

Вообще-то русские экономисты национальной ориентации и не рассчитывали на западного читателя, они писали для отечественной публики. Но, к сожалению, ни европейски образованные читатели, ни представители власти не слишком жаловали своим вниманием этих авторов, даже если их исследования достаточно точно отражали российскую экономическую действительность, а прогнозы сбывались. Основные идеи экономистов-националистов" сводились к следующему.

1. Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует о том, что *его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей*, обеспечив сохранение национальной независимости, экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов.

2. России присуща автаркическая ориентация хозяйственных единиц и системы в целом. Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не вовне, а внутрь хозяйственной системы.

3. Русские способны к самоограничению. Их производственная активность устремлена не на потребительскую экспансию, не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.

4. Самобытные особенности организации труда и производства в России — это трудовая и производственная демократия, самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации — преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

5. В народном сознании было закреплено, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, должна находиться не в индивидуальной собственности, а лишь

во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знали частной собственности на землю. Отсюда древний трудовой идеал крестьянства, враждебно относящегося к частной собственности на землю.

6. Если для западного человека свобода — в деньгах, то для русского свобода — это независимость от денег. Ф.М.Достоевский утверждал, что русский народ — единственный великий европейский народ, который устоял перед натиском золотого тельца, перед властью денежного мешка. В крестьянском сознании веками формировалась мысль, что богатство — грех.

7. Общинность и артельность — генетически закрепленные способы труда в России. Однако кн. А.И.Васильчиков подчеркивал, что русский мир (община) имел в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на земельный надел каждого домохозяина, тогда как обработка сообща и деление продуктов, хлеба или сена в натуре при уборке никогда не были в обычае у русского крестьянина. Огульные работы, особенно когда они проводились по указанию помещиков или высшего начальства, вызывали у крестьян отвращение и выполнялись только по принуждению. (См.: Экономика русской цивилизации / Сост. О.А.Платонов. — М.: Родник, 1995.-С.5-23.)

Русская национальная экономическая идея до сих пор жива и критикуема за ее некапиталистическую, как, впрочем, и несоциалистическую, направленность. Ее живучесть — своеобразный феномен, требующий серьезного исследования.

После этих предварительных замечаний дадим определение предмета нашего курса: *история экономических учений изучает закономерности развития мировой экономической теории, исторический процесс возникновения, развития, борьбы и смены экономических взглядов в различные эпохи и в разных странах в тесной взаимосвязи с историей экономики, основными направлениями философской мысли и конкретными экономическими дисциплинами.*

Естественно, что, изучая историю экономических учений, необходимо исследовать и развитие метода экономической науки. До недавнего времени, когда в нашей стране господствовал "поголовный марксизм", в официальной науке признавался лишь один метод исследования — диалектико-материалистический. Между тем непредубежденный взгляд на историю науки экономики позволяет увидеть, что и на базе иных методологических посылок возможны значительные достижения экономической мысли. Это, впрочем, не должно быть причиной того, чтобы отрицать познавательные возможности гегельянского и марксистского методов. Крайности и экстремизм в науке (как и во всех других сферах жизни) — весьма вредные явления. Терпимость и попытки понять друг друга — вот путь взаимного обогащения школ и направлений.

Всякое экономическое явление можно рассматривать с различных точек зрения и с различными целями. И вполне вероятно, что разные подходы могут оказаться верными для различных условий. Эмпиризм ученых античной древности и средневековья не помешал им выдвигать глубокие теоретические гипотезы, которые тогда еще не сложились в систему взглядов, но стали предтечей науки под названием "политическая экономия". С другой стороны, метод научной абстракции, разрабатывавшийся классиками буржуазной политической экономии, не помешал теории вырождаться в упрощенные построения, которые предлагали последователи классического наследия. Любопытно, что Ж.Б.Сэй, Дж.Мак-Куллох, У.Сениор, упрощая классическое учение, вместе с тем создавали базу для иных — нетрудовых — концепций стоимости, которые позднее превратились в новую систему взглядов. Диалектический материализм, дав значительные результаты в развитии экономической мысли в рамках трудовой теории стоимости, все-таки не позволил чутко уловить достижения маржиналистской концепции. Попытка выдающегося мыслителя М.И.Туган-Барановского найти синтетическое единство марксистских и маржиналистских концепций стоимости была грубо осуждена ортодоксальным марксистом Н.И.Бухариным.

По всей видимости, в науке не может быть одной правды на все времена и для всех исторических ситуаций. Скажем, А.Смит описал относительно гармоничную и вполне компромиссную модель рыночной экономики, а К.Маркс дал описание противоречивого и конфликтного рыночного мира. Кто из них прав? Как ни странно, оба. В рыночной экономике есть и то и другое. Если действительно существует закон единства и борьбы противоположностей, то вполне возможна ситуация, когда один исследователь предпочитает рассматривать "единство", а другой — концентрирует внимание на "борьбе". Помимо всего прочего, многое зависит от личных пристрастий исследователя, от его биографии и даже от характера. И только знакомство со всеми, подчас противоположными взглядами позволит составить широкую и, по возможности, достоверную картину истории экономической мысли.

Со временем и методы, и теории стареют и умирают, но они могут возрождаться на новом витке спиралевидного развития. Слепое следование определенным методологическим посылкам привело к самоизоляции экономической теории России от магистральных путей развития экономической мысли, что, в свою очередь, ввергло экономическую науку России XX в. в глубокий и пока не преодоленный кризис.

Судя по всему, в любой исторической науке трудно достичь полной объективности, а окончательной истины просто не существует. Меняется конкретная социально-экономическая обстановка — и меняются взгляды исследователей на прошлое. Это — нормальный процесс. Не следует только одно невежество заменять другим.

Авторы любого методического или учебного пособия — всего лишь обыкновенные люди со своими вкусами и идеологическими установками. Студент, ограничивающийся чтением материалов комментирующего характера, невольно попадает в плен мнений комментаторов. Между тем сомнения и даже недоверие в науке весьма полезны. Субъективный взгляд исследователя, непреодолимый по природе вещей, — один из самых сильных ограничителей для объективного освещения истории. Представьте себе задачу: изложить на нескольких страницах содержание "плотной", насыщенной блестящими идеями книги Рикардо или многотомного произведения Маршалла. Что в этих работах главное, а что второстепенное? Что истинно, а что ложно? Ответы на эти вопросы особенно зависят от личности комментатора, которому невольно придется осуществлять субъективный отбор материала.

Именно поэтому мы завершаем свое предисловие старым как мир советом:

"Подвергай все сомнению!"

Прочтя наш комментарий по поводу той или иной школы, того или иного автора, возьмите в руки первоисточник, полистайте, почитайте его. И только потом согласитесь с нами или опровергните нас.

В добрый путь!

Предисловие, темы 1, 5, 6 и заключение написаны доктором экономических наук, профессором Р.М.Гусейновым, темы 2, 3, 9 — кандидатом экономических наук, доцентом В.М.Рябцевой, темы 4,7,8 — кандидатом экономических наук, доцентом Ю. В. Горбачевой.

ТЕМА 1. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

1. С чего начиналась экономическая наука.
2. Предшественники: меркантилисты и физиократы.
3. Экономическое учение Адама Смита.
4. Давид Рикардо и его теория распределения. Мальтус contra Рикардо.
5. Разложение рикардианской школы.

1. С чего начиналась экономическая наука

Экономическая мысль — явление весьма древнее. С тех пор как человек начал осваивать природу в хозяйственных целях, он стал задумываться над экономическими вопросами,

собирать и обобщать факты. Сначала это были, скорее, технологические и технические вопросы, которые затем, по мере обобщения фактов, стали подводить к анализу социально-экономических сторон хозяйственной жизни.

Первые экономические трактаты мы находим в религиозных книгах Древнего Востока, в иудейских, христианских и мусульманских канонических текстах. Обычно мы несколько преуменьшаем степень развитости экономических отношений древнего мира. Неожиданным, например, является для нас тот факт, что на Древнем Востоке достаточно развитыми были товарные и денежно-кредитные отношения, ведь из школьных курсов истории известно, что экономика древневосточных деспотий основывалась на натуральном производстве. Между тем в Библии, в первых книгах Моисея, описываются нормальные товарно-денежные отношения, осуществляемые по известной формуле $T-D-T$. При этом в качестве денег, как правило, выступает серебро. За серебро покупают рабов, землю, хлеб, другие товары¹. В документах, относящихся к эпохе Нововавилонского царства (VII—VI вв. до н.э.), упоминаются арендные контракты, купчие, расписки, накладные. Дошли до нас бухгалтерские счета и векселя того времени. В Нововавилонском царстве не было еще монет, деньги представляли собой простые серебряные слитки, ценностное содержание которых определялось их весом, но уже существовали настоящие банки, "деловые дома", осуществлявшие все главные банковские операции: принимались вклады, выдавались кредиты, производились учет векселей, оплата чеков, безналичные расчеты, финансировалась внутренняя и внешняя торговля².

¹ Примечания и ссылки к каждой теме даны в конце главы.

Взлет экономической мысли, связанной с товарно-денежными отношениями, произошел в античном мире. У истоков экономической науки, как и многих других общественных наук, стоят великие древнегреческие ученые — Ксенофонт (ок. 430—355 гг. до н.э.), Платон (427—347 гг. до н.э.) и Аристотель (384—322 гг. до н.э.).

Ксенофонт, видимо, первый в истории написал специальные экономические работы "Экономикос"³ (в русских переводах "Домострой") и "О доходах". Он жил и работал в кризисный для греческого рабовладельческого строя период, когда у свободного населения греческих полисов не осталось надежд на восстановление хозяйства посредством демократии и появилась тяга к деспотическим режимам (что проявилось в хвалебном описании деяний персидского царя Кира⁴). Длительная Пелопоннесская война (431—404 гг. до н.э.) привела к победе олигархической Спарты, а афинская демократия не выдержала испытания и вскоре была сметена завоеваниями Александра Македонского, а позже — Рима.

Ксенофонт — безусловный сторонник крупного рабовладельческого сельского хозяйства, отрицательно относящийся к ремесленникам и торговцам. Но добросовестность ученого заставляет его с уважением относиться к деньгам как к орудию обмена и накопленному сокровищу. Признавая тезаврацию денег, он одновременно осуждает применение денег в качестве ростовщического и купеческого капитала. Но самое примечательное заключается в том, что этот принципиальный противник рыночных отношений прекрасно понимает роль разделения труда в процессе развития рыночных связей (и, напротив, значение объема рынка для развития разделения труда). "...В небольших городах, — пишет Ксенофонт, — один и тот же мастер делает ложе, дверь, плуг; стол, а нередко тот же человек сооружает и дом, причем он рад, если хоть так найдет достаточно заказчиков, чтобы прокормиться. Конечно, такому человеку, занимающемуся многими ремеслами, невозможно изготовлять все одинаково хорошо. Напротив, в крупных городах благодаря тому, что в каждом предмете нужду испытывают многие, каждому мастеру довольно для своего пропитания и одного ремесла. А нередко довольно даже части этого ремесла; так, один мастер шьет мужскую обувь, а другой — женскую. А иногда даже человек зарабатывает себе на жизнь единственно тем, что шьет заготовки для башмаков, другой — тем, что вырезает подошвы, третий — только тем, что

выкраивает передки, а четвертый — тем, что сшивает все вместе. Разумеется, кто проводит время за столь ограниченной работой, тот в состоянии выполнять ее наилучшим образом"⁵. Как видим, Ксенофонт высказывал общие идеи, через 2200 лет детально разработанные Адамом Смитом⁶.

Парадоксальна судьба философских трудов *Платона*. Последовательный консерватор, сторонник олигархического строя, он создал гипотетическую модель общества, которая в будущем использовалась в качестве примера... европейскими социалистами! Рассматривая рыночные связи, Платон обратил внимание на то, что рынок разделяет людей (в силу разделения труда), но одновременно и связывает их в некое общественное единство. Однако рыночные отношения — удел низших сословий: ремесленников, торговцев, свободных земледельцев. Высшие же сословия, прежде всего интеллектуальная элита, аристократия и военные, должны быть освобождены от хозяйственных забот. Им следует жить замкнутыми общинами, не иметь частной собственности, семьи, каких-либо частных интересов. Правда, содержать элиту обязаны рабы и свободные трудящиеся, но зато внутри аристократической общины жизнь должна идти вполне "по-социалистически", по общему порядку, планомерно и на общую (для аристократии) пользу⁷.

В идеальном обществе Платона все свободные граждане, не объединенные в элитные общины, могут иметь дом и земельный надел, полученные от государства на условиях владения и пользования. При этом государство должно строго следить за соблюдением имущественного равенства граждан и не допускать, чтобы один гражданин был богаче другого более чем в четыре раза.

Однако если говорить о проблематике товарного общества, то наибольший вклад в исследование рыночных процессов внес *Аристотель*. Исследуя товарные связи в обществе, полном неравенства, он обнаружил, что в основе эквивалентности обменов лежит нечто, что делает товары равными и соизмеримыми. Это нечто ученый видел в деньгах. Сами по себе деньги не могут быть предметом собственности, ибо они всего лишь удобное орудие обмена, но поскольку деньги все же становятся объектами частной собственности, это обстоятельство и делает общество безнравственным⁸.

С Аристотеля начинается традиция поиска источника общественного богатства. Подходя к экономике с этической точки зрения, Аристотель обнаруживает две формы богатства: нравственную — экономику и безнравственную — хрематистику. Под экономикой он понимал хозяйствование, т.е. натуральный производственный процесс, имеющий своим результатом потребительную стоимость, вещь, годную для потребления. Хрематистика же — это искусство делать деньги, обогащение с помощью купли и продажи товаров, что, по мнению Аристотеля, есть неестественный источник богатства. Уже здесь мы видим зародышевое понимание противоречивого и сложного содержания товара как единства потребительной стоимости и меновой стоимости. Аристотель не сомневается в том, что нравственно — обогащаться благодаря затратам труда и безнравственно — благодаря купле и продаже результатов труда⁹.

Если для Аристотеля физический труд, хотя и нравственен, но является уделом низших классов общества и рабов, то для средневековой религиозной литературы характерна апология трудовой деятельности. "В поте лица твоего ешь хлеб твой" — один из самых распространенных мотивов христианской литературы. Для *Фомы Аквинского* (1226—1274) трудовое происхождение не только богатства вообще, но и ценностного богатства — уже общее место. Мы привыкли считать, что первую модель стоимостных обменов, связанных с величиной затрат труда, дал Уильям Петти. Это не вполне соответствует действительности. Фома без обиняков пишет, что если обувь обменивается на дом, то этот обмен должен производиться в пропорции, в которой строитель "превосходит сапожника в затратах труда и расходах"¹⁰.

Выдающийся арабский мыслитель *Ибн Хальдун* (1332—1406) прямо указывает на трудовое происхождение стоимости: "Большая часть того, что человек накапливает и из чего

извлекает непосредственную пользу, равноценна стоимости человеческого труда¹¹. Ему даже не чуждо понимание того, что стоимость определяется не индивидуальными, а общественно необходимыми затратами человеческого труда: "Стоимость дохода определяется затраченным трудом, местом, которое данное изделие занимает среди других видов изделий, и необходимостью его для людей"¹².

Однако сколь бы ни были гениальны догадки мыслителей средневековья по поводу происхождения богатства, в целом эти мыслители рассматривали богатство в натурально-вещественном плане. Лишь позднее, по мере развития товарно-денежных отношений, все больший интерес стали проявлять к стоимостной форме богатства, и в частности к наиболее развитой его форме — денежной. Сформировалась первая школа буржуазной экономической мысли — *меркантилизм*.

2. Предшественники: меркантилисты и физиократы

В XV—XVI вв. в Европе экономическая мысль претерпела первые качественные изменения: начался долгий путь поиска источников богатства, но не вообще, а именно капиталистического богатства, воплощенного в прибыли. Это была довольно бурная эпоха, которую совершенно справедливо называют эпохой первоначального накопления капитала, эпоха торговой и политической экспансии европейских государств, великих географических открытий, интенсивного развития мировой торговли, образования первых колониальных империй Нового времени. В этот период широко развивается банковская деятельность, появляются торговые дома и первые монопольные объединения торговцев. Буржуазия, совсем недавно считавшаяся третьим сословием, "подлым классом", выходит на передовые позиции не только в экономике, но и в политике. Наконец, происходят первые буржуазные революции.

События и явления того времени адекватно отражались молодой буржуазной экономической наукой. Европейские *меркантилисты* (от франц. *mercantile* — торговый) не были профессиональными учеными. Это — купцы, промышленники, воины, авантюристы. Но они точно определяли те способы, с помощью которых возникали первые крупные буржуазные состояния, — такими способами были торговля, кредит и война. Экономическая мысль становилась более изощренной, ведь теперь она имела дело с довольно абстрактной формой богатства — денежной. В деньгах, в золоте и серебре, видели тогда цель экономической деятельности. Люди буквально "гибли за металл". Трактаты и памфлеты того времени посвящены непосредственно поиску способов накопления денег в государстве и частных руках.

В различные периоды денежные накопления осуществлялись разными способами. В XV—XVI вв. большие надежды возлагались на административное решение проблем посредством жесткой государственной политики¹³. Европейские государи и правительства с помощью декретов и полицейских мер ограничили вывоз золота из страны и стимулировали ввоз денежного материала из колоний. Однако достаточно скоро возникло и первое разочарование в таком подходе к богатству. Это произошло в XVI — начале XVII в., когда долгожданное и вожаденное золото хлынуло из Америки в Европу. Казалось бы, вот-вот должна наступить эпоха всеобщего процветания и обогащения. Но ничего этого не произошло. Вместо реального процветания европейские народы столкнулись с первой инфляционной "революцией цен". И уже тогда начали понимать, что деньги — это еще не полное счастье. И уж тем более дело не в их количестве.

Начался второй период развития меркантилизма — период торгового балансирования, когда не государственное регулирование, а экономические методы были призваны на помощь молодой буржуазии. Практики и теоретики невольно обращались к производству, вначале с чисто меркантилистскими целями. Если в стране нет серебряных и золотых рудников, рассуждали они, — это вовсе не значит, что нет иных способов обогащения, кроме захвата чужих территорий. Эффективный способ есть: надо производить как можно больше

экспортного товара. Если больше экспортировать, а меньше импортировать, то разница будет сальдироваться деньгами, и деньги сами притекут в страну. Возникновение производственного мотива в экономической мысли одновременно было и началом кризиса меркантилизма, для которого основная форма богатства была воплощена в деньгах, получаемых в сфере обращения.

Впрочем, было бы ошибочным предположение, что экономисты той далекой эпохи не понимали значения производства. Даже в ранних меркантилистских трактатах (*Антонио Серра*) купец всегда соседствует с ремесленником, промышленником. Дело только в смене акцентов: поздние меркантилисты, не умаляя значения денег, больше надежд стали возлагать на производство.

Представителями этого "производственного" меркантилизма были в Западной Европе *Томас Мен* (1571—1641) и *Николас Барбон* (1640—1698), а в России — великий мыслитель *Иван Тихонович Посошков* (1652—1726). Меркантилисты широко пропагандировали трудовую этику вполне в духе христианской морали. Труд у них уже трактуется как один из источников богатства. В частности, Т.Мен в 1621 г. писал: "Труд делает некоторые страны, которые сами по себе бедны (природными ресурсами и драгоценными металлами. — *Авт.*), более богатыми и сильными с помощью других стран, которые имеют больше возможностей, но менее трудолюбивы"¹⁴. А дальше Мен высказывается и вовсе "классически": "...Всем нам в целом и каждому в отдельности следует напрячь все силы ума и сообразительности, для того чтобы помочь увеличению естественного богатства страны с помощью труда и развития ремесел"¹⁵. Это высказывание — еще одно доказательство того, что общепринятое мнение о меркантилистах как идеологах исключительно торгового капитала не вполне верно. И подобных примеров не счесть. Анонимный автор в 1622 г. пишет без обиняков: "В превращении сырых материалов в промышленные изделия заключается такое огромное богатство и устойчивое накопление денежных средств, что это не поддается изображению... Полученное таким путем богатство превосходит золото, добытое из рудников"¹⁶.

Некоторые представители меркантилизма опережали достижения современной экономической теории. Отметим в этой связи небольшой трактат Н.Барбона "Очерк о торговле" (1690). В противоположность многим меркантилистам, обуреваемым "государственным восторгом", Барбон — явный сторонник свободы торговли, полный оптимизма по поводу развития рыночных отношений. Поскольку товары воспроизводимы, постольку они неистощимы, считает он. "Имущество человека конечно, а запасы природы бесконечны и никогда не могут быть истощены. А то, что бесконечно, не может и увеличиваться от бережливости, ни уменьшаться от расточительности"¹⁷. Острый взгляд практикующего бизнесмена и ученого позволил Барбону увидеть в стоимости товара многофакторное явление. Он, с одной стороны, прекрасно понимает, что в стоимости надо искать трудовое содержание, и этим предвосхищает классическое понимание экономических явлений¹⁸. С другой стороны, он осознает, что "стоимость всех товаров проистекает из их полезности. Бесполезные вещи не имеют никакой ценности, или, как говорят по-английски, они не хороши ни для чего"¹⁹.

Конечно, при желании можно обвинить Барбона в отсутствии монизма во взглядах. Но мы еще увидим далее, что ортодоксальный монизм может легко вырождаться в схоластический догматизм. Широта же взгляда всегда обеспечивает большее поле для дальнейших разработок. В данном случае может возникнуть подозрение, что Барбон путает стоимость с ценой. Но и это не так. Он видит то, чего не замечают многие современные экономисты: стоимость — это скрытая от глаз потенция, цена же — актуализированная (выявленная и измеренная с помощью денег) стоимость²⁰. Впрочем, "лучшим судьей ценности товаров является рынок, так как при стечении покупателей и продавцов лучше всего узнается количество товаров и потребность в них. Вещи стоят как раз столько, за сколько их можно продать"²¹. Вряд ли тут найдутся серьезные аргументы для возражений. А ведь это написано задолго до А.Смита.

Особую роль Барбон отводит проценту. С помощью процента на капитал бизнесмены могут судить о своих реальных доходах и убытках. Фактически речь идет об альтернативных издержках и доходах. "Одно из использования процента: по нему купец высчитывает прибыль или убыток, — пишет Барбон. — Купец ожидает благодаря торговле получить больше, чем проценты на свои товары... То, что купец получает сверх процентов, есть его доход, что ниже процентов — убыток, но если купец получает только проценты на свой товар, то это не доход и не убыток. Вторым использованием процентов является то, что они служат для вычисления стоимости земельной ренты, по ним устанавливается цена на землю при продаже и покупке... В зависимости от величины процентной ставки устанавливается цена земли в стране"²².

Справедливости ради отметим, что в духе меркантилистских традиций Барбон считал, что и ставку процента, и "стоимость денег" нужно устанавливать законом, — это обеспечит стабильность денежно-кредитной сферы. Если такие идеи сегодня выглядят средневековым анахронизмом, то вполне отвечает тенденциям постиндустриального развития и современным представлениям о полезности благ следующая сентенция Барбона: полезность всех товаров заключается в том, чтобы удовлетворять нужды и потребности человека. Существуют две главные потребности, с которыми человек рождается, — это потребности тела и потребности духа. И если потребности тела ограничены, то "потребности духа бесконечны"²³.

Ярким представителем экономической науки периода разложения меркантилизма и одним из основателей классической политэкономии стал англичанин **Уильям Петти** (1623—1687). Он автор многочисленных экономических трактатов, главный из которых "Трактат о налогах и сборах". Мы уже упоминали о том, что мнение, будто У.Петти первым определил стоимость через затраченный труд, не вполне верно. Но это не умаляет значения трудов выдающегося ученого, который действительно впервые стал искать законы экономической жизни, пытался объяснить "таинственную природу" денег, налогов, ренты, процента, цены земли и других явлений. Именно это обстоятельство и делает его "отцом политической экономии", ибо от эмпирического описания экономических явлений Петти переходил к теоретическому абстрагированию, глубоко проникал в сущность экономической жизни. Врач по образованию, он считал общество "политическим" телом и искал закономерности его функционирования.

В своих исследованиях Петти впервые применил статистические методы. В книге "Политическая арифметика" он пишет: "Вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер... употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе"²⁴.

Приведем здесь хрестоматийную выдержку из "Трактата о налогах и сборах", где Петти разъясняет сущность эквивалентного обмена товаров исходя из затрат труда: "Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он способен произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого"²⁵. Запомним, однако, что стоимость ("естественную цену") Петти трактует еще по-меркантилистски. Для него стоимость создается только трудом, затраченным на производство денежного металла, а деньги в обмене как бы наделяют стоимостными характеристиками все остальные товары²⁶. Здесь заложены идеи, которые позже, в 70-х годах XIX в., будут реанимированы в виде концепции "вменения" стоимости.

Труды У.Петти и других экономистов XVII—XVIII вв. готовили *революцию в политической экономии*, осуществленную классиками. Смысл этой революции заключался в *переходе от исследования сферы обращения к исследованию сферы производства как источника вещественного и стоимостного богатства*.

Своеобразно происходил переход к классическому учению во Франции. Здесь возникло учение *физиократов*, одним из основоположников которого стал выдающийся экономист (впервые именно этим термином назвавший собственную профессию) *Франсуа Кенэ* (1694—1774). Он создал первую в истории экономическую школу в буквальном смысле этого слова, т.е. место, где собирались взрослые и даже высокопоставленные люди для обсуждения экономических вопросов. Будучи придворным врачом, Кенэ организовал свою школу в Версале. Это не помешало ему высказывать довольно радикальные идеи и свободно общаться с некоторыми деятелями, идеологически воздействовавшими на активных участников будущей Великой французской революции. Кстати, школу Кенэ посетил молодой А.Смит, который всю жизнь с уважением отзывался о физиократах, хотя и критиковал их.

Слово "физиократия" переводится как "власть природы". Содержание трудов Кенэ нельзя понять, если не вспомнить особенности экономического развития Франции того периода. По сравнению с Англией, где широко развивались торговля и промышленность, Франция оставалась аграрной страной, основными производителями богатства здесь были крестьяне-фермеры. Они были опутаны сетью атавистических феодальных зависимостей, но их положение несравнимо, скажем, с положением русских крепостных крестьян. Степень их свободы была значительно выше. Выплачивая землевладельцам *денежную* ренту, французские крестьяне вели вполне самостоятельное товарное хозяйство. Мануфактуры же во Франции развивались в рамках сеньориальных хозяйств и обслуживали преимущественно знать. Эти особенности и привели к тому, что, с точки зрения Кенэ, главным объектом экономической науки должна стать аграрная сфера.

Кенэ сосредоточил свое внимание на производстве — в этом его "классицизм". Но величайшей заслугой ученого было то, что он рассматривал производство не как единовременный акт, а как постоянно возобновляемый процесс, т.е. как воспроизводство. Сам термин "воспроизводство" введен в науку Кенэ. Более того, впервые в истории воспроизводственный процесс показан исследователем на макроэкономическом уровне как некий общественный феномен, как непрерывный обмен веществ в общественном организме. Нет ни малейшего преувеличения в утверждении, что Кенэ — основатель макроэкономической теории.

Кенэ создал первую модель движения товарных и денежных потоков в обществе, определил условия реализации общественного продукта, показал теоретическую возможность непрерывности общественного воспроизводства товаров, капиталов и производственных отношений. Его модель эквивалентного обмена достаточно абстрактна, но это научная абстракция, позволяющая проникнуть в суть вещей. Не зря все крупные исследователи макроэкономики так или иначе обращались к трудам Кенэ.

Центральной категорией в учении Кенэ было понятие *чистого продукта*. Чистый продукт — это примерно то, что впоследствии назвали прибавочной стоимостью, то, что остается у производителя от выручки после вычета всех издержек. По мнению физиократов, чистый продукт производится исключительно в тех отраслях производства, где происходит реальный физический прирост материи (отсюда и *власть природы*). Не будем обвинять физиократов в наивности, вспомним время и место, в которых формировались их взгляды. Сельское хозяйство и добывающая промышленность дают прирост материи, следовательно, считали они, здесь и создается чистый продукт. А вот в обрабатывающей промышленности, в ремесле материя убывает, значит, здесь не производится общественного богатства. Ремесленники — бесплодный, или стерильный, класс. (Кстати, термин "класс" по отношению к общественным группам людей, различающимся по тому, как они относятся к чистому продукту, тоже впервые применил Кенэ.) Крестьяне, фермеры — главные производители чистого продукта. Но они не потребляют его, а вынуждены передавать в виде земельной ренты собственникам земли, а также королю и церкви. Ремесленники и промышленники играют в обществе вспомогательную, обслуживающую роль, непосредственно не участвуя в

создании чистого продукта. Отсюда и несколько необычная классовая структура общества, по версии физиократов.

Попробуем воспроизвести модель Кенэ (схема 1) и прокомментировать ее, призвав читателя "включить" экономическое воображение, без которого в экономической науке вряд ли вообще можно разобратся.

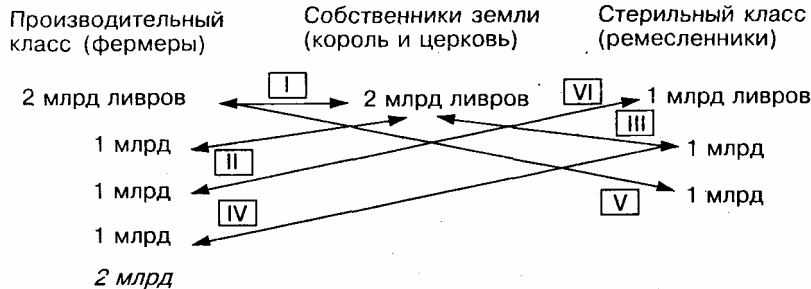

Схема 1. "Зигзаг Кенэ" (См.: Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. - М., 1960. - С. 360-369.)

В первой строке схемы Кенэ (автор называет ее таблицей) показаны денежные формы дохода, в последующих строках — продукты, произведенные за год в ценовом выражении. Внимательно рассмотрим "зигзаг Кенэ", постоянно помня о том, что в первой строке — деньги, а ниже — продукты.

В течение года в стране произведено на 5 млрд ливров сельскохозяйственного продукта и на 2 млрд ливров промышленной продукции. Кроме того, к началу рассматриваемого периода у фермеров имеется в наличии 2 млрд ливров денег. Продукт стоимостью 2 млрд, показанный в самой нижней строке, не участвует в общественном обращении. Это "ежегодные авансы", так сказать, оборотный капитал, обеспечивающий пропитание самих фермеров и семена для будущего года. В обращение, таким образом, вступают 3 млрд ливров продукции сельского хозяйства, 2 млрд ливров промышленной продукции и 2 млрд ливров денег. Из 3 млрд ливров продукции фермеров 1 млрд должен обеспечить амортизацию основного капитала, а 2 млрд — чистый продукт — после их реализации должны превратиться в ренту землевладельцев. (Кстати, численные данные, при всей их условности, достаточно точно отражают реальные хозяйственные показатели Франции того времени.)

Движение денежных и товарных потоков начинается с того, что фермеры выплачивают собственникам 2 млрд ливров в виде денежной ренты (I акт). Собственники сразу же начинают эти деньги тратить, ведь в модели описывается рыночное общество. Один миллиард тут же возвращается фермерам, так как собственники покупают у них продукты питания. Теперь в верхней строке у фермеров есть 1 млрд денег, а продукт на ту же сумму реализован и потреблен (II акт). У собственников остался еще 1 млрд ливров. Его они отдают ремесленникам, покупая у них изделия — одежду, обувь, предметы роскоши и др. Теперь у ремесленников появился 1 млрд "живых денег" и реализован их продукт на ту же сумму (III акт). Ремесленники тут же отдают эти деньги, покупая у них продукты питания. У фермеров опять оказалось 2 млрд ливров денег, они реализовали второй миллиард продукта (IV акт). Но и фермеры возвращают этот миллиард ремесленникам, покупая у них изделия, в том числе орудия труда. Теперь весь промышленный продукт реализован, а у ремесленников оказался вновь 1 млрд ливров денег (V акт). Этот миллиард возвращается ремесленниками фермерам, так как "бесплодный класс" покупает на эти деньги сельскохозяйственное сырье для последующей обработки. Теперь весь продукт фермеров реализован, у них вновь оказалось 2 млрд ливров денег для выплаты ренты будущего года (VI акт).

Все условия воспроизводства налицо: весь годовой продукт реализован и деньги снова у фермеров, которые могут расплатиться с собственниками, чтобы на следующий год начать все сначала.

Обратим внимание на следующее:

- в модели Кенэ описано простое воспроизводство в национальном масштабе без участия внешнего рынка;
- в модели используются агрегатные макроэкономические показатели, описаны товарные и денежные потоки на уровне национального хозяйства в течение года;
- в модели предполагается постоянство цен при свободной конкуренции в торговле и полных гарантиях собственности земледельцев²⁷ (в условиях предреволюционной полуфеодальной Франции это было достаточно радикальным предположением буржуазного толка);
- 2 млрд ливров оказалось достаточно, чтобы обслуживать реализацию продукта стоимостью 5 млрд ливров (3 млрд сельскохозяйственного и 2 млрд ремесленного продукта), благодаря высокой скорости обращения денег;
- внимательный анализ схемы легко выявит ошибку, заключающуюся в том, что ремесленники реализовали весь продукт, не оставив себе ничего для "ежегодных авансов", т.е. их внутреннее воспроизводство становится проблематичным.

Отмеченная ошибка Кенэ — результат его взгляда на значение промышленности того времени. Судьба ремесленника этого ученого просто не интересовала. Он был идеологом фермерства, ведущего товарное производство.

Таким образом, "зигзаг Кенэ" отражает все условия и пропорции воспроизводства и становится первой в истории экономической науки макроэкономической моделью.

Однако Кенэ не был сугубо академическим ученым. Создавая свою теорию, он прежде всего думал о государственной экономической политике, надеясь, что его труды станут теоретической базой для нормативных актов. Из его воспроизводственной концепции вытекает достаточно радикальная налоговая программа: коль скоро фермеры производят, но не потребляют чистый продукт, то и платить налоги с него они не должны. Кто получает и потребляет чистый продукт, тот и платит. "Собственники, государь и вся нация весьма заинтересованы в немедленном установлении налога, целиком падающего на доход от земли, — пишет Кенэ, — ибо всякая другая форма обложения противоречила бы естественному порядку, была бы вредна и для воспроизводства, и для самого налога..."²⁸ В самом деле, что может взять государство с промышленников? Ничего, ведь это "бесплодный класс" (неявно высказанная сугубо буржуазная мысль: промышленность необлагаема налогом; позже в развитой форме ее повторит Д.Рикардо). Можно ли облагать налогом фермеров? И это проблематично. Если отобрать у них часть "ежегодных авансов", то тогда земледельцы или будут недоедать, или у них не хватит средств (семян) для нормального воспроизводства продукции. Если обложить налогом 1 млрд, предназначенный на возмещение затраченного основного капитала, возникнет неразрешимая задача восстановления амортизационного фонда. Остаются 2 млрд чистого продукта. Но эти средства передаются собственникам земли. Их-то и остается обложить налогом.

Кенэ знает истинные причины упадка земледельческой страны. Их, по его мнению, восемь:

- неправильная форма налогового обложения;
- излишнее бремя налогов;
- излишества в роскоши;
- чрезмерные судебные расходы;
- личная несвобода обитателей деревни;
- отсутствие свободы во внутренней торговле;
- отсутствие внешней торговли;
- отсутствие возврата годичного чистого продукта производительному классу.

Радикализм Кенэ несомненен. Пройдет немного времени, и Великая французская революция по-иному разрешит противоречия общества, еще более решительно реализовав программу буржуазии. Революционеры силой конфискуют землю аристократии и распределяют ее равными парцеллами среди земледельцев, наивно полагая, что этим будет

обеспечено подлинное равенство. У Кенэ более мягкая программа — постепенная, так сказать, "экспроприация" крупной земельной собственности посредством налогообложения. Некоторые комментаторы — современники революции считали, что если бы король послушался Кенэ, то революции вместе с гражданской войной, гибелью тысяч людей, гильотиной и, наконец, наполеоновской диктатуры можно было бы избежать. Кенэ — гуманист. Для него жизнь человеческая есть самостоятельная ценность. В статье "Население" он утверждает: "Могущество государства составляют люди: благодаря их потребностям растут богатства; чем больше народы увеличивают продукцию, в которой они нуждаются, и чем больше они ее потребляют, тем они становятся богаче"²⁹.

Впрочем, мечта ученых о том, чтобы их труды служили основой для создания благоразумных законов, так и остается нереализованной.

3. Экономическое учение Адама Смита

Работы У.Петти, Ф.Кенэ, других зачинателей классического учения (П.Буагильбера, Б.Франклина) были тем материалом, на базе которого вскоре должна была появиться и появилась обобщающая экономическая теория молодой буржуазии. Честь создания такой теории принадлежит великому шотландцу *Адаму Смуту* (1723-1790).

В 1776 г. вышел в свет главный труд А.Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов". Это одна из немногих экономических книг, которую читали не только специалисты. Идея свободы, политического и экономического либерализма и трудовая концепция стоимостного богатства — вот основа, на базе которой Смит создает не вполне стройную, противоречивую, но гениальную теорию. Без преувеличения можно сказать, что вся современная экономическая наука во всех ее разновидностях опирается на "Исследование о природе и причинах богатства народов".

Если читать саму книгу Смита, написанную в конце XVIII в., а не комментарии экономистов последующих периодов, то станет очевидной ее необычайная актуальность и в конце XX в. Традиционные стереотипы толкования этого труда можно преодолеть, если отнестись к ним с долей здорового скепсиса. Начнем с того, что ошибочно мнение, будто экономическая концепция Смита отрицает активную роль государства в экономике.

Текст "Исследования о природе и причинах богатства народов" предельно прост и доступен (хотя надо помнить, что это не роман и усвоение материала предполагает определенные умственные усилия). Из этого текста можно сделать странный на первый взгляд вывод, что и сама рыночная система предельно проста и доступна для понимания — достаточно усвоить несколько основных понятий, характеризующих рыночные отношения (спрос, предложение, цена, деньги, капитал, прибыль, процент, рента), и воспринять немногие принципы рыночной жизни.

Что требуется для нормального ("естественного" в терминологии Смита) функционирования рыночной системы? Во-первых, необходимы твердые гарантии неприкосновенности собственности граждан. Нельзя претендовать на чужую собственность. Собственность можно приобрести за деньги, но ее нельзя отнять или украсть. А поскольку собственность — основа стабильности общества, постольку на страже собственности граждан и их объединений стоит государство (которое и само может быть собственником). Во-вторых, нужно честно выполнять взятые на себя обязательства, исполнять контракты, иначе разрушится самое главное, сколь экономическое, столь же и этическое, основание рыночных связей — взаимное доверие участников сделок. За соблюдением этого принципа тоже следит государство. И в-третьих, каждый человек должен быть свободным в своих хозяйственных и иных действиях. Никто не может приказывать гражданину свободной страны поступать так или иначе: человек в принципе свободен. Но у его свободы есть одно мощное ограничение — свобода других людей. И если свобода одного человека мешает свободе другого, то и в этом случае в действие вступают силы государства. "Самые священные законы справедливости, законы, нарушение которых заслуживает мести и самого жестокого

наказания, — пишет Смит в другом произведении, — суть, стало быть, законы, охраняющие жизнь и личность человека; за ними следуют законы, охраняющие собственность и имущество; наконец, последнее место занимают законы, имеющие своим предметом охранение личных прав и обязательств, заключенных между гражданами"³⁰. Вот, собственно, и все, что для начала нужно знать о рыночной системе"³¹.

Таким образом, суть позиции Смита действительно проста. Торговля и промышленность не могут процветать в государстве, где нет известной степени доверия правительству, где население не чувствует уверенности в обладании своей собственностью, где сила договоров не поддерживается законом и где нет убежденности в том, что государство регулярно применяет свою власть, чтобы вынудить уплатить долги всех, кто платежеспособен. Государство должно делать то, что невыгодно или невозможно для частных лиц; оно должно поддерживать режим естественной свободы; наконец, должно охранять жизнь, свободу и собственность граждан. Однако этим и ограничиваются функции государства. Все остальные отношения регулируются "незримой рукой" рынка, конкуренцией, в ходе которой отдельный участник рыночного процесса преследует исключительно эгоистические цели. Но, реализуя свои частные интересы, каждый товаропроизводитель и продавец невольно должен удовлетворять потребности других людей — потребителей и покупателей. В результате рыночное общество становится обществом взаимных услуг вполне эгоистичных людей.

Смит глубоко и оригинально разрабатывает трудовую концепцию стоимости. Он вовсе не был основоположником трудовой теории и менее всего был склонен считать субстанцией стоимости *затраченный* труд. Определение стоимости затраченным трудом дается Смитом в том смысле, что посредством труда блага первоначально были отвоены у природы, затраты труда — это первоначальная плата самой природе. "Труд был первой ценой, первоначальным платежным средством, каким было заплачено за все вещи. Не золотом и серебром, но именно трудом изначально были куплены все на свете богатства"³².

Всякая вещь, утверждал Смит, которую мы хотим добыть, сделать, найти, заполучить, стоит нам каких-то телесных и душевных тягот, жертвы какой-то доли своего досуга, свободы и удовольствия. Это и есть действительная цена данного предмета. Если добытую такой ценой вещь мы можем обменять на что-то другое, эта вещь приобретает для нас меновую стоимость. Чем больше других вещей я могу выменять за свою вещь, тем выше ее меновая ценность. Но как в моем товаре овеществлен мой труд, так и в чужих товарах воплощен чужой труд. Меновая ценность товара для меня равна количеству получаемого чужого труда на единицу затраченного мною труда. То есть не одна лишь затрата, но и *отношение эффекта к затрате*— вот субстанция меновой ценности"³³.

Глубокое разделение труда делает труд более производительным, снижает трудоемкость единицы продукта. Поэтому выгоднее делать что-то одно, получая остальное необходимое посредством обмена. Оба участника меновой сделки, таким образом, на получаемое в обмене тратят меньше времени и сил, чем им пришлось бы использовать, попытайся они сами производить все потребляемые изделия. Наши деньги и товары избавляют нас от лишних тягот труда.

Обмен, следовательно, не эквивалентен, а взаимовыгоден. В обмене, пишет Смит, человека не интересует, сколько труда затрачено было на покупаемый им товар. Его интересует, сколько своего труда он может сэкономить посредством обмена. Покупаемый товар воплощает для него тот труд, какой ему пришлось бы затратить, не будь обмена. В норме это больше, чем он затратил на то, что отдает. Разница между трудом получаемым и отдаваемым составляет выгоду каждого товаровладельца. Но получаемый труд в данном случае — это не реально затраченный, а воображаемый, какого удалось избежать. Из реальной экономии труда и возникает реальный прибавочный продукт, она и есть субстанция прибыли.

Одним из факторов экономии труда является капитал. Когда владелец капитала и работник соединены в одном лице, доход его содержит в себе его прибыль и его зарплату.

Естественно, что когда это разные лица, продукт делится на зарплату одного и прибыль другого. Действительная ценность обеих частей продукта определяется трудом. Но не тем, который в них осуществлен, а, как говорит Смит, тем количеством труда, которое может купить каждый из них, т.е. количеством благ, какое можно купить на эту зарплату или на эту прибыль.

Теория обмена и меновой ценности (цены) Адама Смита целиком сформулирована в контексте разделения труда, вне этого контекста она не может быть понята. Разделение труда у Смита — фактор как технологического, так и экономического характера. Разделение труда экономит усилия, сберегает время и способствует изобретению машин. Смит был первым, кто построил экономическую теорию на факторе технического прогресса. Он не был апологетом физического труда. Он высказывал заботу о проблемах рабочих, говорил о необходимости роста их благосостояния, но в эпоху расцвета изобретательской, инженерной и научной мысли отнюдь не считал, что все материальные ценности создаются только рабочими руками. Труд предпринимателя и купца он полагал производительным, а талант и образованность прямо приравнивал к капиталу.

Вообще, производительный труд и есть основной источник общественного богатства. Надо только понимать, что такое производительный труд. Смит создал первую в истории теорию производительного труда применительно к капиталистической экономике. Если речь идет о товарном производстве вообще, утверждал Смит, то только тот труд, который создает "некоторую ценность" (или, в других переводах, "стоимость"), является производительным. Если же труд не создает стоимости (например, труд в домашнем хозяйстве, результат которого потребляется самим производителем), то такой труд (для рыночного хозяйства!) является непроизводительным³⁴. В капиталистическом обществе ситуация усложняется фактором наемного труда. Каждый труд достоин уважения и должен оплачиваться. Однако если труд наемного работника обменивается на капитал (оборотный) и приносит прибыль капиталисту, то для капиталиста этот труд производителен. Если же труд обменивается на доход и не приносит прибыли (например, труд домашнего слуги), то такой труд не является производительным и ничего не прибавляет к богатству общества.

Посмотрим, какие любопытные сентенции допускает этот "буржуазный" профессор в буржуазной стране: "Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой ценности... Например, государь со своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта деятельности остального населения... К тому же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр."³⁵ В интересную компанию попал государь, не правда ли? Конечно, со времен Адама Смита много воды утекло. Сейчас экономисты с должным уважением относятся к работникам сферы услуг, но пафос Смита тоже надо понять, ведь он жил и творил на заре индустриальной эпохи. И как хорош его знаменитый афоризм: "Там, где преобладает капитал, господствует трудолюбие, где преобладает доход, там господствует лень"³⁶.

Смит, таким образом, хорошо понимал и ценил вклад капитала в создание общественного богатства, но он не опускался до апологии капитала и его персонифицированных носителей — капиталистов. Он видел, как часто интересы капиталистической прибыли могут противоречить интересам общества. Уже современные Смицу крупные предприниматели стремились ограничить конкуренцию и установить монополию с целью извлечения сверхприбыли. И ученый прекрасно понимал, что обуздать такие стремления можно только с помощью государства³⁷.

Невозможно и не нужно пересказывать все содержание книги Адама Смита — это все равно что пересказывать Евангелие. Такие книги надо читать. С позиций сегодняшних

знаний в "Исследовании о природе и причинах богатства народов" можно найти много наивностей и даже ошибок. Но у гения и ошибки гениальны. В частности, давно уже дискутируется вопрос о "догме Смита". Смит иногда смешивал товарное производство вообще с капиталистическим товарным производством, и это приводило его к неверным выводам. Если рассматривать рыночное поведение простого товаропроизводителя, то обнаружим, что стоимость товара, реализуемого этим производителем на рынке, равна его выручке, т.е. валовому доходу. Формально перенеся это понимание на капиталистическое общество, Смит предположил, что и при капитализме сумма доходов должна равняться сумме стоимостей товаров. Иначе говоря, если сложить заработную плату, прибыль и ренту, то получим стоимость товара. Здесь явно не хватает еще одного компонента стоимости — перенесенной стоимости средств производства. В этом пункте Смит сам себе закрыл дорогу к анализу воспроизводственного процесса как на микро-, так и на макроуровне. И хотя здесь явная ошибка, напомним, что современная статистика именно по сумме доходов считает величину ВВП, т.е. "почти по Смицу"³⁸.

Но ошибки нисколько не умаляют ценности учения Смита. Тем более что они были очень скоро исправлены его гениальным последователем Давидом Рикардо. Главное в содержании труда Смита составляет то, что в научной лексике XX в. называется "системным подходом". Труд Адама Смита — это первая попытка системного анализа рыночной экономики, осуществленная выдающимся философом.

4. Давид Рикардо и его теория распределения. Мальтус contra Рикардо

Давид Рикардо (1772—1823) был не только выдающимся теоретиком, но и прекрасным практиком капиталистического бизнеса. Современники называли его гением Сити. Не имея специального образования, он смог создать труд, который навсегда вошел в историю экономической мысли. В 1817 г. была опубликована книга "Начала политическое экономии и налогового обложения". В ней автор продолжил дело Смита, сразу же исправив его ошибку, как уже было сказано.

Необходимость учета в стоимости товара, а тем более в издержках производства затрат средств производства Рикардо показал без особых теоретических сложностей. Он даже назвал третий отдел своей книги так: "На стоимость товаров влияет не только труд, применяемый непосредственно к ним, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду"³⁹. В то же время, в отличие от Смита, Рикардо высказывался за безусловное признание затрат труда единственным источником стоимости товара. "Стоимость товара или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, — писал Рикардо, — зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд"⁴⁰. На первый взгляд автор противоречит себе. Но это противоречие снимается тем, что в использованных средствах производства Рикардо видит воплощение прошлого труда, к которому живым трудом работника добавляется новая стоимость. В результате стоимость имеет исключительно трудовое происхождение.

Предметом своего исследования Рикардо назвал законы распределения доходов в обществе. Его интересовал не столько способ производства стоимости и ее составных частей, сколько способ распределения между различными классами прибыли, ренты, процента и заработной платы. Анализируя процесс распределения, Рикардо получил основательные представления об анатомии и физиологии капиталистического общества и обнаружил в нем неразрешимые антагонистические противоречия, что позволило его последователям сделать из его учения выводы социалистического толка. Не зря произведения этого экономиста импонировали К.Марксу.

Для Рикардо, который, как и Смит, считал труд товаром, продаваемым рабочими, прибыль есть вычет из продукта труда рабочего. Но стоимость заработной платы и прибыли создается трудом исключительно рабочих. Отсюда ясно, что, являясь частями вновь

созданной стоимости, заработная плата и прибыль вступают во взаимное противоречие в процессе распределения. Стоимость товара представляет собой не что иное, как воплощенный в товаре труд. Она создается в процессе труда, и если в процессе распределения изменяется соотношение между зарплатой и прибылью, это уже не должно влиять на саму стоимость и цену товара: "Все, что увеличивает заработную плату, необходимо уменьшает прибыль"⁴¹ — и наоборот.

Может сложиться впечатление, что Рикардо, исследуя противоречия капиталистического хозяйства, исходит из интересов рабочих. Напротив, главная его забота — это капиталистическая предпринимательская прибыль. Рикардо даже использовал аргументацию своего идейного противника (но личного друга) Томаса Роберта Мальтуса⁴², пытаясь доказать, что заработная плата рабочих объективно не может быть высокой. Суть аргументов сводится к следующему: рабочие не могут регулировать деторождение; когда зарплата повышается, начинает неумеренно расти их численность за счет рождения большого количества детей; предложение рабочей силы растет, цена на нее падает до уровня жизненного минимума. Отсюда следует вывод, что высокая зарплата бессмысленна. Рикардо также выступал против излишней благотворительности к рабочим, считая, что законы о бедных снижают стимулы к труду и поощряют иждивенческие настроения. "Не подлежит никакому сомнению, — писал он, — что комфорт и благосостояние бедных не могут быть постоянно обеспечены, если вследствие их собственных стараний или некоторых усилий со стороны законодательства не будет урегулировано возрастание их численности и ранние непредусмотрительные браки не станут менее частыми в их среде. Действие системы законов о бедных было прямо противоположное. Они делали воздержание излишним и поощряли неблагоразумных, предлагая им часть заработной платы благоразумных и трудолюбивых"⁴³.

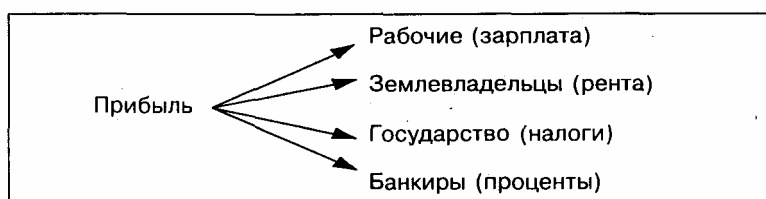

Схема 2. Претенденты на прибыль по Рикардо

Проследим за логикой Рикардо (схема 2). Надо оградить предпринимательскую прибыль от притязаний рабочих, получающих зарплату, от государства, взимающего налоги, от землевладельцев, присваивающих рентный доход, и даже от банкиров, получающих процент (последнее положение у Рикардо выражено неявно). Если прибыль будет высокой, увеличится и норма накопления. Значит, появятся и большие возможности для частных инвестиций, расширится производственная база. На работу будут приняты новые отряды рабочих. А поскольку всякое общественное богатство создается трудом, постольку при росте числа занятых возрастает и общественное богатство. Отсюда вывод: богатство общества тождественно богатству промышленной буржуазии. Оставьте промышленников в покое, дайте им безбрежную свободу для обогащения, и вы получите процветающее общество. Ничто не способствует в такой степени процветанию и счастью страны, как высокая прибыль — это утверждение встречается в нескольких работах Рикардо.

Особую неприязнь у ученого-предпринимателя вызывала земельная рента. В "Началах политической экономии и налогового обложения" он цитирует Ж.Б.Сэя: "Земля... единственный, или почти единственный, естественный элемент, который одна группа людей присваивает себе, отстраняя других, и благоденствия которого она, следовательно, может присваивать"⁴⁴. Из контекста можно понять, что Рикардо считает ренту паразитическим доходом, который присваивается землевладельцами лишь по титулу собственности. В другой работе он утверждал, что для страны было бы жалким утешением довольствоваться низкой прибылью и низким процентом, только для того чтобы дать землевладельцам

возможность получать деньги под закладные с меньшими для себя жертвами. Правда, сама по себе рента не делает товар дороже, ибо, как уже не раз говорилось, стоимость создается трудом работников. "Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог, — утверждает Рикардо в "Началах политической экономии...". — Справедливо поэтому было замечено, что цена хлеба несколько не понизилась бы, если бы даже землевладельцы отказались от всей своей ренты. Такая мера только позволила бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшила бы количества труда, необходимого для получения сырых произведений с наименее производительной земли, находящейся под обработкой"⁴⁵.

Впрочем, не в пафосе, направленном против земельных аристократов, тут дело. Рикардо, прекрасно понимая, что рента есть изъятие части капиталистического дохода в пользу непроизводительного потребления землевладельцев, сам стал землевладельцем. Это не помешало ему создать новое учение о дифференциальной земельной ренте. При этом Рикардо сделал первый шаг к будущему маржиналистскому пониманию того, что факторы производства, во-первых, количественно ограничены и, во-вторых, качественно обладают убывающей производительностью. Правда, он не обобщал эту идею и считал ее верной только относительно земли.

Суть понимания ренты у Рикардо в следующем. Земля — ограниченный ресурс. К тому же разные участки земли имеют различное естественное плодородие. По мере использования лучших земель в производство вовлекается земля все худшего качества с *убывающим естественным плодородием*. Капитал, примененный на худшем по качеству участке, должен приносить среднюю прибыль, иначе капиталист не станет заниматься сельскохозяйственным бизнесом. При этом худший участок (назовем его на современном экономическом жаргоне *предельным*) ренты не приносит⁴⁶. Тогда равновеликие капиталы, примененные на средних и лучших по качеству участках, будут приносить некий разностный доход, полученный не потому, что сам капитал более эффективен, а потому, что земля более качественна. Эту-то разницу в доходах и присвоит собственник земли, так как именно он является, так сказать, "собственником качества".

Дав блестящий анализ ряда категорий товарного хозяйства, Рикардо, тем не менее, не до конца прошел путь доказательства трудового происхождения всех форм богатства. Сложно говорить о недостатках написанного им труда. Скорее, можно сожалеть о том, что он обошел своим вниманием ряд важных моментов. Но именно ненаписанное и невысказанное стало предметом нападок со стороны противников трудовой концепции стоимости. Чутко уловил эти проблемы Мальтус, который стал главным критиком Рикардо и, косвенно, Смита. Обратим и мы внимание на два момента.

Во-первых, ни Смит, ни Рикардо так и не доказали эквивалентность обменов между рабочим и капиталистом. Из концепции "вычетов из продуктов труда рабочего" следовало представление, что рабочему просто недоплачивают за его труд, изымая часть вновь созданной стоимости в качестве платы за риск и организационно-управленческую деятельность капиталистов. Но логика подсказывает, что если рабочему постоянно недоплачивать, он очень скоро начнет физически деградировать и уйдет из производственного процесса⁴⁷.

Во-вторых, капитал в разных отраслях имеет различную структуру и различную скорость оборота. В отраслях легкой промышленности на единицу капитала приходится больше труда, чем в отраслях тяжелой промышленности. Коль скоро в легкой промышленности занято больше живого труда, в ней создается на единицу капитала больше стоимости и появляется возможность присваивать больше прибыли, чем в тяжелой промышленности. Норма прибыли в легкой промышленности всегда должна быть выше, чем в тяжелой. Но практика показывает, что равновеликие капиталы приносят равновеликую прибыль независимо от отрасли применения. Доказать причину этого явления в рамках трудовой теории Рикардо не смог и был раскритикован Мальтусом.

Уже после смерти Рикардо в экономической литературе разгорелась дискуссия. Противники трудовой теории подчеркивали слабые места в теоретических построениях классиков, а друзья, последователи и корреспонденты Рикардо стали искать новые аргументы в защиту трудового постулата. Однако они делали это, значительно отступая от ортодоксального рикардизма, упрощая учение, с одной стороны, и готовя возникновение новых концепций — с другой.

Нужно строго различать последователей Рикардо, упрощавших его идеи (или, в стилистике марксистской критической литературы, вульгаризировавших их), и оппонентов, к которым относился прежде всего *Томас Роберт Мальтус* (1766—1834). Мальтус не был противником Рикардо в классовом смысле. Он был действительно научным оппонентом, который в полемике искал истину *вместе* со своим младшим товарищем по научным интересам.

Обычно о Мальтусе вспоминают, когда речь заходит о теории народонаселения (демографии), причем вспоминают как о фигуре одиозной. Между тем не так уж неправ был этот английский священник, всю жизнь занимавшийся политической экономией. Его труд "Опыт о законе народонаселения"⁴⁸ имел удивительный успех, но успех этот был несколько скандального характера. Искренне озабоченный (ведь он был священником!) судьбой низших классов населения, Мальтус утверждал, что их бедность есть результат действия природных факторов: во-первых, убывающего плодородия земли, а во-вторых, слишком быстрого прироста населения. Мальтус считал, что плодородие, при всем прогрессе науки, техники и агрокультуры, просто не поспевает за демографическими процессами. Население планеты увеличивается в геометрической прогрессии, а плодородие — в арифметической. В результате низшие классы объективно обречены на голод и нищету. Никакие социально-политические преобразования не в силах упразднить этот закон природы. Поэтому несчастья, посылаемые Богом на землю (войны, эпидемии, природные катаклизмы), в конечном итоге оказываются благом для человечества, ибо восстанавливают хрупкое равновесие между человеческими потребностями и производственными возможностями⁴⁹.

Не будем здесь углубляться в анализ "Опыта о законе народонаселения", отметим только, что за 200 лет, прошедших после написания этого труда, бедность на нашей планете не только не преодолена при всех попытках государств и обществ бороться с ней, а, напротив, постоянно воспроизводится как в абсолютном, так и в относительном виде. Бедность сопровождается элементарным бескультурьем, приводящим к неспособности регулировать деторождение и демографический процесс в целом. Выходит, что не зря Мальтус призывал людей к разумному самоограничению и воздержанию.

Однако главным произведением Мальтуса стал другой труд, так и не увидевший света на русском языке, — "Принципы политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение" (1820). Именно в нем Мальтус указал на теоретические трудности, с которыми сталкивался Рикардо, разрабатывая свою версию трудовой теории стоимости⁵⁰. Но одновременно здесь Мальтус сделал значительный шаг вперед в понимании макроэкономического воспроизводственного процесса. За век до Дж.М.Кейнса он понял, что капиталистическая рыночная система не так уж легко осуществляет расширенное воспроизводство, как считали многие экономисты, в том числе Рикардо и Сэй.

Капитализму присуще недопотребление созданного национального продукта, что приводит к периодическим кризисам. Если бы существовало "чистое" капиталистическое общество, состоящее из рабочих и капиталистов, оно никогда не выходило бы из неравновесного состояния из-за недостатка "эффективного спроса" (термин Кейнса). Поэтому в обществе всегда должны присутствовать "третьи лица", прежде всего крупные лендлорды, землевладельцы, которые своим потреблением способствуют расширению рынков сбыта. Объективно эта идея была направлена против рикардизма осуждения паразитизма получателей ренты. Мальтус писал не без иронии: "Несколько странно, что мистер Рикардо, который получает значительную ренту, так недооценивает ее национальное значение. В то

время как я, который ренты никогда не получал и не надеюсь получать, возможно, буду обвинен в переоценке ее важности"⁵¹.

По существу, именно Мальтус впервые поставил в теоретическом плане проблему реализации, которую игнорировали до него и после него (даже после блестящих исследований Маркса). Хотя ученый решал этот вопрос своеобразно, поощряя паразитическое потребление, сама по себе постановка его стала значительным шагом вперед в развитии макроэкономики⁵². Мальтус признавал положительную роль и инвестиционной деятельности государства, тем самым выступая непосредственным предшественником Дж.М.Кейнса.

5. Разложение рикардианской школы

Если Мальтус оппонировал Рикардо, то сторонники рикардианства стали постепенно отступать от ортодоксальной трудовой доктрины. Начал это отступление французский экономист *Жан Батист Сэй* (1767-1832).

Обычно в критической литературе Ж.Б.Сэй фигурирует как вульгаризатор классического учения. Но вот что о нем говорит сам Рикардо: "Сэй"⁵³ был первым или одним из первых писателей на континенте, верно излагавшим и применявшим начала Адама Смита, и более чем кто-нибудь из иностранных писателей, вместе взятых, содействовал разъяснению европейским народам общих начал этой прекрасной и благотельной системы и в особенности успел расположить отдельные части этой науки в логическом и поучительном порядке и обогатить ее многими оригинальными точными и глубокими исследованиями. Но уважение, которое я питаю к трудам этого писателя, не помешало мне, однако, в интересах науки, сделать свои замечания на те места его сочинения, которые представлялись мне несогласными с моими собственными выводами"⁵⁴.

Думается, что в этих словах — не только академическая вежливость оппонента. Сэй действительно был наиболее известным экономистом, лектором и публицистом первой трети XIX в., много сделавшим для популяризации экономической науки среди европейской интеллигенции. С Сэем с удовольствием переписывались Рикардо, Мальтус и Сисмонди — крупнейшие авторитеты того времени. Именно Сэй впервые строго определил политическую экономию как *науку о производстве, распределении и потреблении богатства*. Впоследствии это понимание предмета политэкономии было развито Дж.С.Миллем и многими другими экономистами.

Не отказываясь от идеи трудового происхождения стоимости, Сэй утверждал, что стоимость создается *не только трудом*. В производстве участвуют три фактора: труд, капитал и земля. Они не могут функционировать друг без друга и, следовательно, взаимодействуя, вместе создают полезные блага, а полезность придает благам стоимость. Каждый фактор создает свою долю в стоимости, которая превращается в соответствующий доход — заработную плату, прибыль и ренту. В таком случае, во-первых, подтверждается смитовская идея, что сумма доходов есть стоимость, а во-вторых, отвергается взгляд на стоимость как явление, полное антагонизмов.

Сравним две схемы, отражающие трактовки Смита—Рикардо и Сэя (схемы 3 и 4). На первый взгляд может показаться, что они различаются лишь нюансами, но если посмотреть внимательнее, то мы увидим существенные различия, которые поначалу не бросаются в глаза. У Смита—Рикардо один источник стоимости, а у Сэя — три. С социальной и даже политической точек зрения схема Сэя приводит к выводу о гармоничности капиталистического общества. Здесь каждый субъект рыночных отношений получает свою долю в общественном продукте, а доходы есть не что иное, как факториальные издержки. Если по Рикардо у всех форм доходов один источник — труд, а прибыль и рента суть вычеты из продукта труда рабочего, то по Сэю у каждого дохода свой источник: труд порождает зарплату, капитал — прибыль, а земля является источником ренты.

Схема 3. Схема А.Смита — Д.Рикардо

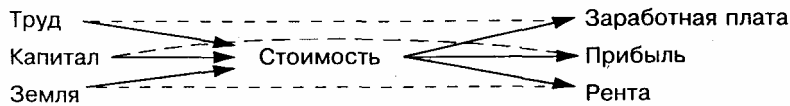

Схема 4. Схема Ж. Б.Сэя

Если из идей Рикардо вполне можно было сделать выводы о "классовых раздорах" в обществе, то из идей Сэя таких выводов сделать было нельзя. В концепции Сэя капиталистическое общество — общество социального партнерства. Возможно, что именно это обстоятельство вызвало в свое время раздражение Маркса — самого резкого критика Сэя. Точка зрения Сэя — это действительно явный отход от трудовой теории стоимости, который привел к особой трактовке макроэкономического воспроизводственного процесса, долгое время господствовавшей в политико-экономических трактатах и опровергнутой сначала Марксом, а позже — Кейнсом.

Сэй, вслед за Смитом, разлагает стоимость на доходы. Отсюда следует, что если все доходы в денежной форме будут потрачены, то вся созданная в обществе стоимость будет реализована. Поскольку это так, постольку в рыночном обществе невозможны кризисы перепроизводства. Логика Сэя проста, но неточна. Он неверно трактует функции денег, полагая, что это лишь инструмент обращения товаров, что они не имеют иного относительно самостоятельного назначения. Вот что пишет ученый: "Человек в промышленности старается сообщить ценность своим продуктам, создавая для них какое-нибудь полезное употребление, и может надеяться, что его товар будет оценен и продан только там, где есть люди, имеющие средства купить его. Из чего состоят эти средства? Из других ценностей, из других продуктов, плодов промышленности, из их капиталов, земель. А из этого следует, хотя на первый взгляд это может показаться парадоксом, что *сбыт для продуктов создается самим производством*"⁵⁵. Эта простая мысль вошла в историю как "закон Сэя".

Деньги, считает Сэй, человеку нужны только для того, чтобы купить средства производства или предметы потребления. Он практически игнорирует процесс накопления в денежной форме и признает только отложенный спрос: "Даже и в том случае, когда деньги копятся только ради того, чтобы копиться, назначение их, в конце концов, состоит все-таки в том, чтобы купить на них что-нибудь. Если покупает на них даже и не тот, кто накопил их, то покупает его наследник или кто-нибудь другой, в чьи руки случайно они попадают, ибо деньги как деньги никакого другого употребления иметь не могут"⁵⁶. И окончательный вывод Сэя: "Нельзя, следовательно, говорить: *нельзя продать, потому что мало денег*, а надо сказать так: *нельзя продать, потому что мало других продуктов*"⁵⁷.

Таким образом, в "теории сбыта" Сэя действительно имеют место упрощения, впрочем, вполне объяснимые исторически: ведь кризисы перепроизводства в его время еще не носили разрушительного характера и считались лишь временными конъюнктурными затруднениями⁵⁸. Однако представление Сэя о трех факторах производства впоследствии было использовано в теории производственной функции. Во всяком случае, вполне утвердившаяся в науке модель Кобба—Дугласа есть не что иное, как осовремененная и математизированная версия идеи Сэя. Поэтому надо с осторожностью относиться к обвинениям Сэя в "вульгаризации" теории. Вернее и объективнее рассматривать труды каждого ученого в контексте его времени. Если пренебречь этим принципом, тогда и Аристотель, и Смит могут показаться нам людьми, знающими меньше, чем современный студент, сдавший экзамен по экономической теории.

На защиту классического учения устремились сторонники покойного Рикардо — Дж.Милль, Дж.Р.Мак-Куллох, Н.У.Сениор. Все они были философами и естествоиспытателями, увлекались физикой, и именно это наложило своеобразный отпечаток на их аргументацию. Сэй неправ, утверждали они, стоимость создается только трудом. Но труд эти ученые определяли в терминах механики и физики, как всякую работу. Там, где происходит механическое, химическое и даже биологическое движение, затрачивается энергия, совершается работа, считали они, там и затрачивается труд. И следовательно, создается стоимость. Старое вино, находившееся в бочке 10 лет, намного дороже молодого вина. Причину этого в рамках трудовой теории объяснить трудно, ведь за 10 лет никто не затрачивал своего труда и, значит, не увеличивал стоимость вина. С точки зрения же рикардианцев, в бочке происходили биохимические процессы, совершалась работа, а потому и возрастала стоимость.

Тогда понятно, почему равновеликие капиталы приносят равновеликую прибыль в различных отраслях производства. Если в текстильном производстве меньше машин и больше труда, а в судостроении больше машин и меньше труда на единицу капитала, то в первом случае большая часть стоимости создается трудом рабочих, а во втором — работой машин. Так что прав Рикардо, а не Сэй: в стоимости товаров ничего, кроме труда, не содержится.

Легко можно увидеть, что здесь происходит решительное отступление от позиций классиков, самая настоящая вульгаризация. Но, пожалуй, наибольшая степень вульгаризации рикардианской теории имеет место в работах *Нассау Уильяма Сениора* (1790—1864). Этот ученый считал, что движения души, человеческие переживания тоже плодотворны в отношении стоимости. При этом он ссылаясь на Смита, который действительно писал о жертвах и переживаниях в процессе трудовой деятельности. Но для Сениора сами переживания суть трудовая деятельность, работа. Если, скажем, владелец денег воздерживается от приобретения потребительских благ, а покупает средства производства и труд, он переживает и требует за свои переживания плату от общества. В свою очередь, рабочие воздерживаются от досуга, покоя и даже свободы, нанимаются на работу и требуют своей доли. В этой концепции от рикардианства не остается ничего⁵⁹. Впрочем, запомним точку зрения Сениора. Через полвека она будет реанимирована в концепции австрийской школы.

Среди последователей классического учения были и очень серьезные исследователи, которых невозможно отнести к вульгаризаторам. Среди них — выдающийся экономист *Джон Стюарт Милль* (1806—1873)⁶⁰. Его огромный труд "Основы политической экономии"⁶¹ был издан в 1848 г. Это произведение долгое время служило учебником в университетах англосаксонских стран. Написанная квалифицированно и доступным языком, книга явилась прекрасным обобщающим изложением классической концепции. Именно Дж.С.Милль основал традицию рассматривать экономические проблемы в соответствии с фазами воспроизводства: *производство — распределение — обмен — потребление*⁶².

В процессе чтения труда Милля сначала появляется мысль о том, что "это уже было". Кажется, что в этой книге нет ничего нового, все известно из работ Смита, Рикардо, Мальтуса, Сэя и Сениора. Но постепенно читатель начинает открывать для себя новаторские идеи автора, с удивлением обнаруживая в тексте симпатии к рабочему классу и вполне благосклонное отношение к социалистическим идеям, правда абсолютно не революционным.

Прав был Маркс, отнеся труды Милля к синкретическому⁶³ направлению экономической мысли на том основании, что тот старался "согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата"⁶⁴. С точки зрения Милля, между собственником средств производства и наемным рабочим нет неразрешимых противоречий. Более того, в некоторых случаях рабочего можно представить как своеобразного капиталиста, ведь он даром авансирует свой труд капиталисту до получения заработной платы. "Рабочий в той мере, в какой он располагает необходимыми для самообеспечения средствами, — пишет Милль, —

по сути дела, является капиталистом, который, предоставляя часть необходимых для ведения дела средств, вкладывает в данное предприятие свой капитал"⁶⁵. Рассматривая такую сложную категорию рыночной экономики, как прибыль, Милль дает, по существу, взаимоисключающие ее трактовки. С одной стороны, "прибыль должна предоставить достаточный эквивалент за воздержание, возмещение за риск и вознаграждение за труд и искусство, необходимые для осуществления контроля над производством"⁶⁶, с другой стороны, "причиной прибыли является то, что труд производит больше, чем требуется для содержания выполнивших его работников"⁶⁷.

Такого рода противоречивыми определениями полна книга Милля. Но самое удивительное заключается в том, что в этом учебнике для университетов спокойно провозглашается необходимость смены капиталистической системы системой социалистической. Милль утверждает: "Нельзя ожидать, что деление человечества на два неравноправных класса — нанимателей и наемных работников — может сохраняться постоянно"⁶⁸. Более того, преодоление враждебности может предоставить определенные выгоды капиталистам: "Рано или поздно для класса работодателей окажется невозможным жить в тесном и постоянном контакте с людьми, чьи интересы и чувства враждебны по отношению к ним. Капиталисты почти так же, как и работники, заинтересованы в организации производства на такой основе, когда те, кто работает на них, могли бы почувствовать такую же заинтересованность в работе, как и лица, работающие на себя"⁶⁹.

Милль был первым экономистом, который предложил реформистскую программу разрешения противоречий капиталистической социально-экономической системы. Он не исключал того, что отношения между хозяевами и работниками "будут постепенно вытеснены отношениями партнерства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдет объединение работников с капиталистами, в других — а возможно, в конечном итоге и во всех — объединение работников между собой"⁷⁰. В первом случае рабочие начинают участвовать в прибылях (и примеры этого были уже известны Миллю), во втором — рабочие организуют кооперативы и становятся собственниками средств производства. И такого рода социально-экономические изменения станут выгодными самим капиталистам, не меньше других страдающим от бесконечной борьбы.

Эти идеи сродни концепциям лидеров социал-демократии конца XX в. Вместе с тем приобретает популярность идея "немарксистского" отмирания капиталистической системы. Выдающийся экономист 1-й половины XX в. Й.Шумпетер писал: "Капитализм заключает в себе истоки своей собственной гибели, но в ином смысле, чем это имел в виду Маркс. Общество обязательно перерастет капитализм, но это произойдет потому, что достижения капитализма сделают его излишним, а не потому, что его внутренние противоречия сделают его дальнейшее существование невозможным"⁷¹.

Примечания и ссылки к теме 1

¹ См., например: Быт. 17:12,27; 23: 15, 16; 47: 16.

² См.: Всемирная история экономической мысли. — М., 1987. — Т. 1. — С. 65, 66,

³ Этим произведением в свое время увлекся Ф.Кенэ — видимо потому, что из всех видов хозяйственной деятельности Ксенофонт отдавал предпочтение сельскохозяйственному производству.

⁴ *Ксенофонт*. Киропедия. — М., 1993.

⁵ Там же.-С. 187, 188.

⁶ Вот еще одно подтверждение того, что действительно новые мысли в науке — довольно редкое явление. Мы порой чрезмерно восхищаемся какой-либо "новой" идеей, просто не зная о существовании предшественников.

⁷ *Платон*. Соч. - М., 1971. - Т. 3, ч. 1. - С. 104, 151, 152, 205; Т. 3, ч. 2.-С. 211,214, 215, 423.

⁸ См.: *Аристотель*. Соч. - М., 1983. - С. 395.

⁹ Прекрасный анализ древнегреческой экономической мысли представлен в работе: Полянский Ф.Я. Экономическая мысль Древней Греции: Курс лекций. — М., 1974.

¹⁰ Всемирная история экономической мысли. — Т. 1. — С. 177.

¹¹ Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. - М., 1961. - С. 601, 605.

¹² Там же.

¹³ Когда буржуазия сталкивается с серьезными проблемами в процессе накопления богатства, она всегда обращается к помощи государства.

¹⁴ Меркантилизм. - М., 1935. - С. 135.

¹⁵ Там же.-С. 139.

¹⁶ Там же.-С. 143, 144.

¹⁷ Там же. — С. 278. На первый взгляд в свете современных экологических проблем оптимизм Барбона кажется злой иронией. Но на самом деле Барбон совершенно прав. Бездумное отношение к природе может сделать "конечным" человечество, но не саму природу, которой вообще-то все равно, как к ней относится человек.

¹⁸ "Цена, назначаемая ремесленником, составляется подсчетом стоимости материалов и времени, затрачиваемого на работу. Цена времени соответствует ценности искусства и труда ремесленника" (Меркантилизм. — С. 282).

¹⁹ Меркантилизм. — С. 280.

²⁰ Там же.-С. 281.

²¹ Там же. - С. 282.

²² Там же. — С. 286. Напомним, что цена земли прямо зависит от величины ренты и обратно — от ставки процента.

²³ Там же. — С. 280. Сравним с идеей И.Т.Посошкова (1724): "Паче вещественного богатства надлежит всем на обще пешися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде" (*Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. - М., 1951.-С. 14).

²⁴ Петти У. Экономические и статистические работы. — М., 1940. — С.156.

²⁵ Там же. - С. 40.

²⁶ Идея эта нелегка для понимания. Здесь уместна аналогия из области медицины, тем более что Петти был врачом. Представим, что некий человек болен какой-либо инфекционной болезнью, хотя бы гриппом. Если в контакт с ним вступает здоровый человек, он тоже становится больным. Теперь они оба больны. Так и товары: они выходят на рынок без стоимости, но, вступая в контакт с природным носителем стоимости — деньгами, тоже становятся стоимостями, "заражаются" ими.

²⁷ См.: Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. — М., 1960. — С.361.

²⁸ Там же. - С. 363.

²⁹ Там же. — С. 145. При желании здесь можно найти созвучие с идеями Дж.М.Кейнса. Среди русских ученых аналогичные мысли высказывались М.В.Ломоносовым, которого вполне можно назвать основателем классического направления в русской экономической мысли. "В народе состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей" (*Ломоносов М.В.* Поли. собр. соч. — М.-Л., 1952.-С.384).

³⁰ Смит А. Теория нравственных чувств. — М., 1997. — С. 99.

³¹ Читатель может подобрать живые примеры того, как государство само нарушает эти основополагающие принципы рыночной экономики, наивно считая при этом, что строит рыночное общество.

³² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1993.-Т. 1.-С: 145.

³³ Мы намеренно используем как синонимы термины "стоимость" и "ценность", хотя в новейших переводах Смита фигурирует слово "ценность". Веских доказательств, что в русском языке эти два термина имеют существенные различия по своему смысловому

содержанию, пока приведено не было. Впрочем, в последующих темах, в частности касающихся маржинализма, надо учесть, что понятие "ценность" несет на себе отпечаток субъективно-психологического подхода к экономическим явлениям, в то время как понятие "стоимость" выражает категорию объективно существующего мира экономики.

³⁴ См.: *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов.-Т. 1.-С. 467.

³⁵ Там же. - С. 469.

³⁶ Там же. - С. 476.

³⁷ В данном разделе использован материал статьи известного комментатора трудов А.Смита Е.Майбурда. См.: *Майбурд Е.* Адам Смит: прогресс выгоден капиталистам // Независимая газета — 1992. - 28 февраля.

³⁸ "Почти", потому что в системе национальных счетов к доходам добавляются величина амортизации и косвенные налоги на бизнес.

³⁹ См.: *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения//Антология экономической классики. — М., 1993. — Т.1.-С. 410.

⁴⁰ Там же. - С. 402.

⁴¹ Там же. - С. 467.

⁴² Рикардо часто давал советы Мальтусу по поводу эффективного размещения денег, однако Мальтус не всегда доверял интуиции своего друга и идейного противника. Так, в 1815 г. Рикардо посоветовал ему купить облигации британского военного займа, которые должны были принести большой доход в случае победы над Наполеоном. Но нервы Мальтуса не выдержали накануне битвы под Ватерлоо, он продал облигации, а потом долго сокрушался из-за упущенной выгоды.

⁴³ *Рикардо Д.* Начала политической экономии... — С. 459.

⁴⁴ Там же. - С. 433.

⁴⁵ Там же. - С. 437.

⁴⁶ Позже К.Маркс показал возможность существования абсолютной ренты, которую получает землевладелец со всех участков, в том числе и с худшего, независимо от плодородия земли.

⁴⁷ Любопытно, что капиталист Рикардо считал, что рабочим не выплачивают за труд, а идеолог пролетариата Маркс доказал, что рабочий получает ровно столько, сколько стоит его товар — рабочая сила, что между капиталистом и рабочим происходит эквивалентный обмен. Правда, рабочий при этом остается существом эксплуатируемым, так как, покупая его рабочую силу, т.е. способность трудиться, капиталист присваивает всю функцию рабочего, весь его труд, способный производить стоимости больше, чем стоит рабочая сила.

⁴⁸ Книга Мальтуса после восьмидесятилетнего перерыва вновь опубликована в сборнике "Антология экономической классики" (М., 1993. - Т. 2. - С. 2-134).

⁴⁹ Обратим внимание читателей на тот факт, что самыми политически неустойчивыми и конфликтными регионами Земли являются перенаселенные государства Азии, Африки и Латинской Америки. На огромных территориях в наше -"мирное время" никогда не утихают войны. А разве попытки ограничить деторождение методами государственной политики в Китае или Индии не являются мальтузианством в его практическом применении?

⁵⁰ Несмотря на "классовую ненависть", которую испытывал К.Маркс к Мальтусу, именно критический анализ теоретических построений Рикардо и Смита, осуществленный Мальтусом, позволил Марксу обратить на них внимание. И именно Маркс сумел разрешить эти теоретические затруднения в рамках трудовой теории.

⁵¹ Цит. по: *Аникин А.В.* Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. — М., 1979. — С. 250.

⁵² Авторам приятно отметить, что в отличие от Смита, который относил ученых и преподавателей к категории непродуцируемых работников (вместе с танцовщиками), Мальтус признавал большое значение работников сферы нематериального производства, содействующих созданию и реализации общественного продукта.

⁵³ Сэ — неточное написание в некоторых русских переводах.

⁵⁴ СэЖ.Б. Трактат политической экономии. — М., 1896. — С. II.

⁵⁵ Там же. - С. 36.

⁵⁶ Там же. - С. 37.

⁵⁷ Там же.-С. 38.

⁵⁸ Объективности ради отметим, что в неявной форме мысль о невозможности перепроизводства присутствовала и в труде Рикардо. Но он был добросовестным человеком и, возможно, исследовал бы кризисы перепроизводства, если бы наблюдал их. Рикардо умер в 1823 г., а первый кризис в Англии произошел в 1825 г.

⁵⁹ См.: *Афанасьев В.С.* Этапы развития буржуазной политической экономии. Очерк истории. — М., 1985. — С. 265, 266.

⁶⁰ Сын Джеймса Милля.

⁶¹ Полное название книги в русском переводе: *МилльДж.С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии: В 3 т. — М., 1980—1981.

⁶² Собственно потреблению не придавалось большого значения. Вот как называются разделы (книги) труда Милля: "Производство", "Распределение", "Обмен", "Влияние общественного развития на производство и распределение", "О влиянии правительства". Традиция исследовать экономические явления с точки зрения потребителя появилась в 70-х годах XIX в. в трудах маржиналистов.

⁶³ Синкретизм — сочетание разнородных, противоречивых воззрений.

⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. - 2-е изд.— Т. 23. - С. 17, 18.

⁶⁵ *Милль Дж.С.* Основы политической экономии... — Т. II. — С. 144.

⁶⁶ Там же. - С. 129.

⁶⁷ Там же.—С. 143.

⁶⁸ Там же. - Т. III. - С. 96.

⁶⁹ Там же. — С. 97.

⁷⁰ Там же. - С. 100.

⁷¹ *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М., 1982. — С. 16. Добавим, что факты посткапиталистического развития отмечаются многими современными учеными. В этих условиях "строительство капитализма" в России представляет собой явно попятное движение.

Новые понятия

Экономика и хрематистика

Меркантилизм

Физиократия

Макроэкономическая модель

Классическая политическая экономия

Мальтузианство

Вульгаризация теории

Закон Сэя

Синкретическое направление

Вопросы для самоконтроля

1. Мог ли Аристотель исследовать двойственность содержания товара ?

2. Кто открыл трудовое происхождение стоимости?

3. Почему А.Смит называл идеи меркантилистов "средневековым суеверием" ?

4. В чем заключается содержание макроэкономического моделирования?

5. Какие школы экономической теории можно отнести к классическому направлению ?

Почему ?

6. Чем все же различаются понятия "стоимость", "ценность" и "цена"?

7. Сможете ли вы привести аргументы в пользу мальтузианской демографической концепции? А против нее?

ТЕМА 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ В XII–XIX ВВ.

1. Экономические воззрения эпохи феодализма.
2. Специфика развития экономической теории в России. Русские экономисты XVII—XVIII вв.
3. Радикальное и реформистское направления в русской экономической мысли.
4. Крестьянский социализм А.И.Герцена и Н.Г.Чернышевского.
5. Экономические программы народничества.
6. Либеральные экономические идеи конца XIX — начала XX в.

1. Экономические воззрения эпохи феодализма

Русская экономическая мысль начала развиваться со времени образования Древнерусского государства в связи с процессом формирования феодального землевладения. Ее основные черты и своеобразие всегда определялись историческими особенностями экономического развития России.

Большое значение для изучения экономической мысли Киевской Руси имеет *Русская Правда* — первый свод русских законов. Этот документ отражает интересы феодалов и защищает прежде всего феодальную собственность, охраняет права господствующих классов на эксплуатацию ими трудящихся масс. Русская Правда санкционирует также применение труда рабов, при этом в ней перечисляются обстоятельства, когда допускалось превращение зависимых и свободных людей в рабов (несостоятельность должника, растрата чужого имущества, добровольная продажа себя в холопы, бегство закупа, не уплатившего долга, и др.).

Русская Правда фиксирует классовую дифференциацию и свидетельствует о крайне циничном отношении правящих верхов к труду зависимых людей, и особенно рабов. Так, за убийство свободного человека был установлен штраф (вира) в 40 гривен, за убийство же боярина — 80 гривен (двойная вира). За убийство холопа виры не полагалось, а уплачивалась только его стоимость — 5 гривен, за убийство ремесленника — 12 гривен. Вира взималась не только за убийство, но и за преступления против собственности. При этом следует подчеркнуть, что взимание виры носило фискальный характер, так как во всех предусмотренных случаях она уплачивалась не потерпевшему или его родственнику, а князю, т.е. увеличивала его казну.

Русская Правда указывает на развитие в Киевской Руси кредитных отношений. В этом документе делается попытка урегулировать отношения между кредитором и заемщиком. В нем устанавливается льгота для заемщика, если его постигнет стихийное бедствие. Вместе с тем Русская Правда дает кредитору право распоряжаться должником, если последний окажется злостным растратчиком денег, взятых в займы. Вследствие неразвитости товарно-денежных отношений уровень процента устанавливался еще законодательным путем. Русская Правда определяла максимальный размер процента¹.

Экономические представления, отраженные в Русской Правде, следует изучать в непосредственной связи с экономическими взглядами, высказывавшимися **Владимиром II Мономахом** (1058—1125) — самым известным киевским князем, занявшим престол в результате восстания 1113 г. Владимир Мономах правил в период феодальной раздробленности, когда Древнерусское государство распалось на отдельные княжества. Постановления Владимира Мономаха о размере ссудного процента, о должниках и о закупках вошли в Русскую Правду. Это уступка восставшей эксплуатируемой массе, акт "самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда"².

Особый интерес представляет "Поучение" Владимира Мономаха своим детям. В результате упорной борьбы с половцами Владимир Мономах объединил под своей властью три четверти тогдашней Руси. В связи с этим в его "Поучении" впервые высказывается мысль о необходимости ставить общенародные интересы выше дружинно-княжеских. Владимир Мономах призывает заботиться не о себе, а "о хрестьяни душах и селах говорящих", о "худом смерде и убогой вдовице". Он осуждает ленивую, праздную жизнь и ратует за умножение богатства повседневным трудом. Тем не менее "Поучение" Владимира Мономаха одновременно характеризует его и как типичного вотчинника. Его идеалом является натуральное хозяйство, в котором большое место отводится охоте на диких зверей и птиц. Вот почему забота Владимира Мономаха о смерде означала вместе с тем стремление укрепить большое княжеское хозяйство.

В период феодальной раздробленности усиливается процесс закрепощения смердов. Князья захватывают все больше крестьянских общинных земель, и одновременно растет экономическая зависимость смердов в связи с получением ими ссуды. Крупным феодалом-землевладельцем становится церковь. Изменения в классовой структуре общества нашли свое отражение в *Псковской судной грамоте* (Псковской правде). В этом своде законов уже нет упоминаний о смерде, а говорится о различных категориях несвободного населения, которое живет на чужой земле и фактически находится в полной зависимости от ее собственника. В связи с ростом крепостничества на почве долговой зависимости в Псковской судной грамоте много внимания уделяется регламентации кредитных отношений, при этом закон всецело на стороне кредитора-землевладельца.

Закрепощение широких масс населения вызывает протест против грубого произвола. Вначале возмущение социальным неравенством выражается в индивидуальном протесте против холопства и насилия. Именно такой характер носит "Слово" (известное также под названием "Послание" и "Моление") *Даниила Заточника* (XIII в.). Автор с негодованием говорит о произволе богачей и бесправии неимущих. Даниил Заточник не является приверженцем денежного богатства, считая, что то государство богато, в котором имеется многочисленное население, обеспечивающее славу и военную доблесть. Поэтому он выступает против накопления денег ради денег и предлагает за счет казны оказывать широкую помощь народу. "Не воздержи злата и серебра, но раздай людям!" — обращается он к князю. В этом наивном призыве содержится рациональное зерно — он предвосхищает мысль о бесплодности тезаврирования денежного богатства.

Даниил Заточник мечтает о том, чтобы все смерды были свободными людьми, но при этом не допускает мысли о насилии. Он верит в силу разума и возлагает большие надежды на мудрого князя, власть которого противопоставляет сепаратизму вотчинников-бояр.

Основные направления экономической мысли периода феодальной раздробленности получают свое дальнейшее развитие в XV—XVI вв. Под влиянием роста товарно-денежных отношений, а также под воздействием причин внешнего порядка с XV в. усиливается процесс образования централизованного Московского государства. Увеличивается служилое землевладение, происходит дальнейшее закрепощение крестьян. Это влечет за собой обострение классовой борьбы, а также усиление противостояния между двумя группами землевладельцев — реакционным боярством и дворянством.

Общественно-политическая борьба, происходившая в XIV и XV вв. в форме религиозных споров, в XVI в. принимает публицистический характер, и теперь уже в обоснование тех или иных требований выдвигаются не религиозно-нравственные, а преимущественно политико-экономические соображения. XVI в. дал двух крупных публицистов — идеологов поместного дворянства — Ивана Пересветова и Ермолая (в монашестве Еразм). В то время как Иван Пересветов является последовательным защитником интересов дворянства, Ермолай-Еразм развивает главным образом демократические идеи.

Во всех недостатках общественной жизни *Иван Пересветов* обвинял вельмож, ибо они не служат государю, сами не трудятся и порабощают население. Рабство, считал Пересветов,

является большим злом в государстве, так как оно влечет за собой "всему царству оскужение великое", т.е. обеднение страны. Вельможи, однако, не думают о грядущих последствиях рабства. Они заинтересованы только в личном обогащении, в увеличении предметов роскоши. Обогащаются вельможи также за счет кормления, местничества, нечестного сбора налогов. Через несправедливый суд они захватывают чужие земли. В результате всего этого общественное богатство перераспределяется в пользу вельмож. Скапливая в своих руках богатство, они превращаются в "ленивых богатин" и попусту растрачивают его.

Иван Пересветов требует централизации доходов государства, чтобы "со всего царства доходы к себе в казну имати". Для этого необходимо освободить людей, "которые у вельмож царевых в неволе", ликвидировать кормление, местничество, выдвигая людей не по родовитости, а по их заслугам, упорядочить налоговую систему и провести ряд других реформ. Говоря о необходимости обеспечить прирост доходов в казну, Пересветов рассматривал это не как самоцель, а как необходимое условие перевода всех воинов и чиновников на жалованье. Он считал, что лицам, состоящим на государственной службе, получаемое жалованье должно обеспечивать достаточный материальный уровень жизни. С этой целью он рекомендовал, чтобы "царь установил цену товару", и требовал жестокой кары за отступление от уставной цены.

Выступая за натуральное хозяйство, основанное на эксплуатации крепостных крестьян, Иван Пересветов отстаивал интересы служилых землевладельцев, которых противопоставлял "вельможам"³. Вот почему, протестуя против рабства как причины обеднения страны, он имел в виду не феодальную эксплуатацию вообще, а кабальное холопство. Последнее, будучи широко распространенным явлением в боярских вотчинах, затрудняло применение крестьянской рабочей силы мелкопоместными дворянами. Кроме того, с уничтожением кабального холопства Пересветов связывал также создание сильного и храброго войска. Он усматривал в войне один из главных источников обогащения страны и был сторонником активной внешней политики, развивая известную уже подобную идею, выдвинутую Даниилом Заточником.

Высказывания Ивана Пересветова свидетельствуют о его стремлении к сосредоточению всей власти в руках московского государства. Эти мысли были созвучны эпохе и потому оказались почти полностью воплощенными в реформах Ивана IV.

Среди произведений протопопа дворцовой церкви *Ермолая-Еразма* особое место занимает "Правительница" — об управлении государством и измерении земли. По сравнению с Пересветовым Ермолай-Еразм рассматривает более широкий круг экономических явлений. При этом он глубже критикует недостатки окружающей его действительности и обнаруживает большую склонность к политико-экономическому обоснованию предлагаемых им мероприятий.

В основе экономических воззрений Ермолая-Еразма лежит тезис о том, что только труд является источником богатства, однако вследствие неразвитости общественного разделения труда основу существования государства этот мыслитель усматривал в крестьянском труде. Ермолай-Еразм поясняет, что большое богатство "от своего труда невозможно стяжати"⁴, и поэтому выступает против накопления богатства в руках отдельных людей.

Особенно резкий протест у Ермолая-Еразма вызывает накопление денежного богатства, так как оно собирается "не нужда ради", т.е. не для удовлетворения необходимых потребностей, в силу чего возникает стремление к безграничному его увеличению. Кроме того, отрицательное отношение автора "Правительницы" к накоплению денежного богатства объясняется тем, что он недооценивал значение золота и серебра в качестве денежного материала, а рассматривал их преимущественно в качестве обыкновенных вещей.

Развивая свои соображения о богатстве и труде как его источнике, Ермолай-Еразм высказывает негативное отношение к крупной торговле и ростовщичеству. Он считает недопустимым, если "купец еси и малом что искупив", т.е. купив немного, на небольшую сумму, затем "временем же" (спустя некоторое время) перепродает за большую сумму, "на

сем много раз чрез естество взимани"⁵. Ермолай-Еразм также выступает против того, чтобы давать серебро "в лихву" (в рост), ибо если "всякое животное божьим повелением растет, садовное же по божью повелению от солнечного обогрева растет", то "серебру не положил Бог растения", ростовщик же "не расленному" (не растущему) "повелевает расти"⁶. Таким образом, мыслитель рассматривает перепродажу по более высокой цене, а также взимание процента как действия, противоречащие естественной природе самих вещей, так как последние предназначены для удовлетворения человеческих потребностей и, кроме того, сами по себе не могут быть источником обогащения.

Опираясь на свои представления, Ермолай-Еразм подвергает критике недостатки общественных отношений. Он обрушивается на вельмож и бояр за то, что они сами не трудятся, но живут в полном достатке за счет труда многих людей. В то время как вельможи ведут обеспеченную жизнь, пишет Ермолай-Еразм, крестьяне, создающие своим трудом общественное богатство, находятся в тяжелом положении. Они задавлены многочисленными поборами, их притесняют кормленщики, царские землемеры, наибольшим же злом для крестьян является сбор государственного налога в денежной форме, так как этот сбор идет на все возрастающее обогащение вельмож и воинов.

Исходя из этого Ермолай-Еразм в отличие от Пересветова требовал отмены государственных налогов. Он считал необходимым передать все земли в пользование крестьян и ограничить их повинности только отработочной рентой в размере пятой части урожая для содержания служилых людей и воинов. Чтобы ускорить работу царских землемеров и прекратить земельные тяжбы, публицист предлагал ввести более крупную единицу измерения земли. Государственные доходы, по мнению Ермолая-Еразма, должны поступать за счет сбора урожая с земель, выделяемых специально для этой цели в каждом городе. Большую повинность автор предлагал снять с крестьян и переложить на купцов, но считал необходимым освободить за это последних от торговых пошлин, т.е. предоставить им возможность торговать свободно.

Подобно Пересветову, Ермолай-Еразм в "Правительнице" предвосхитил некоторые мероприятия, проведенные впоследствии правительством в целях укрепления власти московского государя.

2. Специфика развития экономической теории в России. Русские экономисты XVII—XVIII вв.

Специфика развития экономических воззрений в России определилась, во-первых, особенностями природно-климатических условий страны и, во-вторых, обширностью территории и разнообразием хозяйственных условий. В связи с этим экономические проблемы в России всегда тесно переплетались с социальными, с формированием классов, социальных слоев и групп, а на первом плане, как во всякой аграрной стране, были аграрные проблемы. Поэтому ученых, чьи попытки решить аграрные проблемы были более или менее успешными, считали учителями жизни.

XVII в. является переломным в истории народного хозяйства России. Углубление общественного разделения труда, развитие товарного производства и обращения привели к возникновению буржуазных производственных отношений, образованию всероссийского рынка. Следует отметить особые исторические условия, в которых происходило зарождение буржуазных отношений в России. Если в странах Западной Европы благодаря великим географическим открытиям большую роль в переходе к капитализму сыграла внешняя торговля, то в России шел своеобразный процесс формирования капиталистических отношений — это был капитализм, вскормленный за счет крестьянства при посредстве государства, становление буржуазных отношений шло преимущественно по пути превращения мелкого производителя в купца, а затем — в промышленного капиталиста.

Развитие товарно-денежных отношений в России сопровождалось до известного времени усилением крепостничества. Именно в XVII в. было законодательно оформлено

полное закрепощение крестьян. Усиление крепостничества, в свою очередь, сопровождалось обострением классово-сословной борьбы. В антифеодальных восстаниях наряду с крестьянством принимали участие также городские низы, а среди них — мелкие и средние торговцы. Эти особенности нового периода русской истории нашли свое отражение в дальнейшей эволюции русской экономической мысли. С XVIII в. ее передовые представители начинают решительно выступать против фискальной политики царского правительства, в защиту интересов национальной экономики.

Первые русские экономисты в отличие от западноевропейских меркантилистов не ограничивали свои наблюдения сферой обращения и не отождествляли богатство с деньгами. Внешнюю торговлю они не считали единственным источником обогащения государства, а рассматривали ее преимущественно в качестве средства развития промышленности и сельского хозяйства и заботились об увеличении товарооборота внутри страны. Учитывая зависимость экономического подъема России от состояния внутренней и внешней торговли, они стремились сплотить класс купцов и тем самым усилить его позиции в борьбе против иностранной конкуренции.

Одним из родоначальников русской экономической мысли был **Юрий Крижанич** (ок. 1618—1683), уроженец Хорватии, священник-католик. Он был сторонником идеи "славянского единства" и главную роль в осуществлении этой цели отводил Русскому государству. В 1661 г. во время второго посещения России Ю.Крижанич был по неизвестной причине арестован и сослан в Сибирь, где пробыл около 15 лет.

Основной труд Крижанича, содержащий программу экономических и политических реформ для России, — "Политические думы". По мнению автора, торговая политика государства Российского должна защищать интересы отечественного производства, т.е. надо больше вывозить и меньше ввозить. Крижанич был сторонником вывоза готовых изделий, он осуждал вывоз сырья и хлеба, поскольку в этом случае население страны испытывает нехватку продовольствия. Он понимал, что для развития торговли важное значение имеют наличие хороших дорог, а также гарантия перевоза грузов, т.е. охрана торговли. В этих своих взглядах Крижанич приближается к теории торгового баланса, выдвинутой меркантилистами. Однако, в отличие от западных ученых этого направления, он убежден, что активный торговый баланс — не единственный источник богатства. Более стабильные доходы государство может получить, развивая производительные силы, т.е. промышленность, земледелие, ремесло, горное дело, флот.

В "Политических думках" Ю.Крижанича содержится понятийный аппарат экономической теории, хотя и не до конца разработанный. Мыслитель предпринял попытку определить общественное богатство, под которым понимал сумму материальных благ, и установить зависимость объема национального богатства от производительности труда. Он понимал различие между номинальной величиной и реальным содержанием монет, т.е. между функциями меры стоимости и масштаба цен. Крижанич раскрыл составляющие издержек производства, или цены товара. Эта цена включает "первоначальные" затраты на товар, транспортные расходы, среднюю прибыль (заранее регулируемую), а также пошлину. Пошлина представляет собой оплату труда торговца, например за хранение товара в торговых помещениях.

Крижанич призывал власти думать о сохранении и приумножении численности народа, а для этого надо, в частности, устранить разорительное налогообложение. Но в то же время он считал самодержавие идеальным государственным устройством и полагал, что феодально-крепостнический строй должен оставаться неизменным.

Крупным представителем русской экономической мысли середины XVII в. был известный государственный деятель **Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин** (ок. 1605—1680). Он стремился к увеличению государственных доходов путем развития производительных сил и эту свою идею проводил в двух документах — "Псковском положении" (1665) и "Новоторговом уставе" (1667).

Ордин-Нащокин выступал горячим защитником развития национальной торговли. Он отстаивал сословный характер торговли и считал необходимым все купечество объединить в товарищества. Для ограждения купечества от произвола воевод и дьяков он полагал нужным организовать специальный Приказ купецких дел. Купеческие товарищества, по его мнению, должны были обеспечить продажу товаров по высокой уставной цене и лишить иностранцев возможности скупать русские товары по низким ценам через мелких торговцев. Ордин-Нащокин стремился к расширению внешней торговли и был сторонником активной внешней политики. Однако главным источником богатства он считал промышленный труд, подчеркивая, что "лучше всякой силы промысел". В развитии же торговли и кредита он видел залог развития отечественной промышленности. Этот государственный деятель активно участвовал в организации различных мануфактур (бумажных, стекольных, кожевенных), а также в развитии металлургических и металлообрабатывающих предприятий.

В области внешней политики Ордин-Нащокин уделял много внимания борьбе славянских народов за независимость. Он был горячим патриотом не только России, но и всего славянского мира, мечтал, чтобы славянские народы сплотились вокруг Русского государства и тем самым обеспечили себе условия, необходимые для экономического и культурного развития.

В начале XVIII в. усиливается процесс перерастания торговой буржуазии в промышленную. Увеличиваются количество мануфактур и численность наемных рабочих, углубляется общественное разделение труда. Активизируется процесс образования всероссийского рынка. Дальнейшее развитие получает внешняя торговля — огромное значение для нее имели завоевания Петра I.

Идеологом эпохи петровских преобразований был *Иван Тихонович Посошков* (1652—1726). Его главное произведение — "Книга о скудости и богатстве"⁷, в которой автор выясняет причины отсталости страны и высказывает суждения, при каких условиях возможно достичь ее процветания. Вся трудность решения выдвинутой задачи, считает Посошков, заключается в том, чтобы обеспечить непрерывный рост государственных доходов путем обогащения всего народа. При этом, подобно другим русским экономистам того времени, Посошков не отождествляет богатство с деньгами, как западноевропейские меркантилисты. По его мнению, полезнее заботиться об увеличении материальных благ, чем об увеличении денег, причем наряду с вещественным богатством ученый признает богатство невещественное, а именно праведные законы, от которых зависит рост вещественного богатства.

Огромное значение Посошков придает труду как источнику национального вещественного богатства. Для него труд, затрачиваемый и в сельском хозяйстве, и в промышленности, имеет народнохозяйственное значение. Однако у Посошкова мы еще не встречаем прямых высказываний о труде как источнике богатства в буржуазном смысле, т.е. как о затрате рабочего времени, выражающейся в стоимости. Тем не менее, рассматривая вещественное богатство в виде товара, автор затрагивает вопрос о влиянии производительности труда на цену товара.

К вещественному богатству страны Посошков относит также и деньги. Но он не абсолютизирует денежное богатство. Для него деньги — это прежде всего орудие развития производительных сил. Именно поэтому он усматривает в них средство накопления государственной казны. Посошков ратует за сохранение наличных денег путем бережного отношения к богатству. Кроме того, он высказывает, правда еще неразвитые, представления о деньгах как о посреднике при обращении товаров, платежном средстве и, наконец, об их обращении в качестве капитала.

Главную причину "скудости" страны Посошков, видел в отсталости сельского хозяйства, которую объяснял прежде всего жестокой эксплуатацией крестьянства. Не посягая на основы крепостничества, он доказывал необходимость строгой регламентации крестьянских повинностей и с этой целью предлагал отделить крестьянские наделы от

помещичьих земель. К другим причинам "скудости" Посошков относил недостаточное развитие промышленности, неудовлетворительное состояние торговли (ее низкую культуру, слабый протекционизм и т.д.), финансов и налоговой политики. Посошков считал необходимым, чтобы "все трудились" и грамотность была обязательной для всех.

Итак, произведения российских экономистов содержали предложения, направленные на укрепление и рост могущества Русского государства. Эта тенденция была развита в XVIII в. Ярчайшим представителем экономической мысли России того периода стал ученый-энциклопедист *Михаил Васильевич Ломоносов* (1711—1765). Экономические взгляды и суждения этого выдающегося русского ученого находились в непосредственной связи с экономической политикой Петра I. М.В. Ломоносов считал главной задачей своей жизни "защитить труд Петра Великого", продолжить его дело.

Ломоносов много размышлял над развитием производительных сил и культуры России. Он выступал против вывоза денег за границу. Его основополагающей идеей было обеспечение независимости и самостоятельности страны. Для этого, утверждал он, необходимо развивать промышленность, увеличивать выплавку металлов. Развитие промышленности и рост городов, происходившие во времена Ломоносова, расширяли внутренний рынок для сельского хозяйства России. Вместе с тем в связи с развитием западноевропейской промышленности возрастал спрос на сельскохозяйственное сырье и расширялся внешний рынок российского сельского хозяйства. В 1747 г. Ломоносов переводит с немецкого сочинение под названием "Лифляндская экономия", представляющее собой руководство по экономике, организации и технологии хозяйства крупного поместья. О том, что ученый придавал большое значение развитию сельского хозяйства, свидетельствует его проект учреждения специальной Коллегии сельского домостроительства.

Много внимания Ломоносов уделяет торговле, подчеркивая ее важность для процветания страны. Основа торговли, утверждал он, есть отечественное производство. Отставание России в области внешней торговли ученый объяснял отсутствием открытых морских путей. Отсюда он делал вывод о необходимости установить удобное морское сообщение с Востоком — через Северный Ледовитый океан, что должно было превратить Россию в мировую торговую державу. Однако план Ломоносова в ту эпоху не мог быть осуществлен полностью, так как возможности были ограничены.

Ломоносов составил "Российский атлас" (для чего было проведено обширное анкетирование), а также "Экономический лексикон российских продуктов". Им были введены в научный оборот термины "экономическая география" и "экономическая ландкарта". По мнению Ломоносова, география должна быть "соединенной со знанием государственной экономии", и он с полным правом может быть признан основоположником русской экономической географии.

Экономические воззрения Ломоносова тесно связаны с его общественно-политическими взглядами, с его постоянной заботой о благе русского народа. Под благом же он понимал прежде всего политическую и экономическую независимость России, развитие ее производительных сил, улучшение материального положения народа, подъем культуры страны.

Всемерное развитие производительных сил и рынка, утверждал Ломоносов, немислимо без активного вмешательства государства. Он считал необходимой государственную опеку над отечественным промышленным и торговым предпринимательством, был сторонником покровительственного таможенного тарифа и более решительной охраны отечественной промышленности от иностранной конкуренции путем запрета ввоза некоторых товаров. Эти меркантилистские взгляды Ломоносова переплетались с идеей "просвещенного абсолютизма". Проводником экономической политики, по мнению ученого, должен быть просвещенный монарх, который активно руководит развитием культуры, хозяйства и военной мощи страны, деятельность которого направлена "к приращению общей пользы". Перед Ломоносовым был пример такого монарха — Петр I, "премудрый герой".

Ломоносов неизменно подчеркивал огромную роль купечества в развитии рынка. Он не только заботился о развитии ремесел, но и сам положил начало многим из них — мозаичному делу, стекольному производству и др.

Особый интерес представляет письмо Ломоносова графу И.И.Шувалову от 1 ноября 1761 г. По сути дела, это программа экономического развития страны, которая получила название "О размножении и сохранении народа российского". Автор выясняет причины низкого роста населения в России, предлагает ряд мер по исправлению положения, считая, что чем больше в стране трудоспособного населения, тем она богаче. Ломоносов пишет о вреде праздности, полагая, что она портит нравы, и о пользе просвещения⁸.

Ломоносов выступал с проектом создания в России Вольного экономического общества. Это первое русское научное общество, основанное в 1765 г. и просуществовавшее до 1915 г., сыграло важную роль в распространении научных знаний в области земледелия и промышленного производства.

3. Радикальное и реформистское направления в русской экономической мысли

Выходец из дворянской семьи *Александр Николаевич Радищев* (1749—1802) стал основоположником русской революционной антикрепостнической общественной мысли. Окончив Петербургский пажеский корпус, он продолжил учебу в Германии, затем служил в Сенате, на военной службе был переводчиком. За яркие революционные произведения Радищев был сослан в Сибирь, в Илимский острог, где пробыл с 1790 по 1801 г., — императрица Екатерина II увидела в нем "бунтовщика опаснее Пугачева".

Радищев был выдающимся экономистом второй половины XVIII столетия. Свои воззрения на социально-экономическое положение России он изложил в "Путешествии из Петербурга в Москву" (это главное произведение Радищева, которое было под запретом и только после революции 1905 г. издано легально и полностью), "Письме о Китайском Торге", "Описании моего владения", "Сокращенном повествовании о приобретении Сибири", "Записках о податях Петербургской губернии", служебных записках по вопросам внешней торговли. Перу Радищева принадлежат также научно-философский трактат "О человеке, его смертности и бессмертии", ряд юридических работ — "Проект гражданского уложения", "Записка о законоположении", "Записка о ценах за людей убиенных".

Собственно экономических работ Радищев написал две. Это — "Письмо о Китайском Торге" (1793—1794) и "Описание моего владения" (1796—1801). Первая из них представляет собой исследование влияния внешней торговли на внутреннее производство и обращение. Для своего времени эта работа является образцом вдумчивого анализа большого фактического материала и теоретических обобщений, касающихся экономической жизни страны. Во второй автор дает развернутую картину экономики крестьянского хозяйства огромной помещичьей деревни средней полосы России и характеризует уровень развития производительных сил крепостной деревни XVIII в. Это одна из первых в России попыток сводного исследования экономики крестьянского крепостного хозяйства.

До Радищева в России уже прозвучала критика отдельных сторон экономического устройства страны, высказывался протест против произвола помещиков и чиновников. Так, Иван Посошков выступал с предложением ограничить законом повинности крестьянина в отношении помещика. В правление Екатерины II некоторые депутаты Комиссии по составлению нового уложения требовали ограничения законом прав помещика в распоряжении движимым имуществом и доходами крестьянина. Но никто не поднялся до отрицания самих основ крепостного строя и системы самодержавия. Радищев дал наиболее последовательную, глубокую и всестороннюю критику крепостнического способа производства и обосновал необходимость его уничтожения.

В своих экономических взглядах Радищев опирается на понимание труда как основного источника народного богатства и исходит из анализа производства, а не обращения, как это делали меркантилисты. Он дает свое определение кредита и процента. Вексель, по его

мнению, это средство "для усугубления быстрого в торговле обращения", а процент — "цена денег". Уровень процента зависит от спроса на денежный капитал и предложения его. Ученый исследует структуру цены и приходит к выводу, что полная цена состоит из задатков (так он называет затраты капитала) и прибавочной, или "прирастающей", цены. Радищев рассматривает причины падения обменного курса рубля к твердым иностранным валютам в конце 80-х — начале 90-х годов и объясняет это явление большой эмиссией ассигнаций для финансирования войн со Швецией и Турцией.

Для изучения и обеспечения дальнейшего развития производительных сил страны Радищев считал целесообразным разделить Россию на губернии не по принципу удобства администрирования, а в соответствии с естественно-историческими и экономическими условиями и особенностями отдельных территорий огромной империи. С этой же целью он разработал подробную программу статистико-экономического обследования всех губерний и наместничеств. Эта программа поражает своей научной зрелостью. Она охватывает обширный круг экономических проблем: народонаселения, земельного фонда, состояния и размещения сельского хозяйства и промышленности, финансов и денежного обращения, транспорта, количества рабочих и отходников, методов производства, производительности труда.

В начале XIX в. социально-экономическое и политическое положение России в значительной степени определяется коалиционными войнами с Наполеоном и особенно Отечественной войной 1812 г., к которой Россия экономически была не подготовлена. Государственные финансы были полностью расстроены. Александр I признавал, что в этой сфере "господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон". Государственный бюджет фактически не выполнялся. Крупные дефициты покрывались тяжелыми займами или выпуском обесцененных ассигнаций. За время войны было прекращено всякое казенное строительство, отменен кредит частным лицам, увеличены подушная подать, повышены цены на соль, таможенные и гербовые сборы. Война сопровождалась большими потерями населения. Велики были и материальные потери: уничтожены фабричные здания, посеvy, фуражный скот. Военные расходы государства тоже были огромны. Осознание этих проблем и необходимости реформирования экономики и государственного управления проявилось в деятельности М.М.Сперанского.

Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) происходил из семьи бедного священника. Его жизненный путь — от семинариста до Государственного секретаря России. Это был человек острого ума, блестящих способностей, мастер литературного слова. Его взгляды на социальное устройство России были радикальными. Крепостное право он считал гражданским рабством, видел его гибельность, однако не предлагал отменить в скором будущем. Экономические идеи Сперанского связаны с учением Смита и его последователей.

В 1803 г. Сперанский пишет работу "О государственной экономике", в которой утверждает, что Российское государство по необходимости должно покровительствовать национальной промышленности, называет разные способы улучшения земледелия, управления мануфактурами. В 1810 г. Сперанский представил в Государственный совет, созданный по его инициативе, — "План финансов", где предусматривались экономия государственных средств, изменение налоговой политики, прекращение выпуска ассигнаций и замена их металлической валютой, а также разменными билетами⁹. Однако этот план не был принят, а его автора отправили в ссылку на 5 лет. Но в 1839 г. М.М.Сперанский снова выступает со своими предложениями, и на этот раз его проект послужил основой проведенной в том же году денежной реформы.

М.М.Сперанский разрабатывал также проекты реформирования экономики сельского хозяйства. Он предлагал запретить продажу крестьян без земли и земли без крестьян, регламентировать повинности крестьян в пользу помещика, облегчить отпуск крестьян на волю, упростить перевод в дворовые. Были у него предложения и по улучшению положения государственных крестьян.

В начале XIX в. российское дворянство не было единым в своих взглядах относительно путей дальнейшего развития помещичьего хозяйства. Основная часть дворян старалась держаться старых способов ведения хозяйства и твердо стояла на страже крепостного строя. Были и такие помещики, которые понимали, что старая система уже не обеспечивает им крупных доходов, но вместе с тем они не хотели лишаться дарового крепостного труда. В то же время появилось много дворян, которые приобрели вкус к предпринимательской деятельности, перестали гнушаться торговым делом и вообще стали активно интересоваться хозяйственными вопросами. Внутри помещичьего класса образовались, таким образом, два лагеря: лагерь крепостников и лагерь либералов. А Отечественная война 1812 г. и заграничные подходы разбудили политическое сознание передового офицерства и массы крестьянства.

Павел Иванович Пестель (1793—1826) был полковником, руководителем Южного общества декабристов. "Это один из самых оригинальных умов, которых я знаю...", — писал о нем А.С. Пушкин. Пестель был знаком с трудами Смита, Сэя, Сисмонди, Шторха. В русской экономической мысли он представлял радикальное направление.

Экономические взгляды Пестеля нашли отражение в таких его произведениях, как "Практические начала политической экономии", "Краткое умозрительное обозрение", "Дележ земель", а также в "Русской правде", написанной Пестелем как программа декабристов. Антикрепостническая программа Пестеля строилась на основе теории "естественного права", по которой создание и структура общества, его государственное устройство должны соотносываться с рациональными и естественными требованиями каждого индивида, с его стремлением к благоденствию. Исходя из этого, Пестель требовал уничтожения сословных привилегий. Краеугольным камнем гражданского права Пестель считал право собственности. Частная собственность, по его убеждению, священна и неприкосновенна.

Наиболее радикальный характер носит аграрный проект Пестеля, изложенный в "Русской правде". Вся землю Пестель предполагал разделить в будущем на две части: общественную и частную. Общественная земля (земля всего волостного общества) не может быть ни продана, ни заложена. Частная земля, в свою очередь, тоже подлежит разделению на две части: принадлежащую казне и принадлежащую частным лицам. Часть, принадлежащая казне, может быть арендована частными лицами или продана им. Для создания такого земельного фонда Пестель предлагал конфисковать часть земли у крупных помещиков, но так, чтобы после конфискации общее количество земли при тысяче душ крепостных не превышало 5 тыс. десятин. Земли же средних и мелких помещиков следовало не трогать. Реализация предложений Пестеля означала бы вступление России на капиталистический путь развития.

Пестель составил план постепенного освобождения от крепостнической зависимости сначала дворовых людей, а потом и всех остальных крестьян. Помощь гражданам кредитами в "первоначальном образовании своего хозяйства" должен был оказать волостной банк.

Таким образом, "Русская правда" Пестеля — это проект будущего государственного устройства России, т.е. проект Конституции.

Николай Иванович Тургенев (1789—1871), выходец из старинного, не очень богатого рода. Он учился сначала в Московском университете, а затем продолжил учебу в Германии, в университете Геттингена, где основательно познакомился с учением Адама Смита, весьма повлиявшим на формирование его мировоззрения. Н.И. Тургенев был одним из руководителей Северного общества декабристов.

В 1810г. Тургенев написал свое первое экономическое сочинение — "Рассуждение о банках". Следующая его работа — "Опыт теории налогов" — является наиболее крупным и значительным экономическим трудом того времени¹⁰. В предисловии к этой книге автор дает высокую оценку значения экономической науки для правильного общественного устройства,

в основе которого должна лежать политическая и экономическая свобода. Работа пронизана антикрепостническими идеями самого Тургенева.

Необходимым условием процветания нации Тургенев считал свободу внутренней и внешней торговли, но не исключал и активной протекционистской политики государства во внешней торговле в интересах развития отечественной промышленности. Свободному предпринимательству, отмечал Тургенев, лучше способствуют смитовские правила собирания налогов, которые не должны быть такими ненавистными, как в "государствах деспотических". Собираение налогов, считал Тургенев, производится в интересах народа и государства. Налоги должны распределяться равномерно по доходам, время взимания и размеры налогов — определяться заранее, их уплата — производиться в момент, выгодный для плательщика, а сама система взимания налогов должна быть простой и дешевой для государства. На заработную плату налога не должно быть, поскольку она не представляет собой прибыль. Предлагаемая Тургеневым система налогообложения объективно соответствовала капитализму свободной конкуренции.

Интересно отметить прозорливость Тургенева в отношении бумажных денег, на смену которым придет кредит. При этом ученый был убежден, что справедливое регулирование кредитных отношений становится возможным только при республиканском представительном государственном устройстве. Тургенев поставил вопрос об использовании бумажных денег в интересах освобождения народа и его повышения благосостояния.

Тургенев не был согласен с теми из декабристов, кто выдвигал идеи военного восстания, он выступал за постепенное реформирование России. В 1847 г. на французском языке вышел его трехтомный труд "Россия и русские" (в России он был впервые опубликован в 1906 г., и то не полностью)". В нем дана подробная характеристика социально-экономического состояния России и намечена обширная программа политических и хозяйственных преобразований. Реформы Тургенев делит на две категории: совместимые с абсолютизмом и несовместимые. К первым он относит уничтожение крепостного права, введение суда присяжных, отмену телесных наказаний, установление местного самоуправления и т.д. Борьбу же за ограничение самодержавия Тургенев отодвигает на далекое будущее.

4. Крестьянский социализм А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского

Довольно широкое распространение нашли идеи А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, получившие название крестьянского социализма.

Александр Иванович Герцен (1812—1870), писатель, философ, экономист, стал основоположником мощного общественного течения в России — народничества, особого рода русского крестьянского социализма. В 1855 г. Герцен основал в Лондоне альманах "Полярная звезда", а в 1857 г. вместе с Николаем Платоновичем Огаревым — "Колокол", первую русскую революционную газету. Герцен был убежден, что при анализе общественных отношений следует опираться на экономический фундамент, чтобы твердыню собственности и капитала потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Это значит: надо показать людям, что социализм обеспечит более высокую производительность труда и более высокий уровень жизни, чем капитализм.

Герценовский крестьянский социализм сложился в 50-х годах XIX в. Гуманист Герцен искал для России "третий путь", который позволил бы ей освободиться от крепостничества и вместе с тем избежать капитализма и господства буржуазии. Залогом русской социальной революции он считал крестьянскую общину, отсутствие развитой частной собственности крестьян на землю, традиции коллективизма, взаимопомощи, артельности в русском народе. В русской крестьянской общине Герцен видел прообраз ячейки социализма: "община предоставляет каждому без исключения место за своим столом". Важнейшим "социалистическим" элементом общины Герцен полагал отсутствие безусловной частной собственности на землю (постоянный передел земли в общине по размерам семьи). К сельской общине он присоединял и промысловую артель.

Патриархальную гуманность русского сельского "мира", где все были бедны, но с голоду человек не умрет, если у соседей есть чем поделиться с ним, Герцен стремился противопоставить жестокому капитализму. Но прогрессивным во второй половине XIX в. могло быть только капиталистическое развитие, а как раз этому развитию мешала община, прикрепляя крестьян к земле, препятствуя переливу рабочей силы в промыслы, увековечивая сословную замкнутость, косность, забитость крестьянских масс.

В 1869 г. А.И.Герцен пишет замечательную работу "К старому товарищу". Обращаясь к М.А.Бакунину, он обобщает свои социально-экономические наблюдения. Социализм, утверждает он, должен быть обоснован экономически, его нельзя построить на голом насилии, что проповедовал Бакунин. Герцен выступает в защиту гуманистического содержания социализма.

Экономические взгляды А.И.Герцена, касающиеся критики крепостничества, были раскрыты им и во многих других работах: "Россия" (1849), "О развитии революционных идей в России" (1851), "Русский народ и социализм" (1852), "Юрьев день! Юрьев день русскому дворянству" (1853), "Крещеная собственность" (1853) и др.¹²

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889), выходец из семьи священника, был представителем разночинского этапа революционного движения. За участие в учреждении тайного общества "Земля и воля" в 1862 г. Чернышевский был арестован и на два года заключен в Петропавловскую крепость, приговорен к 14 годам каторги и вечной ссылке в Сибирь.

Чернышевский рано начал читать труды западноевропейских экономистов, которые, бесспорно, повлияли на формирование его собственных воззрений. Он стремился выполнить просветительскую миссию — донести до русского читателя идеи Смита, Рикардо, Мальтуса. Специальную работу Чернышевский посвятил Тюрго. Центральное же место в его экономическом наследии занимал перевод на русский язык книги Джона Стюарта Милля "Принципы политической экономии". Кроме того, он написал аналитическую работу "Основания политической экономии Дж.С.Милля"¹³, которую впервые опубликовал в "Современнике" в 1860—1861 гг.

Работы Чернышевского "Начала народного хозяйства В.Рошера" (1858), "Капитал и труд" (1860), "Примечания к "Основаниям политической экономии" (по Миллю)" (1861)¹⁴ и др. представляют большой интерес с точки зрения развития в них отдельных вопросов политической экономии. Он создал свою политэкономическую теорию — "теорию трудящихся", в которой можно выделить три основных аспекта: критику крепостничества, критику капитализма и обоснование социализма.

Резкая критика крепостнической системы хозяйствования содержится в работах Чернышевского "О земле как элементе богатства" (1854), "О поземельной собственности" (1857), "Барским крестьянам от их доброжелателей поклон" (1861)¹⁵. Ученый пишет о низкой производительности труда в таком хозяйстве, обусловленной внеэкономическим принуждением крестьян к труду. К антикрепостнической реформе 1861 г. Чернышевский относился отрицательно, считая ее половинчатой. Он выступал за полную отмену крепостного права, предоставление крестьянам личной свободы и передачу им всей земли, которая формально должна находиться в собственности государства, без выкупа. В работе "О поземельной собственности" он пишет, что та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице ("каждый земледелец должен быть землевладельцем"), а из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу государственная с общинным владением¹⁶.

Исходя из этого Чернышевский формулировал концепцию общинного социализма, который в аграрной России следует построить, минуя капитализм, на основе сложившейся формы сельскохозяйственного производства — общины. Как и Герцен, Чернышевский придавал общине большое значение, но в то же время считал, что община незаменима лишь

на первоначальном этапе становления социализма, дальнейшее же развитие должно быть связано с крупными земельными предприятиями. В странах Западной Европы, где значителен удельный вес промышленного машинного производства, создаются предпосылки для перехода к социализму. Социализм, по убеждению Чернышевского, соответствует здравому смыслу, а капитализм противоречит ему.

Оставаясь социалистом-утопистом, Чернышевский сделал большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Он пишет о социалистическом производстве и распределении, о внедрении принципа товарищества как высшей формы социалистической кооперации. В концепции Чернышевского наемные рабочие превращаются в "хозяйев-распределителей", т.е. являются собственниками средств производства и его продукта. Ученый ставит важную проблему организации труда в современном обществе, предлагает оптимальное сочетание в процессе производства живого и овеществленного труда (работников и орудий труда).

В работах Чернышевского содержится разносторонняя критика капитализма и буржуазных экономических теорий. Им отмечены такие характерные черты развития капитализма, как отчуждение труда, дифференциация в доходах, проявляющаяся в сосредоточении богатства на одном полюсе общества и нищеты — на другом, противоположность заработной платы, прибыли и ренты, анархия, конкуренция, кризисы перепроизводства, причиной которых является противоречие между общественным характером производства и его непосредственной капиталистической целью — максимизацией прибыли.

Самой важной в классической политэкономии Чернышевский считал трудовую теорию стоимости. Он критиковал Смита и Рикардо за непоследовательность в разработке этой теории, отмечал, что Рикардо не прав, отрицая абсолютную ренту. Критикуя закон народонаселения Мальтуса, Чернышевский подчеркнул, что Мальтус не учитывает основного фактора, противодействующего проявлению этого закона, — технического прогресса.

Центральное место в созданной Чернышевским теории трудящихся занимает концепция трудовой стоимости. Ученый рассматривал труд не только как источник стоимости, но и как меру справедливого распределения. Он точно представлял себе природу капитала как накопленного чужого труда.

Товарное производство Чернышевский считал исторически преходящей формой хозяйства. В будущем обществе, утверждал он, значение будет иметь только "внутренняя стоимость" — ориентируясь на нее и на общественные потребности, общество будет планировать объемы производства и распределение труда между сферами народного хозяйства.

5. Экономические программы народничества

После отмены крепостного права в России были проведены судебная, военная и земская реформы. Все это создавало условия для буржуазного развития страны. Складывалась новая революционная сила — разночинцы-народники. Они боролись за наделение землей русского крестьянства, верили в жизнеспособность русской сельской общины, полагали, что она может стать ячейкой социализма. Наиболее яркими представителями революционного народничества в России в 60—70-е годы XIX в. были П.Л.Лавров, М.А.Бакунин, П.Н.Ткачев.

Петр Лаврович Лавров (1823—1900) происходил из семьи дворян. Он получил хорошее образование, преподавал математику в высших военных учебных заведениях, в 35 лет стал полковником. Этот мыслитель вошел в историю как лидер пропагандистского направления в революционном народничестве. Его публикации, из которых наиболее известны "Исторические письма", содержат скрупулезный анализ текущей ситуации в России. Лавров считал, что для установления нового, справедливого строя в России нужны критически мыслящие личности, революционеры, и видел только один путь построения справедливого общества — революцию. Социальная революция, по Лаврову, должна была произойти в

форме полного экономического переворота и полного уничтожения старых государственных структур.

Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) — потомственный дворянин. Он получил прекрасное военное образование, в 1840 г. уехал в Западную Европу, где и прошла вся его последующая жизнь. Бакунин был основателем и главой анархистского направления в российском народничестве. Его книга "Государственность и анархия" оказала значительное влияние на воззрения современников. Экономической основой будущего идеального строя, считал Бакунин, должна стать передача всей земли в государстве крестьянским земледельческим общинам. Что касается рабочих, то рабочие ассоциации, а не отдельные рабочие, должны были, по идее Бакунина, получить в свое полное распоряжение все средства промышленного производства.

Лидером так называемого "заговорческого" направления стал **Петр Никитич Ткачев** (1844—1885). Дворянин, получивший на родине хорошее образование, он большую часть сознательной жизни провел на Западе. Основным стержнем преобразованной России Ткачев называл крестьянскую общину — социалистическую по своему духу. Он был убежден во "врожденности" коммунистических институтов у русского крестьянина. Ткачев проявлял интерес к современным ему западным экономическим теориям, в частности к марксизму, учению Мальтуса и др., и считал, что изучение социальных и экономических процессов общественной жизни чрезвычайно важно¹⁷.

Основная социально-экономическая идея раннего народничества заключается в том, чтобы "избежать" капитализма при опоре на стихийно-социалистические тенденции в среде крестьянства. Представители позднего, либерального, народничества 80—90-х годов (В.П.Воронцов, С.Н.Южаков, Н.Ф.Даниельсон, С.Н.Кривенко и др.) также утверждали, что капитализм для России означает регресс, что он приведет ее к упадку. Отсюда идея задержать развитие капитализма. Поздние народники считали российское экономическое устройство принципиально отличным от западноевропейского. При этом они отрицали объективные законы общественного развития и полагали, что сознательные действия узких групп людей могут изменить само направление этого развития.

Народники утверждали, что необходимость внешнего рынка обусловлена законами реализации общественного продукта и прибавочной стоимости. Вслед за Сисмонди, повторяя "догму Смита", они полагали, что стоимость всего общественного продукта состоит только из доходов — заработной платы, прибыли и ренты. Рассматривая составные части стоимости, они игнорировали постоянный капитал. Из этой ошибочной теории народники делали столь же ошибочные выводы: они считали, что производство должно соответствовать потреблению, т.е. определяться доходами. Они утверждали, что внутри страны невозможно реализовать прибавочную стоимость и что поэтому только и необходимы внешние рынки.

В либеральном направлении выделялись профессиональные экономисты — представители университетской науки — профессора А.С.Посников, А.И.Чупров¹⁸, Н.А.Каблуков, И.В.Вернадский. Остановимся на воззрениях Чупрова и Вернадского. Оба они были известнейшими профессорами российских университетов, страстными публицистами, прекрасными историками экономической мысли. Оба были правоверными рикардianцами, но во многом их взгляды и различались.

Иван Васильевич Вернадский (1821—1884) был сторонником классического либерализма. Он постоянно дискутировал как с правыми — крепостниками, так и с левыми — революционными демократами. Резкой критике он подверг социалистические проекты Н.Г.Чернышевского. Для Вернадского социализм — это не прекрасное будущее, как у Чернышевского, а результат обеднения страны, пауперизма. И по мере развития производительности труда, улучшения благосостояния русского населения, считал ученый, интерес к идеям социализма будет уменьшаться.

Александр Иванович Чупров (1842—1908), более чем другие российские профессора, находился под влиянием западной экономической науки, прежде всего английской

классической политэкономической школы и марксизма. Он считал, что политэкономия есть наука о вечных и неизменных законах хозяйствования, положительно оценивал теорию трудовой стоимости, капитал представлял как результат сбережения, оставшийся от потребления. Основное внимание Чупров обращал на конкретную хозяйственную жизнь российского общества. Он полагал, что сельское хозяйство России конца XIX в. следует характеризовать как натуральное, а отдельные элементы капитализма в аграрном секторе считал малочисленными и не изменяющими общую патриархальную картину сельской жизни России. Чупров отмечал также важность теории полезности, но отводил ей второстепенное место при определении ценности благ, так как находил, что в ее основе лежат субъективные суждения о полезных свойствах предметов. Ученый считал, что меновая стоимость каждого предмета определяется количеством труда, затраченного на его производство.

Крупный экономист-статистик, создатель специальной дисциплины — экономики транспорта, блестящий педагог, Чупров впервые ввел в российских университетах семинарские занятия по политической экономии. В отличие от Вернадского он занимал более демократические, пронароднические позиции. Чупров считал общины, кооперативы и другие объединения трудящихся ячейками русской государственности. Его привлекали социалистические идеи, идеи совместной производственной деятельности, объединения в противоположность буржуазному индивидуализму.

Понимая прогрессивность развития рыночного производства, Чупров, однако, осознавал, что в нем заключена и вопиющая несправедливость — возможность разорения даже рационально ведущихся индивидуальных хозяйств. Выход из этого он видит в развитии кооперативных хозяйств. А позже, уже в XX в., Чупров осудил столыпинские реформы как насильственную попытку разрушить коллективистские способы производства в российской деревне. Долгое время Чупров с большим уважением относился к К.Марксу, но после революции 1905—1907 гг. стал критиковать и марксистов. Это был один из первых российских ученых-экономистов, искавших в новых условиях серединный путь для России — подобие "социального рыночного хозяйства".

6. Либеральные экономические идеи конца XIX — начала XX в.

После 1861 г. происходят серьезные сдвиги как в экономике России, так и в расстановке классовых сил. Капитализм развивается во всех областях экономической жизни, и буржуазия начинает играть все более видную роль. Представители буржуазной политической экономии пореформенного периода оказались в оппозиции к господствующему помещицкому классу. Они понимали, что существующие поземельные отношения являются основным тормозом развития капитализма, поэтому выступили с критикой этих отношений, представлявших собой остатки крепостничества и сужавших как рынок сбыта промышленных товаров, так и рынок рабочей силы. Внимание ученых-экономистов было направлено преимущественно на аграрные отношения, основные силы сконцентрированы на поиске путей и условий быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве.

Юлий Эдуардович Янсон (1835—1893), известный экономист и статистик, член-корреспондент Академии наук, завоевал признание своими статистическими исследованиями о "хлебной торговле". Он высоко оценивал реформу 1861 г., отстаивал буржуазно-помещичий путь развития капитализма в России. В 1877 г. вышла книга Янсона "Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах", в которой автор констатировал бедственное положение крестьянских масс. Эта книга ценна тем, что объективно отразила несостоятельность царской политики по крестьянскому вопросу. В 1878 г. Янсон издал первый том своего основного произведения "Сравнительная статистика России и западноевропейских государств", в 1880 г. — второй том, посвященный сельскому хозяйству и представляющий наибольший интерес, так как в нем собран огромный фактический материал.

Защищая русский капитализм, Янсон вместе с тем писал о тяжелом положении рабочих, особенно в текстильной промышленности, хотя и не предлагал коренных мер к изменению этого положения. В экономическом развитии страны ученый отдавал приоритет сельскому хозяйству. При этом он настаивал на сохранении общины, считая, что ее возможности в России далеко не исчерпаны. В целом же аграрная программа Янсона отражала интересы дворянства, так как не предполагала ликвидации помещичьего землевладения.

В конце XIX в. в среде российской буржуазной профессуры получили распространение идеи "государственного социализма". Одним из сторонников этих идей был профессор финансового права Московского университета, академик *Иван Иванович Янжул* (1846—1914). Он специализировался на вопросах государственных финансов, широкую известность получил его учебник "Основные начала финансовой науки". Янжул критиковал систему налогообложения в России и в целом систему получения доходов в рамках российского абсолютизма. Это был первый из экономистов, занявшийся проблемой монополий. Он описал функционирование синдикатов в США, Европе и России, констатировал общность процессов концентрации промышленности в этих странах и выступил против антитрестовского законодательства, защищая свободу монополий. Суть его "государственного социализма" сводилась к вере в то, что тресты обеспечат регулирование производства. Ученый пытался доказать, что протекционизм обеспечит примирение интересов заводчиков и рабочих. Много внимания Янжул уделял рабочему вопросу. Он писал о необходимости ограничения продолжительности рабочего дня, а также женского и детского труда, о целесообразности создания системы правительственного надзора за безопасностью работ и т.д. Вместе с тем Янжул оставался последовательным защитником капитализма, трестов и синдикатов, активным сторонником сохранения монархии.

Следует отметить заметное влияние на экономическую мысль России этого периода и представителей киевской школы Н.Х.Бунге и Н.И.Зибера.

Николай Христианович Бунге (1823—1895) — профессор политической экономии и права Киевского университета, затем ректор этого университета. С 1865 г. он был управляющим Киевской конторой госбанка, с 1881 по 1886 г. — министром финансов России, академиком Петербургской Академии наук. По своим взглядам Бунге — типичный протекционист. Он выступал за развитие отечественной промышленности и обосновывал возможность финансирования ее государством (особенно крупных промышленных проектов). Будучи министром финансов, Бунге способствовал развитию государственного железнодорожного строительства (предлагал выкупать частные железные дороги), учредил дворянские и крестьянские поземельные банки, призывал помогать субсидиями крупным промышленным предприятиям и банкам, терпящим крах. Основные работы Н.Х.Бунге — "Теория кредита" (1852), "Основания политической экономии" (1870), "Банковские законы и банковская политика" (1870), "О восстановлении металлического обращения в России" (1870), "Государственное счетоводство и финансовая отчетность Англии" (1890), "Очерки политэкономической литературы" (1895).

Николай Иванович Зибер (1844—1888) был профессором Киевского университета. Главный его труд — "Экономическая теория Маркса" (1883), в которой автор подводит аналитический итог предыдущим своим работам "Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях" (1885) и "Теория ценности и капитала Д.Рикардо" (1871). Теорию трудовой стоимости Маркса Зибер рассматривал как "усовершенствование" теории Рикардо и считал, что не столько классовая борьба и революции, сколько демократизация буржуазного государства, реформы и развитие кооперативного движения сделают Россию демократическим цивилизованным государством.

Таковы основные направления и постулаты российской буржуазной экономической мысли пореформенного периода, обусловленные особенностями социально-экономического развития страны.

Примечания и ссылки к теме 2

- ¹ К определению максимального размера процента подтолкнуло восстание против ростовщиков, произошедшее в 1113 г.
- ² Пресняков А. Книжное право в Древней Руси. — СПб., 1909. — С.248.
- ³ См.: Ржигза В.Ф. И.С.Пересветов — публицист XVI в. — М., 1908.
- ⁴ Слово о рассуждении любви и правды и побеждении вражде и лже // Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. — М., 1881.— С. 77.
- ⁵ Там же. — С. 75.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Книга о скудости и богатстве. — М., 1937.
- ⁸ См.: Гусейнов Р. Чем прирастает могущество Родины // Вопросы экономики,— 1986.— № 11.-С. 130-137.
- ⁹ См.: Сперанский М.М. План финансов // Сборник русского исторического общества. - СПб., 1885. - Т. 45. - С. 3-40.
- ¹⁰ См.: Тургенев Н. Опыт теории налогов. — СПб., 1819. — 2-е изд. — С. 324-326.
- ¹¹ См.: Тургенев Н. Россия и русские. Т. 1: Воспоминания изгнанника. — М., 1915. — С. 90—92 и др.
- ¹² См.: Герцен А.И. Соч. - М., 1956. - Т. 5. - С. 263, 285, 286, 327, 328 и др.; Т. 6. - С. 67, 114, 266, 269, 275.
- ¹³ См.: Чернышевский Н.Г. Основания политической экономии Дж.С.Милля // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — М., 1939.-Т.VII.
- ¹⁴ См.: Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. — М., 1949. — Т. 3, ч. 2. — С. 220, 227, 323; Он же: Полн. собр. соч. - М., 1939. - Т. I. - С. 450; Т. II. - С. 183, 185, 189, 194, 410-411; Т. III.-С. 505.
- ¹⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. - М., 1939. - Т. I. III, V; М., 1950. - Т. VII. — С. 477, 420; Т. IX. - С. 419, 437, 468, 502; М., 1949.-Т.II.-С.396.
- ¹⁶ Необходимо лишь заметить, что опыт развития социализма показал нетождественность государственной и общественной собственности. Формальная государственная собственность так и остается ничьей, а реально бюрократизируется.
- ¹⁷ См.: Ткачев П.Н. Рецензия на книгу Мальтуса //Собр. соч. — М., 1933. - Т. V.-С. 453, 454.
- ¹⁸ См.: Чупров А. Железнодорожное хозяйство: его экономические особенности и его отношение к интересам страны. — М., 1875.

Новые понятия

Барщина
Подушная подать
Вотчина
Общественное богатство
Производительность труда
Смерд
Мануфактура
Челядь
Закуп
Судебники
Прибавочный продукт
Вольное экономическое общество
Специализация
Активный торговый баланс
Протекционизм

Сословия
Инфляция
Привилегии
Народничество
Революционное народничество
Крестьянская община
Анархизм
Аренда
Пореформенный период
Крепостное право
Дифференциальная рента
Абсолютная рента

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные экономические идеи Русской Правды— первого свода русских законов ?
2. Какую роль отводили российские экономисты XVII—XVIII вв. государству? Согласны ли вы с их точкой зрения?
3. Какие варианты решения вопроса о крепостничестве вы можете выделить во взглядах экономистов конца XVIII— начала XIX в. ?
4. В чем прогрессивность и ошибочность экономического учения Чернышевского по сравнению с его предшественниками?
5. Как можно охарактеризовать экономическую программу Герцена?
6. Каковы основные направления экономической мысли России во второй половине XIX в.?
7. В чем единство и противоположность взглядов представителей революционного и либерального народничества ?
8. Каковы основные направления русской экономической мысли начала XX в. ? Какие западные экономические школы повлияли на формирование этих направлений ?

ТЕМА 3. МАРКСИЗМ

1. Исторические условия возникновения марксизма.
2. Эволюция экономических взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса.
3. "Капитал" и "Теории прибавочной стоимости" К.Маркса.
4. Вклад Ф.Энгельса в экономическую науку.

1. Исторические условия возникновения марксизма

Возникновение марксизма как целостной теоретической системы, отражающей интересы пролетариата, было подготовлено предшествующим развитием капитализма. Промышленный переворот, произошедший в начале XIX в. сначала в Англии, а затем в других странах Западной Европы, привел к тому, что основой экономики стало машинное производство. Развитие машинного производства на ранних стадиях вызвало ухудшение положения рабочего класса и обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией, которое проявилось в восстании лионских ткачей во Франции (1831, 1834), чартистском движении в Англии (30—40-е годы), восстании силезских ткачей в Германии (1844). Теоретическим обобщением опыта социально-экономических движений того времени и явился марксизм, возникший в середине XIX в. Марксизм, как известно, был подготовлен также и развитием немецкой классической философии, английской классической политэкономии и французского утопического социализма.

Марксизм — это целостная система представлений о сущности и судьбах капиталистического способа производства и будущем развитии общества на базе

общественной собственности на средства производства. Как теоретическая система он состоит из трех взаимосвязанных частей:

а) диалектико-материалистической философии, исследующей универсальные законы развития природы, общества и человеческого мышления и разрабатывающей метод исследования общественных процессов;

б) политической экономии, которая есть результат применения диалектического материализма к исследованию производственных отношений капиталистического способа производства;

в) теории социализма, основанной на политической экономии марксизма и описывающей будущее развитие общества.

Карл Маркс (1818—1883) начал свою карьеру ученого как юрист и философ. Особый интерес для него представляли тенденции развития философии и гегелевская философия права. С экономической проблематикой Маркс столкнулся в 1842—1843 гг., когда как редактор "Рейнской газеты" вынужден был разбираться с вопросами, касающимися частной собственности на землю. В 1842 г. Маркс познакомился с **Фридрихом Энгельсом** (1820—1895), который в отличие от Маркса не получил систематического образования и занимался в основном коммерцией, будучи хорошо осведомленным в практической экономике. Ф.Энгельс много занимался самообразованием, преимущественно в области истории и философии, но со временем стал и прекрасным экономистом-теоретиком.

Первая политэкономическая работа Ф. Энгельса "Наброски к критике политической экономии"¹ была опубликована в 1844 г. В ней автор дает первоначальную систематизацию известных ему политических школ, а также излагает свои взгляды на проблему стоимости и цены. Энгельс пишет, что политическая экономия возникла как естественное следствие распространения торговли. Первой школой политической экономии был меркантилизм. На смену меркантилизму пришла либеральная политэкономия, заслугой которой явилась разработка законов частной собственности и свободной конкуренции. К представителям либеральной политэкономии Энгельс относит Смита, Рикардо, Мак-Куллоха, Сэя и др. Основной вопрос, который решали эти экономисты, — вопрос о стоимости. Содержание стоимости товара они определяли двояко: англичане, и прежде всего Рикардо, основой стоимости считали издержки производства, а француз Сэй утверждал, что стоимостью измеряется полезность вещи. По мнению самого Энгельса, стоимость включает в себя оба фактора, т.е. стоимость есть отношение издержек производства к полезности. При решении вопроса о том, надо ли производить какую-либо вещь, всегда происходит взвешивание ее полезности и затрат на производство. При частной собственности на средства производства это взвешивание осуществляется через конкуренцию. При уничтожении частной собственности стоимость будет определяться исключительно в сфере производства.

К вопросу о содержании стоимости Энгельс не раз возвращался в своих более зрелых работах. Так, проблема взвешивания полезного эффекта от какого-либо продукта и затрат труда на его производство подробно рассматривается в третьем разделе "Анти-Дюринга".

Энгельс различает реальную и меновую стоимость. Он пишет о том, что рыночные цены отклоняются от меновой стоимости в результате колебаний спроса и предложения (действие закона конкуренции), показывает, как механизм межотраслевого перелива капитала в конечном счете приводит рыночные цены в соответствие со стоимостью товара.

Утверждая, что "закон конкуренции порождает торговые кризисы", Энгельс отчасти повторяет ошибку Сисмонди. Он констатирует сам кризис перепроизводства — несоответствие спроса и предложения, не называя его причины.

Значительное внимание в "Анти-Дюринге" уделено критике теории народонаселения Мальтуса. По мнению Энгельса, Мальтус неверно объясняет избыточность населения действием естественных законов. Ошибка Мальтуса связана с тем, что ученый смешивает средства существования со средствами занятости.

Первая политэкономическая работа К.Маркса — "Экономическо-философские рукописи 1844 года"². Она отличается особой гуманистической направленностью, характерной для ранних произведений Маркса, когда в центре внимания стоит отдельный человек, включенный в систему общественного производства.

В первых разделах этого произведения рассматриваются основные составляющие доходов: заработная плата, прибыль на капитал, земельная рента. Заработную плату Маркс называет платой за труд, хотя в действительности понимает под ней стоимость совокупности благ и услуг, необходимых для поддержания жизни рабочего и его семьи. В этом вопросе Маркс не идет пока дальше А.Смита и Д.Рикардо. Прибыль на капитал, по его определению, есть накопленный чужой труд. И хотя данным определением Маркс противоречит собственному пониманию заработной платы, здесь он близко подходит к раскрытию существа прибавочной стоимости. Земельную ренту Маркс рассматривает как результат присвоения чужого неоплаченного труда в сельском хозяйстве. При этом для него, так же как и для Рикардо, существует пока только дифференциальная рента.

Основная проблема, исследуемая в "Экономическо-философских рукописях 1844 года", — проблема отчуждения труда. У Маркса она прямо связана, с одной стороны, с типом собственности на средства производства, а с другой — с самой личностью человека, с гуманистической направленностью экономического прогресса. Маркс выстраивает систему отчуждения, основными этапами которой являются: 1) отчуждение человека от средств производства (частная собственность на средства производства) и как следствие отчуждение человека от самого продукта своего труда; 2) отчуждение человека от самого процесса труда, превращение труда в принудительный труд для другого ради поддержки собственной жизни. В результате происходят отчуждение человека от его родовой сущности (экономический эгоизм и индивидуализм) и, наконец, самоотчуждение человека. Сама жизнь человека становится лишь средством к жизни, ее целью — самоподдержание.

Цепь этих логических рассуждений Маркса, по-видимому, отражает развитие капиталистических производственных отношений на начальных стадиях эволюции капитализма. Что касается современного капитализма, то он создал достаточно развитую систему социальных гарантий и для большинства населения обеспечивает удовлетворение нормальных в пределах той или иной страны потребностей. Вопрос, поставленный Марксом в его первой политэкономической работе и актуальный до сих пор, — вопрос о преодолении самоотчуждения человека имеет много вариантов, один из которых дан в более поздних работах Маркса и Энгельса.

2. Эволюция экономических взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса

Первая совместная работа Маркса и Энгельса "Святое семейство, или Критика критической критики (против Бруно Бауэра и компании)"³ была написана в 1844 г. Это критический разбор взглядов младогегельянцев, к числу которых некоторое время принадлежали сами Маркс и Энгельс. Младогегельянцы последовательно придерживались позиции субъективного идеализма в философии, преувеличивали значение отдельной личности в истории, в особенности "критической критики" в собственном лице. Критикуя их взгляды, Маркс и Энгельс противопоставляют им собственные положения, которые впоследствии легли в основу их теоретической экономической системы.

Главным является положение о том, что в фундаменте любой экономической системы лежат отношения по поводу собственности на средства производства, соответственно главным вопросом любой экономической теории является вопрос собственности. Частная собственность на средства производства порождает отчуждение человека от продукта своего труда, доходящее до самоотчуждения. Продукт труда выступает как чужой продукт, пролетариат своим трудом создает чужое богатство. Маркс и Энгельс констатируют обратную зависимость между заработной платой и прибылью. Пролетариат и богатство образуют противоположные стороны единства, при этом капиталисты заинтересованы в его

сохранении, а пролетариат с необходимостью приводится к такому состоянию, когда он вынужден это единство уничтожить. Уничтожение единства пролетариата и богатства, по мнению Маркса и Энгельса, означает уничтожение частной собственности и, вместе с тем, уничтожение самого пролетариата.

Значительное место в "Святом семействе..." занимает разработка теории стоимости. Критикуя теорию трех факторов производства, Маркс и Энгельс пишут о том, что, если не принимать во внимание влияние конкуренции, пропорции обмена определяются, с одной стороны, затратами на производство какого-либо предмета (издержками производства), а с другой — его полезностью. В теории стоимости Маркс и Энгельс находятся еще под сильным влиянием Д.Рикардо. Монистическое объяснение стоимости, исключающее определение цен ценами, ими еще не найдено.

Другая совместная работа Маркса и Энгельса — "Немецкая идеология"⁴, написанная в 1845—1846 гг., по существу является продолжением "Святого семейства...". Этот труд представляет собой критический анализ основных философских течений, существовавших в то время в Германии (его подзаголовок — "Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б.Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков"). Кроме того, здесь отражено сложившееся материалистическое понимание истории, являющее собой основу для дальнейшего развития политической экономии марксизма.

Исходный тезис "Немецкой идеологии" заключается в том, что материальное производство есть фундамент жизни человеческого общества (так в ранних работах Маркса и Энгельса называется система производственных отношений) и составляет базис всякой идеологической надстройки. Уровень развития производства определяется системой разделения труда. Развитие последней происходит в несколько этапов: сначала отделение промышленности и торговли от земледелия, далее отделение торговли от промышленности и, наконец, отделение умственного труда от физического. Сложившаяся система разделения труда должна исчезнуть при коммунизме.

Каждой ступени в развитии системы разделения труда соответствует определенная форма собственности. В "Немецкой идеологии" впервые выделены следующие докапиталистические этапы развития форм собственности: 1) племенная собственность; 2) античная общинная и государственная собственность; 3) феодальная, или сословная, собственность.

Развитие разделения труда приводит к появлению торговли и мануфактур, которые, в свою очередь, создают крупную буржуазию. При этом мануфактурной стадии развития капитализма соответствует протекционизм в экономической политике. Развитие машинного производства и мирового рынка, а вместе с этим и денежной системы капитализма (появление торговли деньгами, банков, государственных долгов, бумажных денег, спекуляции акциями и др.) порождает свободную конкуренцию универсального типа. В производстве наступает эпоха господства крупного промышленного капитала. Постепенно производительные силы достигают такого уровня в своем развитии, когда они вступают в неразрешимое в рамках существующей системы противоречие с формой производственных отношений. Наступает эпоха коммунистических революций, при этом коммунизм эмпирически возможен как действие господствующих народов, произведенное одновременно.

В 1847 г. была опубликована работа К.Маркса "Нищета философии", которую В.И.Ленин назвал "первым произведением зрелого марксизма". Этот труд написан как полемический ответ на книгу П.Прудона "Система экономических противоречий, или Философия нищеты". В нем дается критический анализ философских и экономических воззрений Прудона, а также методы построения его теоретической системы, в которой потребительная стоимость товара представляет собой изобилие и предложение, а меновая стоимость — редкость и спрос. Синтезом этих двух противоречивых сторон стоимости

выступает открытая Прудонем "конституированная стоимость", которая, однако, ничем не отличается от меновой стоимости Рикардо и является пропорцией обмена одного продукта на другой, определяемой затратами рабочего времени на их производство. При этом Прудон отождествляет стоимость продукта и заработную плату: последняя выступает у него как оплата полного продукта труда работающего.

На теории "конституированной стоимости" Прудон выстраивает свою "революционную теорию будущего", которую Маркс назвал утопическим истолкованием теории Рикардо. Суть ее состоит в том, что необходимо достичь справедливого социального устройства общества через совершенствование отношений обмена: каждый должен получать в обмене ровно столько, сколько затратил сам, т.е. эквивалент полного продукта своего труда.

Теория социального переустройства Прудона и сходные теории "социалистов-рикардианцев" Т.Годскина, У.Томпсона, Дж.Ф.Брея получили в истории экономических учений название теорий трудовых, или рабочих, денег. В работах "Нищета философии" и "К критике политической экономии" Маркс дает основательную критику этих теорий. Суть критики заключается в следующем. Во-первых, способ обмена продуктов регулируется способом их производства и не может быть изменен без изменения последнего. Во-вторых, индивидуальное рабочее время, затраченное на производство продукта, в данных теориях принимается за непосредственно общественное. В-третьих, авторы теорий трудовых денег допускают возможность предварительного соглашения относительно количества часов, которые следует затратить на производство того или другого продукта. Последние два момента предполагают существование общественной собственности на средства производства и исключают как товарный обмен, так и товарное производство вообще.

В "Нищете философии" Маркс рассматривает и ряд других важных проблем. Одна из них — проблема выравнивания отраслевых норм прибыли в результате межотраслевого перелива капитала. Другая — проблема развития общественного разделения труда и вместе с ним орудий труда (от простых орудий труда — к машинам и от системы машин — к их организованной форме, т.е. фабрике). Подробному анализу в работе подвергаются дифференциальная земельная рента, цена земли, арендная плата. Здесь представлен уже вполне сложившийся взгляд на арендные отношения в сельском хозяйстве. Дифференциальная рента, по мнению Маркса, равна излишку в цене сельскохозяйственных продуктов, регулируемой наибольшими затратами труда, по отношению к издержкам их производства. Цена земли определяется соизмерением ренты с уровнем ссудного процента. А арендная плата кроме ренты включает в себя проценты на вложенный в землю капитал.

3. "Капитал" и "Теории прибавочной стоимости" К.Маркса

"Капитал"⁵ — основное произведение К.Маркса, над которым он работал с 1851 г. до конца жизни. До 1856 г. Маркс проделал большую работу по изучению и систематизации материала. В 1857—1858 гг. была создана рукопись "Критика политической экономии" — первый черновой набросок "Капитала". Рукопись состоит из двух глав: о деньгах и о капитале — и охватывает в основном проблемы, исследуемые затем в первом томе "Капитала". В ней впервые выдвинуто положение о двойственном характере труда, воплощенного в товаре, введены понятия постоянного и переменного капитала, абсолютной и относительной прибавочной стоимости, рассмотрено соотношение категорий "прибавочная стоимость" и "прибыль".

По завершении работы над рукописью Маркс приступил к подготовке на ее основе отдельных выпусков для печати. В 1859 г. появился первый и единственный выпуск — "К критике политической экономии", после чего Маркс вновь занялся исследовательской деятельностью и подготовкой к печати большого целостного произведения "Капитал". Работа "К критике политической экономии" состоит из двух глав: "Товар" и "Деньги, или Простое обращение". В первой главе анализируется внутреннее противоречие между потребительной и меновой стоимостью товара, основывающееся на двойственном характере

труда, затраченного на его производство. В отличие от первого тома "Капитала" здесь не рассматривается подробно эволюция форм стоимости. Более обширной и детальной по сравнению с соответствующей главой в "Капитале" является глава о деньгах. Значительное внимание в работе уделено критике предшествующих теорий стоимости и денег.

В 1866 г. Маркс приступил к подготовке к изданию первого тома "Капитала", который увидел свет в 1867 г. Первый том — первый шаг в изложении экономических взглядов Маркса, начиная с абстрактных категорий и кончая целостным представлением о реальной экономике. Предмет исследования в первом томе составляет процесс производства прибавочной стоимости. Анализ начинается с наиболее абстрактной категории товарного производства — категории товара. Маркс рассматривает развитие внутреннего противоречия товара через развитие форм стоимости: от случайной через развернутую к денежной. В отличие от работы "К критике политической экономии" в первой главе первого тома "Капитала" уже четко разграничиваются понятия "стоимость" и "меновая стоимость". Специальный раздел этой главы посвящен характеристике товарного фетишизма.

Во втором отделе первого тома рассматривается процесс превращения денег в капитал и показано, как разрешается противоречие всеобщей формулы капитала, связанное с куплей-продажей специфического товара "рабочая сила". Открытие товара "рабочая сила" впервые позволило объяснить существование прибавочной стоимости с точки зрения трудовой теории стоимости. Маркс показывает двойственный характер капиталистического процесса производства, выявляет постоянный и переменный капитал и две формы прибавочной стоимости — абсолютную и относительную, описывает последовательные этапы развития последней в условиях простой кооперации, мануфактуры и фабрики.

В первом томе "Капитала" исследуются две основные формы заработной платы, выступающей как превращенная форма стоимости и цены рабочей силы, — сдельная и повременная. Изучаются факторы, определяющие величину и динамику заработной платы. Большое внимание Маркс уделит анализу процесса капиталистического накопления: структуре капитала, типам накопления, влиянию процесса накопления на положение рабочего класса. Завершается первый том "Капитала" исследованием исторической тенденции капиталистического накопления.

После опубликования первого тома "Капитала" Маркс работал над рукописью второго тома, однако внезапная смерть не дала ему завершить это дело. Большую работу по редактированию материалов второго тома провел Энгельс.

Второй том "Капитала" вышел в свет в 1885 г. Он посвящен исследованию процесса воспроизводства как единства производства и обращения сначала применительно к индивидуальному, а затем — к общественному капиталу. Маркс анализирует кругооборот трех функциональных форм капитала: денежного, производительного и товарного. В этом томе вводятся категории основного и оборотного капитала и издержек обращения. Рассматривая двойственный характер оборота авансированного капитала, Маркс указывает на реальный оборот как на основу периодических экономических циклов. Исследуя воспроизводство общественного капитала и опираясь при этом на "экономическую таблицу" ("зигзаг") Ф.Кенэ, Маркс строит схемы простого и расширенного воспроизводства, показывая, каким образом осуществляется обмен между двумя подразделениями общественного производства: производством средств производства и производством предметов потребления.

Подготовка к изданию третьего тома "Капитала" потребовала от Энгельса значительно большей работы, чем подготовка второго тома. Рукопись была неоднородна по глубине проработки материала: отдельные части были лишь набросками, замечаниями для дальнейшей работы. Кроме того, многие вопросы требовали корректировки и уточнения в связи с изменениями в самой экономике. Значительной доработке подверглись разделы рукописи, посвященные ссудному капиталу и кредиту. В отдельных главах Энгельс указывает на более высокие формы обобществления производства в рамках акционерных компаний (картели,

тресты), отмечая тем самым переход капитализма на новую стадию развития. Полностью написана Энгельсом четвертая глава третьего тома, посвященная анализу факторов, влияющих на норму прибыли. Дополнением к третьему тому "Капитала" служат статьи Энгельса "Закон стоимости и норма прибыли" (в которой дан критический анализ положений о внешнем противоречии между первым и третьим томами "Капитала" в изложении теории стоимости) и "Биржа" (в которой Энгельс характеризует новые явления в экономике капитализма). Таким образом, Энгельса можно считать соавтором второго и в особенности третьего томов "Капитала".

Третий том "Капитала" был издан в 1894 г. В нем исследуется капиталистическое производство в том виде, в каком оно предстает в повседневной экономической жизни — во всей сложности и взаимопереплетении поверхностных экономических форм. Прежде всего здесь показан процесс превращения прибавочной стоимости в прибыль, прибыли — в среднюю прибыль и стоимости — в цену производства. Затем подробно анализируются торговый и ссудный капитал, их связь с промышленным капиталом и соответствующие им доходы — торговая прибыль и ссудный процент. Существенное внимание в третьем томе "Капитала" уделено развитию рентных отношений в сельском хозяйстве и добывающей промышленности. Анализируя дифференциальную и абсолютную ренту, Маркс объясняет существование последней на базе трудовой теории стоимости.

Таким образом, в первом, втором и третьем томах "Капитала" излагается целостная теоретическая экономическая система, представляющая собой результат движения от анализа наиболее простых абстрактных категорий и определений к анализу их проявлений и взаимосвязей в реальной экономической жизни. В "Капитале" Марксу удалось разрешить противоречия, с которыми столкнулась классическая школа буржуазной политэкономии, и тем самым завершить начатые в ее рамках исследования. В истории экономических учений "Капитал" занимает исключительно важное место не только как целостная теория, выражающая экономические интересы многочисленного класса наемных работников, но и как образец фундаментального исследования в сфере экономики.

Четвертый том "Капитала" ("Теория прибавочной стоимости"), хотя Маркс и завершил работу над ним в 1863 г., впервые был издан на немецком языке в начале XX в. К.Каутским. В книге дан историко-критический очерк экономических теорий, начиная с учений меркантилистов и физиократов и кончая взглядами представителей вульгарной буржуазной политэкономии относительно создания прибавочной стоимости и различных форм ее проявления. Маркс показывает, как зарождалась классическая буржуазная политэкономия, как она развивалась и достигла вершины — экономической теории Д.Рикардо, а затем рассматривает разложение рикардизма и вульгаризацию буржуазных экономических теорий. Наряду с критикой предшествующих экономических теорий он развивает собственные взгляды, в основном касающиеся категорий производительного и непроизводительного труда для процесса производства вообще и капиталистического в частности и циклов в капиталистической экономике, экономических кризисов и материальной основы их периодичности. Более подробно, чем это сделано в третьем томе, здесь представлены взгляды Маркса по вопросу абсолютной ренты.

4. Вклад Ф.Энгельса в экономическую науку

Основными экономическими трудами Ф.Энгельса наряду с его первой политэкономической работой "Наброски к критике политической экономии" являются "Положение рабочего класса в Англии"⁶ (эта работа была в значительной мере использована при написании "Капитала"), "Анти-Дюринг"⁷ и "Происхождение семьи, частной собственности и государства"⁸.

Поводом для написания "Анти-Дюринга" послужили публикации немецкого философа Евгения Дюринга, в которых тот заявил о создании системы знаний, представляющей собой переворот в философии, политической экономии и теории социализма. Критикуя взгляды

Дюринга, Энгельс излагал собственные воззрения по широкому кругу вопросов, "полемика превратилась в более или менее связное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения"⁹.

"Анти-Дюринг" появился в 1877—1878 гг. сначала в виде серии статей, а затем был издан отдельной книгой. Она состоит из введения и трех крупных отделов: "Философия", "Политическая экономия" и "Социализм".

Во введении Энгельс пишет о теоретических и исторических предпосылках марксизма, а также о двух открытиях Маркса, которые сделали социализм наукой, — о разоблачении тайны производства прибавочной стоимости и материалистическом понимании истории.

В отделе "Философия" основной объект критики — субъективный идеализм Дюринга. Здесь же рассматриваются и отдельные вопросы, связанные с экономикой. Исследование общества Дюринг начинает с его простейшей модели — общества двух абсолютно равных людей. Энгельс пишет, что такого равенства в действительности не существует никогда, а само понятие "равенство" — историческая категория: так, при капитализме равенство заключается в равенстве шансов для конкурентов.

Отдел второй — "Политическая экономия" — начинается с формулировки предмета исследования. Политическую экономию в самом широком смысле Энгельс определяет как науку о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе. Распределение зависит от производства, хотя и оказывает на него обратное влияние. В некоторый момент система распределения приходит в противоречие со способом производства, в результате чего происходит переворот как в способе производства, так и в системе распределения материальных благ.

Значительное место в теоретической системе Дюринга принадлежит теории насилия, которой философ пытается объяснить все экономические явления. Энгельс отстаивает в полемике противоположную позицию: причины политического "насилия" следует искать в экономике соответствующей эпохи. Насилие всегда основано на распоряжении определенными средствами производства, в том числе средствами уничтожения, первоначально созданными трудом. Все капиталистическое экономическое неравенство, весь ход развития капиталистической экономики, с ее подъемами и спадами, можно объяснить, не прибегая к представлению о насилии, — из факта взаимного обмена стоимостей.

В отделе третьем — "Социализм" — Энгельс дает развернутое изложение материалистического понимания истории. Это понимание основано на признании того, что производство составляет фундамент всякого общественного строя. Производство диктует способ распределения и обуславливает разделение общества на классы. Капитализм превращает средства производства в общественные, используемые массой людей в условиях планомерной организации производства в виде деятельности отдельных предприятий. При этом в стихийном общественном хозяйстве противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением его результатов проявляется как периодические кризисы перепроизводства, которые показывают, что производительные силы переросли форму их использования. Возникают новые формы организации производства — акционерные компании, государственная собственность.

Пролетариат, рожденный и организованный крупной промышленностью, с необходимостью совершает политический переворот, в ходе которого он прежде всего превращает средства производства в государственную собственность. Государство заменяет управление лицами управлением вещами и производственными процессами и вместе с тем отмирает как государство, т.е. как аппарат политической власти одного класса над другим.

С появлением общественной собственности в форме государственной исчезает товарное производство. Анархия производства заменяется сознательной организацией общественного хозяйства. Труд каждого отдельного лица становится непосредственно общественным, исчезает необходимость удостоверения его общественного характера в стоимости. Общество

должно примерно знать и уметь сопоставлять полезные эффекты от потребления различных продуктов и затраты труда, необходимые для их производства.

Последние из приведенных положений книги Ф.Энгельса "Анти-Дюринг" в настоящее время подвергнуты существенному пересмотру по трем основным направлениям. Прежде всего, надо учитывать, что *современный капитализм значительно отличается от капитализма конца XIX в.* Развитая система социальной защищенности, размывание границ пролетариата как класса, новые формы организации производства (система участия в прибылях, коллективные формы собственности), ослабление профсоюзного движения ставят под сомнение тезис о необходимости для пролетариата совершения социалистического политического переворота. Далее, *государственная собственность не является формой общественной собственности.* Государственная собственность на основные средства производства без развитых форм демократического контроля усиливает властную функцию государства, ставит его над обществом, приводит к размежеванию интересов государства и общества. Наконец, *товарное производство и обмен представляют собой адекватный хозяйственный механизм любой развитой экономической системы.* Нетоварный обмен характерен лишь для экономики примитивного типа. Эффективное функционирование экономики на основе централизованного учета всех пропорций воспроизводства невозможно.

Работа Ф.Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства"¹⁰, написанная в 1884 г., демонстрирует огромную эрудицию этого ученого и философа в вопросах, касающихся человеческого общества. Энгельс рассматривает развитие общества, выделяя в нем три крупных этапа: дикость (от первобытного человека на стадии возникновения речи до изобретения примитивных орудий труда), варварство (от низших форм домашнего хозяйства — животноводства и растениеводства до появления железных орудий труда) и цивилизацию (основной ее признак — развитие промышленности). Он рассказывает об истории и формах организации семьи, исследует роль женщин в общественном производстве, формы разрешения внутренних и внешних политических конфликтов, эволюцию государства и классов.

С точки зрения экономической теории особый интерес представляет та часть работы, в которой рассматриваются этапы развития разделения труда и товарного производства. Энгельс пишет о том, что товарному производству и обмену предшествовал случайный обмен при неразвитом общественном разделении труда. Первое крупное общественное разделение труда — отделение пастушеских племен от земледельческих — привело к развитию регулярного товарного обмена между ними. За этим последовали возникновение института частной собственности, разделение общества на классы, появление городов. Второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия привело к развитию товарного производства, когда обмен основан не на существовании излишков продуктов, а на производстве специально для продажи. В результате появляются металлические деньги, обмен ведется через благородные металлы по их весу. Развитие денежной системы, возникновение ростовщичества связаны с третьим крупным общественным разделением труда — отделением торговли от ремесла и земледелия. После выделения науки в обособленную сферу деятельности в структуре экономики закрепляется отделение города от деревни, умственного труда от физического. Преодоление такой системы разделения труда, по мнению Энгельса, является одной из основных задач будущего общества.

В заключение следует отметить, что марксизм представляет собой стройную экономическую теорию, которая отражала реалии своего времени и опиралась на многочисленные фактические экономические данные. Естественно, в конце XX в., тем более — в XXI в. невозможно применять ее целиком, однако фундаментальные открытия, которые сделал Маркс (капитал как самовозрастающая стоимость, двойственный характер труда,

теория прибавочной стоимости, издержки производства и прибыль), могут полностью использоваться в современной экономике.

Приведем высказывания о Марксе и марксизме современных американских экономистов. Так, Е.Хант утверждает: "Я верю в то, что если когда и будет создано общество, основанное на принципах истинного равенства и свободы, его создатели будут многим обязаны идеям К.Маркса"¹¹. А крупнейший ученый П.Самуэльсон отмечает: "Марксизм слишком ценен, чтобы оставить его одним марксистам"¹².

Примечания и ссылки к теме 3

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1.

² Там же. — Т. 42.

³ Там же. — Т. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — Т. 23, 24, 25, ч. I, II; 26, ч. I—III.

⁶ Там же. — Т. 1.

⁷ Там же. — Т. 20.

⁸ Там же. — Т. 21.

⁹ Там же. — Т. 20. — С. 8.

¹⁰ Там же. — Т. 20.

¹¹ Цит. по: Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. — М., 1991. — С. 22.

¹² Там же.

Новые понятия

Двойственный характер труда

Стоимость

Абстрактный и конкретный труд

Товар и его свойства

Товар "рабочая сила"

Частный и общественный труд

Индивидуальная и общественная стоимость

Денежная форма стоимости

Капитал

Постоянный и переменный капитал

Прибавочная стоимость

Прибавочный труд

Норма прибавочной стоимости

Издержки производства

Прибыль

Норма прибыли

Средняя прибыль

Цена производства

Кругооборот капитала

Капитал как собственность

Капитал как функция

Земельная рента

Цена земли

Арендная плата

Вопросы для самоконтроля

1. Что является великим открытием Маркса ?

2. Из чего состоят общественно необходимые затраты труда, по Марксу?
3. Какие факторы производства выделяет Маркс?
4. Как Маркс определяет стоимость?
5. В чем отличие его определения стоимости от более ранних определений (А. Смита, Д. Рикардо)?
6. Как Маркс определяет товар "рабочая сила"?
7. Почему Маркс анализирует функции денег в определенной логической последовательности?
8. Почему Маркс называет прибыль превращенной формой прибавочной стоимости?
9. Какие виды земельной ренты Маркс анализирует в "Капитале"?
10. Чем отличается трактовка теории заработной платы у Маркса от ее трактовки в рамках классической школы?

ТЕМА 4. МАРЖИНАЛИЗМ

1. Понятие маржинализма. Особенности маржиналистского подхода к анализу экономических процессов.
2. "Новое слово" австрийской школы предельной полезности.
3. Математическая школа как интерпретация теории предельной полезности.
4. Элементы маржинализма в работах неоклассиков.

1. Понятие маржинализма. Особенности маржиналистского подхода к анализу экономических процессов

В конце XIX — первой трети XX в. большое влияние приобретает новое направление в экономической теории, существенно отличающееся от классического направления и даже выступающее определенной альтернативой ему. Оно известно как маржинализм (от англ. *marginal*— предельный). Это такое направление экономической теории, которое основывается на *определении функции спроса и цен субъективными предельными оценками полезности продуктов*. К маржинализму обычно относят австрийскую школу предельной полезности, математическую школу, а также микроэкономические теории А.Маршалла и Д.Б.Кларка.

Представители этого направления в своих работах используют категории "предельная полезность", "предельная производительность факторов производства", "предельный продукт", "предельный рабочий" и др. Термин "полезность" введен в употребление в XIX в. английским философом и социологом *Иеремией Бентамом*, который считал, что чувство удовлетворения, достижения цели не может быть полностью выражено словами "счастье", "благополучие" и т.п., и потому предложил, с его точки зрения, более емкое по содержанию понятие.

Споры о генезисе "маржиналистской революции", начавшиеся в 80—90-х годах XIX в., не утихают до наших дней. Действительно ли это была революция в экономической теории или, может быть, маржинализм является просто дальнейшим развитием идей классической школы?

Часть экономистов полагают, что маржинализм стал альтернативой не только классической школе, но и марксизму, однако с этим нельзя согласиться, поскольку основные работы маржиналистов были опубликованы еще до выхода в свет первого тома "Капитала" К.Маркса. Что же касается классической школы, то ко второй половине XIX в. в ней наряду с фундаментальными достижениями и в самом деле имели место проблемы либо нерешенные, либо объясненные таким образом, что это вызывало критику. Так, например, дуализм (двойственный подход) в объяснении формирования стоимости воспроизводимых и невоспроизводимых благ заставлял искать новые пути в экономической теории. И если представители классического направления рассматривали прежде всего процессы накопления капитала и экономический рост, то в 70-е годы XIX в. нужно было определить

условия, при которых производительные услуги (земли, труда, капитала) распределялись бы оптимальным образом для наилучшего удовлетворения запросов потребителей.

Особенности подхода представителей маржинализма заключаются, во-первых, в том, что на первом месте у них стоит анализ *индивидуального хозяйства* — "робинзонады", замкнутого хозяйства Робинзона. Субъективные действия Робинзона они переносят и на все остальное хозяйство, т.е. закономерности развития товарного хозяйства суть, по их мнению, результат простого суммирования особенностей развития индивидуального хозяйства. Следует отметить, что такой подход делает эту теорию статичной.

Во-вторых, определяющей в установлении пропорций товарного обмена у маржиналистов является сфера потребления, тогда как до них приоритет безусловно отдавался производству.

В-третьих, большое внимание уделяется психологическим моментам в оценке субъектом полезности товара.

В-четвертых, если во всех предшествующих теориях рассматривалось главным образом предложение, то представители маржинализма впервые сосредоточили свои усилия на исследовании спроса.

Наконец, в-пятых, маржиналисты перешли от анализа стоимости (что было свойственно классикам) к анализу полезности.

Обычно основоположниками маржинализма считают трех экономистов: К. Менгера, У.С. Джевонса и Л. Вальраса, поскольку их работы наиболее значимы и появились с небольшим интервалом. Однако идеи маржинализма так или иначе и раньше "носились в воздухе". Еще в 1854 г. идею предельной полезности выдвинул Г.Г. Госсен, а до него французский инженер Ж. Дюпюи в статье "Об измерении полезности общественных работ" (1844) попытался сопоставить полезность индивидуальных и общественных благ. Можно привести еще ряд имен ученых из разных стран, чьи идеи и составили в совокупности то, что получило название маржинализма. Это О. Курно (Франция), И. Тюнен (Германия), Ф. Эджуорт (Англия) и др. Однако самые известные работы были созданы в Австрии, поэтому и принято говорить об австрийской школе как основе маржинализма.

2. "Новое слово" австрийской школы предельной полезности

Предшественником австрийской школы является немецкий экономист *Герман Генрих Госсен* (1810—1858). В 1854 г. была опубликована его выдающаяся работа "Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил общественной торговли", в которой впервые был сформулирован закон убывающей предельной полезности применительно к индивидуальному потреблению. Удивительно, но этот интереснейший труд остался незамеченным, и обиженный автор, который считал свои идеи равнозначными открытиям Коперника, скупил и сжег нераспроданные экземпляры. И только почти через 20 лет К. Менгер, уже после публикации собственной работы, нашел несколько случайно сохранившихся экземпляров книги Госсена и признал его приоритет в создании теории убывающей полезности и открытии законов потребления.

Глава австрийской школы *Карл Менгер* (1840—1921) родился в Галиции. Среди членов его семьи были чиновники и военные. В юности К. Менгер изучал юриспруденцию в Пражском и Венском университетах, а с 1867 г. начал заниматься экономической теорией, не без влияния своего брата, известного правоведа, ставшего знаменитым после выхода в свет его книги "Право на полный результат труда".

В 1871 г. выходит в свет работа К. Менгера "Основания политической экономии", сделавшая его известным и позволившая ему стать профессором Венского университета. В том же году напечатан труд "Принципы науки о народном хозяйстве". В 1876—1878 гг. Менгер путешествует по Европе в качестве наставника принца Рудольфа, в 1879 г. возвращается к преподавательской деятельности. В 1883 г. опубликована его книга "Исследования о методе социальных наук, в особенности политической экономии", благодаря которой растет

авторитет этого экономиста в научных кругах. В более поздних работах Менгер рассматривает проблемы философии и этнографии. Это был интереснейший исследователь, умевший живо излагать свои мысли, и неудивительно, что конспекты его лекций были популярны у студентов даже спустя 20 лет после того, как он оставил преподавание.

Учениками К.Менгера были **Фридрих фон Визер** (1851—1926), известный своими работами "Происхождение и главные законы народнохозяйственной стоимости" (1884) и "Естественная стоимость" (1889), и **Евгений Бём-Баверк** (1851—1914), написавший книги "Капитал и прибыль" и "Основы теории ценности хозяйственных благ". Главные постулаты их теории сводятся к следующему. Меновую стоимость "австрийцы" определяют полезностью, т.е. потребительной стоимостью. Но поскольку очень полезные блага (хлеб, воздух, масло) или ничего не стоят или стоят очень мало, они развивают учение об *абстрактной и конкретной полезности*. Например, вода имеет чрезвычайно большую абстрактную полезность, но запас ее велик, и вода расходуется на разные цели: один кувшин — для питья, второй — для приготовления обеда, третий — для стирки, четвертый — для полива цветов и т.д. В результате ценность (стоимость) продукта снижается ("закон запаса"). Поэтому *ценность предмета определяется полезностью последней единицы, т.е. той единицы, которая удовлетворяет наименьшую потребность*. Иными словами, ценность предмета определяется его предельной полезностью. Именно конкретная полезность детерминирует, с точки зрения "австрийцев", ценность блага.

Представители австрийской школы придерживаются так называемого первого закона Госсена — "закона насыщения потребностей", который заключается в том, что при удовлетворении потребности доставляемое ею удовольствие постепенно уменьшается. Насыщение потребностей зависит от количества благ.

Потребительное благо — это благо первого порядка, а средства производства — благо высшего порядка. Ценность благ высшего порядка, согласно "австрийцам", определяется ценностью потребительного блага. (В действительности наоборот: в стоимость потребительного блага входит стоимость средств производства.) В этом суть так называемого метода вменения (К.Менгер): фактору производства вменяется (придается) такая ценность, на которую изменяется предельная полезность потребительских благ, изготовленных с помощью этих средств производства, при условии изъятия из процесса производства единицы данного фактора (средств производства). (На самом деле стоимость средств производства включается как необходимый элемент в стоимость предметов потребления.) Чем же определяется величина субъективной ценности? Или, иначе, от чего зависит та или иная высота индивидуальной оценки блага? *В ответе на этот вопрос заключается "новое слово" австрийской школы.*

Полезность вещи — это ее способность удовлетворять ту или иную потребность, значит, необходим некоторый анализ потребностей. Здесь, по "австрийцам", надо иметь в виду, во-первых, *разнообразие* потребностей и, во-вторых, *напряженность* потребностей в пределах какого-либо одного их вида. Различные потребности можно расположить по степени их возрастающей или убывающей важности для "благополучия субъекта". Напряженность потребности определенного вида зависит от степени ее насыщения: чем более она удовлетворена, тем менее она "настоятельна". На этом Менгер построил шкалу потребностей, которую потом усовершенствовал Бём-Баверк (рис. 1).

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	·	·	·	·	·	·	·	·	·
9	9	·	·	·	·	·	·	·	·
8	8	8	·	·	·	·	·	·	·
7	7	7	7	·	·	·	·	·	·
6	6	6	6	6	·	·	·	·	·
5	5	5	5	5	5	·	·	·	·
4	4	4	4	4	4	4	·	·	·
3	3	3	3	3	3	3	3	·	·
2	2	2	2	2	2	2	2	2	·
1	1	1	1	1	1	·	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0			

Рис. 1. Шкала потребностей

Бём-Баверк предлагает такую классификацию: 1) потребности, неудовлетворение которых ведет к смерти; 2) потребности, неудовлетворение которых ведет к болезни; 3) потребности, неудовлетворение которых ведет к кратким страданиям; 4) потребности, неудовлетворение которых приносит лишь малые неприятности.

В шкале потребностей в вертикальных рядах, отмеченных римскими цифрами, обозначены различные виды потребностей, начиная с наиболее важной. Цифры в пределах каждого вертикального ряда показывают уменьшение данной потребности по мере ее насыщения. Так, если по степени важности для человека мы поставим на первое место воду, то ясно, что первый литр воды для индивидуума самый полезный: человек использует его для питья и оценивает его наивысшим баллом — 10. Следующий литр воды оценивается ниже — 9 баллами и т.д. Тогда вторую по важности потребность, обозначенную римской цифрой **II**, например хлеб, оценить наивысшим баллом мы не можем, так как он отдан воде. Значит, наивысший балл для первой, самой важной по полезности для человека порции хлеба, будет 9, для следующей порции — 8 и т.д.

Из шкалы видно, что *конкретная* потребность *более важной* категории может быть по своей величине ниже конкретной потребности *менее важной* категории в зависимости от степени удовлетворения. "Насыщение" в первом вертикальном ряду может понизить величину потребности до 3, 2, 1 балла, и в то же время при слабой насыщенности в шестом ряду величина этой *абстрактно* менее важной потребности *конкретно* может держаться на уровне 4 или 5 баллов. Чтобы решить теперь, какой конкретной потребности соответствует данная вещь (ибо этим и определяется субъективная оценка ее полезности), "мы просто-напросто должны посмотреть, какая именно потребность осталась бы без удовлетворения, если бы не существовало оцениваемой вещи, — это и будет та потребность, которую нам нужно определить"¹. Это так называемый "метод лишения". В результате поскольку всякий человек предпочитает оставить неудовлетворенной наименьшую из подлежащих удовлетворению потребностей, постольку оценка высшего блага будет определяться наименьшей потребностью, которую это благо может удовлетворить. "Величина ценности материального блага определяется важностью той конкретной потребности (или частичной потребности), которая занимает последнее место в ряду потребностей, удовлетворяемых всем наличным запасом материальных благ данного рода", или, иначе, "ценность вещи измеряется величиной предельной полезности этой вещи"². Это и есть знаменитое положение австрийской школы, ее *всеобщий принцип*.

Итак, в основу ценности "австрийцы" кладут предельную полезность и редкость. Этот способ определения ценности требует некоторой единицы оценки, ведь величина ценности — это результат измерения, а всякое измерение предполагает существование определенной единицы меры. Бём-Баверк считает, что оценка зависит от того, оцениваем ли мы отдельные экземпляры материальных благ, принимаемых за цельную единицу, или более значительное их количество. При этом не только будет колебаться величина ценности, но и вообще встанет вопрос относительно самой ценности, ее существования.

Например, в селе хозяину надо 10 гектолитров воды, а у него их 20, тогда один гектолитр не представляет никакой ценности. Но если за единицу мы примем величину, большую чем 10 гектолитров, то эта величина будет обладать ценностью. Но возможно и другое. Допустим, мы располагаем рядом благ, предельная полезность которых снижается по мере возрастания их количества. Пусть эта снижающаяся полезность выражена цифрами 6, 5, 4, 3, 2, 1. И если у нас имеется шесть единиц данного блага, то величина ценности каждого из них будет определяться предельной полезностью именно этой единицы, т.е. будет равна 1. Если мы примем теперь за единицу совокупность двух прежних единиц, то предельная полезность каждой из этих двойных единиц будет не 1×2 , а $1 + 2$, т.е. не 2, а 3; ценность трех единиц будет не 1×3 , а $1 + 2 + 3$, т.е. не 3, а 6 и т.д. Другими словами, *оценка более значительных количеств благ не находится в соответствии с оценкой одного экземпляра этих же самых материальных благ.*

До маржиналистов предпринимались попытки построить теорию стоимости на основе концепции полезности, однако они не дали возможности разрешить знаменитый "парадокс Смита", согласно которому блага наивысшей полезности (вода, воздух, хлеб) оценивались очень низко, а блага очень низкой полезности (бриллианты) оценивались исключительно высоко. А.Смит пытался разрешить данный парадокс на базе трудовых затрат. Вслед за ним эту проблему исследовали Рикардо, Милль, Маркс и др. Маржиналисты впервые находят ее решение: в теории стоимости следует искать *не совокупную полезность какого-либо блага в целом, а только конкретную полезность, которую приносит вполне определенное количество данного блага.*

Вместе с тем необходимо помнить об указании известного английского ученого М.Блауга³ на неверное понимание предельной полезности как полезности *последней* единицы. С точки зрения Блауга, *предельная полезность есть полезность последней единицы минус изменение полезности предыдущей* и т.д. для каждой из единиц, когда добавляется последняя единица. Таким образом, предельная полезность равна $(du/dx)Dx$, и совокупная полезность — это интеграл

$$S_0^x \frac{du}{dx} Dx$$

Какова же должна быть единица оценки? Такой оценки австрийская школа не дает. Очевидно, что без денежных измерителей, т.е. без цены, предельная полезность количественно не может быть измерена. Кроме того, возникает вопрос: как измерить *стоимость запаса благ* определенного вида? "Австрийцы" предлагают два варианта ответа на этот вопрос. Первый — суммирование предельных полезностей каждой единицы запаса блага (Е. Бём-Баверк). Но тогда получается, что в запасе одинаковые блага будут иметь разную полезность и разную стоимость, а это нереальная ситуация в условиях рынка: одноименные товары равного качества не могут иметь разную стоимость. Второй вариант — измерение стоимости запаса благ произведением предельной полезности предельной (наименее нужной) единицы на количество единиц в запасе (Ф.Визер). Но в этом случае при насыщении потребности в данном блага полезность каждой последующей единицы запаса будет равна нулю, как и полезность всего запаса.

Следует отметить еще один момент: редкость блага, которая, по мнению "австрийцев", тоже лежит в основе его ценности (стоимости), на самом деле не может определять ее, так как редкость — характеристика относительная и зависит, с одной стороны, от цены, а с другой — от объема предложения блага, которое также зависит от цены.

Значит, "австрийцы" не сумели достичь своей цели — найти единственное (монистическое) основание цены. Теория, разработанная представителями австрийской школы, явно иллюстрирует получение хозяйствующим субъектом максимальной пользы. Эта идея изложена во втором законе Госсена, согласно которому лицо *максимизирует* свою *полезность* при распределении имеющихся у него денежных средств между различными благами таким образом, что достигается равное удовлетворение от последней единицы де-

нег, потраченных на каждый из товаров. Принцип максимизации полезности рассматривается в работах всех представителей австрийской школы.

В случае *фиксированного объема предложения* их идеи работают, но фиксированный объем предложения не может быть постоянным. Это понял и самый известный из представителей австрийской школы — Е.Бём-Баверк. Он впервые стал анализировать хозяйство не замкнутого типа, а хозяйство, нацеленное на постоянные связи с другими товаропроизводителями, т.е. ориентированное на рынок. В этом случае анализ идет от схемы "человек — запас", как у других представителей данной школы, к схеме "человек — человек". Бём-Баверк исследует ряды отношений, возникающих между товаропроизводителями и потребителями, и приходит к выводу, что ценность (стоимость) блага формируется путем столкновения предельных оценок полезности блага со стороны покупателей и со стороны продавцов, следовательно, на базе спроса и предложения, т.е. здесь реализован уже объективный, а не субъективный подход к цене.

Бём-Баверк исследует пределы цены, ее верхнюю и нижнюю границы. Он считает, что *верхняя граница цены* определяется оценкой последнего покупателя и самого сильного из устраненных с рынка продавцов, а *нижняя граница цены* — оценкой последнего продавца и самого сильного из устраненных с рынка покупателей. Однако при этом надо иметь в виду, что для продавца предельная полезность продукта всегда равна нулю. Динамику цен Бём-Баверк объясняет на основе теории спроса и предложения, и это также чисто объективный подход.

Таким образом, уже в рамках маржинализма начался переход к объективному анализу экономических процессов и явлений. И заслуга этого направления именно в том, что, анализируя ценность блага, его представители впервые делали это с позиции потребителей. Возникает вопрос: кто же прав — сторонники трудовой теории стоимости или маржиналисты? Очевидно, правы и те и другие, только они рассматривают ценность блага с разных точек зрения: первые — со стороны производителя, вторые — со стороны потребителя. Маржиналисты уделяли много внимания потребительной стоимости и законам потребления, а ведь без потребительной стоимости невозможно реализовать стоимость.

В России проблемы, поставленные в рамках маржинализма, особенно глубоко разрабатывали М.И.Туган-Барановский (1865—1919) и *Николай Иванович Бухарин* (1888—1938). В 1925 г. была опубликована книга Н.И.Бухарина "Политическая экономия рантье", в которой автор сформулировал ряд положений, важных для неоклассической экономической теории. Первое: главная фигура для анализа — не капиталист, а *потребитель*. Второе: менеджер, предприниматель и рантье — это *отдельные* экономические агенты. Третье: стандартный источник инвестиций — скорее *личные*, а не бизнесные сбережения. О работах М.И.Туган-Барановского будет рассказано в следующем разделе. Здесь же только отметим, что этот ученый оставил след не только в истории экономической науки России — он был известен и на Западе как весьма оригинальный мыслитель.

3. Математическая школа как интерпретация теории предельной полезности

Теория предельной полезности, разработанная "австрийцами", получила свою интерпретацию в работах представителей так называемой математической школы — О.Курно, У.С.Джевонса, Ф.Эджуорта, Л.Вальраса, В.К.Дмитриева, В.Парето, М.И.Туган-Барановского, Л.В.Канторовича, Е.Е.Слуцкого и др. Собственно говоря, математическая школа и сформировалась на базе этой интерпретации. Надо отметить, что речь идет вовсе не об общности программ, но лишь об общих методах анализа. Л.Вальрас отмечал, что нельзя вычислить с помощью математических формул, какие решения примет человеческая свобода, можно только пытаться выразить математически ее эффекты. Именно математической школе принадлежит приоритет в построении кривой спроса (еще в 1838 г.) и теории монополии (О.Курно), а также в понимании того, что экономическое поведение — это максимизирующее поведение при наличии определенных ограничений. Б.Селигмен в

этой связи отмечал: "Как только маржиналистский метод, выдвинутый австрийской школой, был сформулирован на языке математики, то стало ясно, что содержание хозяйственной деятельности можно охарактеризовать как проблему максимизации — для максимизации полезности, цены, прибыли, размеров производства, дохода и для минимизации издержек можно использовать методы дифференциального исчисления"⁴.

Одним из первых, кто попытался применить математический аппарат к анализу экономических явлений, был английский экономист и статистик *Уильям Стэнли Джевонс* (1835—1882). С 1863 г. Джевонс преподавал политическую экономию в колледже г. Манчестера, а с 1876 по 1880 г. был профессором политэкономии Лондонского университета. В 1871 г. вышла в свет его основная работа — "Теория политической экономии". При жизни Джевонса выдвигаемые им идеи не были очень популярны, что объяснялось как раз использованием математического аппарата, к которому читающая публика того времени еще не привыкла.

Джевонс широко использует психологические категории, вводит понятия *положительной полезности*, связанной с потреблением благ, и *отрицательной полезности*, которая возникает в результате трудовых усилий по созданию благ. Труд, пишет ученый, прямо противоположен наслаждению, это — полезность со знаком минус, а затраты труда на обеспечение потребления — это тяготы труда. Определенное количество ("качество") труда может доставлять и наслаждение, однако это не всегда так. Меновую стоимость Джевонс определяет *конечной полезностью*, т.е. тем желанием большего обладания, которое остается у нас или у других.

Джевонс рассматривает "робинзонады" нескольких уровней. Сначала Робинзон оценивает дары природы, которые достались ему даром. Феномен предельной полезности в этом случае представлен в первоизданном виде. Далее Робинзон работает по улучшению качества достающихся ему благ и экономически распределяет свое рабочее время. При этом *ценность блага определяется субъективной предельной полезностью последней единицы имеющегося в наличии блага*. Если благо в изобилии, то данное благо, по К. Менгеру, неэкономическое, или свободное. В то же время если совокупная полезность всего количества блага (например, бриллиантов) не столь велика, то ограниченность их количества обуславливает довольно высокую оценку последней единицы, а само благо приобретает экономический характер и ценность (стоимость).

Закон стоимости, по Джевонсу, состоит в уравнивании отрицательного эффекта от тягот последней единицы (час времени, например) приложенного труда с положительным эффектом последней единицы приносимого этим трудом блага. Дальше продолжать работу невыгодно, так как дополнительное количество продукта, которое может произвести Робинзон, не компенсирует ему потерь (усталости) от дополнительных усилий. В этом тезисе утверждается конечная эквивалентность между трудом и полезностью. "Труд сопровождается страданием, — пишет Джевонс, — и он будет интенсивным и продолжаться до тех пор, пока следующее приращение не станет приносить больше отрицательных ощущений, чем приносит удовольствие приращение продукции, полученной таким образом"⁵.

Это положение Джевонс иллюстрирует с помощью графика (рис. 2). Верхняя часть вертикальной оси — полезность для Робинзона очищенной воды, нижняя — тяжесть труда. На горизонтальной оси обозначено время для производства какого-либо полезного продукта (в нашем случае — чистой воды). Кривая в верхней части графика показывает динамику предельной полезности чистой воды. Эта полезность особенно высока сначала, так как наиболее важна очистка первого литра воды (эта вода идет для питья), важна и очистка нескольких последующих литров. Кривая в нижней части графика показывает, как изменяется предельная тяжесть труда. Чем ниже расположена точка на этой кривой, тем, стало быть, неприятнее труд. На первых порах труд может доставлять удовольствие, но потом, по мере накопления усталости, кривая идет резко вниз. В какой-то момент расстояние от верхней кривой до горизонтальной оси (величина предельной полезности

дополнительного продукта — отрезок bA) будет равно расстоянию от горизонтальной оси до нижней кривой (предельная тягость дополнительного труда — отрезок Ac). На графике это обозначено точкой A . Если предположить, что 1 литр воды Робинзон очищает за полчаса, то точка A соответствует 4 часам работы, когда очищено 8 литров воды. Дальнейшее продолжение работы неэффективно, достигнута *конечная эквивалентность между трудом и полезностью*.

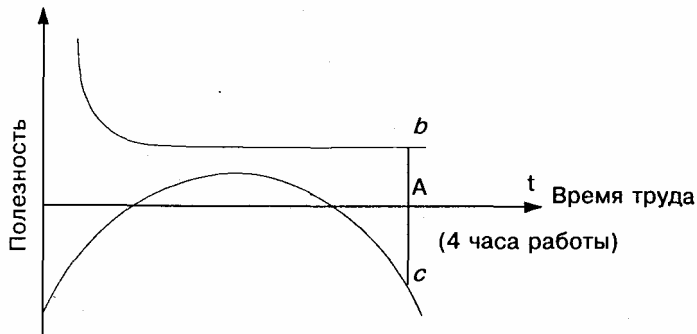

Рис. 2. График полезности У.Джевонса

Сразу следует отметить, что такое представление об экономическом распределении рабочего времени годится лишь в первом приближении. В тех же случаях, когда речь идет о квалифицированном труде, данный тезис малоубедителен. Недаром К.Менгер считал, что ценность безделья для большинства рабочих значительно меньше, чем это принято считать.

Предельную полезность блага Джевонс описывает так: если u — полезность блага, x — количество благ в запасе и $u = f(x)$, то $f'(x) = df/dx$ — предельная полезность одного блага. Если в запас входят различные блага, то применяется аппарат частных производных: $f(x) = df(x,y)/dx$.

Экономический смысл частных производных заключается в том, что предельная полезность оценивается как приращение общей функции полезности при малом изменении рассматриваемого блага. При этом функция полезности остается неопределенной, а предельные полезности всех единиц продукта, входящего в запас, оказываются равными. Поскольку функция должна быть непрерывной, постольку входящие в запас продукты должны быть бесконечно делимыми, а индивидуальное сознание человека должно уметь воспринимать эти бесконечно малые приращения. Однако единицы измерения полезности Джевонс не предлагает.

Джевонс известен и законом обмена, который позднее используют в своих работах Л.Вальрас и В.Парето. Этот закон он основывает на следующем:

A продает x своего товара B ;

B продает y своего товара A ;

a — первоначальный запас товара у A ;

b — первоначальный запас товара у B ;

$\left. \begin{array}{l} a - x \\ y \end{array} \right\}$ — то, чем после обмена обладает A ;

$\left. \begin{array}{l} b - y \\ x \end{array} \right\}$ — то, чем после обмена обладает B .

Обмен между A и B будет продолжаться до тех пор, пока будет иметь место выигрыш по полезности, т.е. обмен у Джевонса взаимовыгоден, а не эквивалентен, как у классиков. Отсюда ученый выводит закон обмена: отношение, в котором обмениваются два каких-либо продукта, обратно пропорционально отношению предельных полезностей количеств продуктов, потребляемых после обмена.

Как видим, обмен, который рассматривает Джевонс, совершается после того, как каждый товаропроизводитель удовлетворил свои потребности, т.е. это обмен излишками,

когда производитель выступает одновременно и как потребитель. А это характерно для неразвитого товарного хозяйства (как и у "австрийцев"). Кроме того, отношения обмена между двумя конкретными лицами Джевонс предлагает рассматривать как отношения в целом "торгующих групп", забывая, что неизвестно, как в этом случае *агрегируются* функции полезности. Поэтому утверждение Джевонса о том, что абсолютная свобода обмена выгодна всем, представляется весьма некорректным.

Джевонс отрицательно относился к основной категории, анализируемой представителями классической школы, — категории ценности и предлагал поэтому исследовать не природу ценности, а отношение обмена.

Среди известных работ Джевонса следует вспомнить также "Принципы науки" и "Значительное падение ценности золота". В последней ученый впервые построил индекс цен, взвешенный по показателям базового года, за 50 лет. Большой интерес представляют его наблюдения, касающиеся влияния солнечной активности на деловую активность (солнечная активность влечет за собой повышение урожайности, а отсюда усиление экономической активности общества в целом). Джевонс, кроме того, выдвинул идею, согласно которой увеличение капитала равносильно продолжительности срока инвестирования. Производительность капитала у него — только функция от времени.

Леон Вальрас (1834—1910), математик по образованию, стал заниматься экономической теорией после того, как отец обратил его внимание на оригинальную работу французского математика О. Курно. Этот талантливый ученый был также и журналистом, и писателем, и директором банка. По происхождению он француз, но его часто называют швейцарским экономистом, поскольку много лет жизни (с 1870 г.) он отдал университету в Лозанне, возглавил лозаннскую школу экономистов-математиков.

Известность пришла к Вальрасу после выхода в свет его книги "Элементы чистой политической экономии" (1874), в которой впервые была предложена модель *общего экономического равновесия на базе теории спроса и предложения*. Вальрас показывает взаимосвязь в экономической системе различных рынков. Рынок, с его точки зрения, — это некий аукционщик, объявляющий цены и оценивающий спрос и предложение до тех пор, пока не наступит равновесие. Вальрас считает, что свободная рыночная экономика и без регулирования может достичь положения "общего равновесия", т.е. *одновременного равновесия на всех рынках во всем хозяйстве*. Теория общего рыночного равновесия отличается у Вальраса абсолютной изменчивостью всех экономических категорий и величин, т.е. она глубоко диалектична. Суть теории Вальраса отображена на схеме 5.

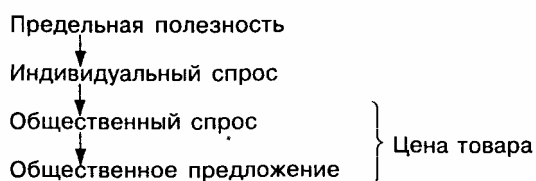

Схема 5. Равновесие Вальраса

В соответствии с этой теорией стоимость всегда относительна. По Вальрасу, она определяется сопоставлением *интенсивности* конкретной *потребности* в товаре с *издержками его производства*, при этом предполагается, что технологические возможности производства заданы и известны. Такое сопоставление осуществляется не по отдельности для каждого товара, но в целом для всех товаров в данной хозяйственной системе, т.е. потребность в данном товаре и соответственно спрос на него зависят также от наличия других товаров. Издержки производства данного товара, определяющие условия его предложения, зависят не только от технологии его собственного производства, но и от всех альтернативных возможностей использования потребляемых ресурсов. Следовательно, при данном уровне развития производительных сил стоимость определяется в точке равновесия между *предельной общественной полезностью* данного количества товара (с учетом

воздействия на нее того или иного количества всех остальных товаров) и *предельными общественными издержками производства* этого количества (с учетом альтернативных возможностей использования потребляемых ресурсов), т.е. выступает как равенство спроса и предложения не по одному данному товару, а по всем товарам и услугам в экономике в целом.

Главным регулирующим механизмом в модели Вальраса является изменение структуры равновесных цен. Общий равновесный анализ — это как бы "моментальный снимок" экономической системы с заданными *потребностями, ресурсами, технологией*, т.е. данные параметры фиксированны и это помогает их математизации (система уравнений). Спрос на данный товар зависит не только от его цены, но и от цены на все остальные товары. Величина этого спроса — функция всех существующих в экономике цен. Вальрас разработал систему уравнений, представляющих собой условия равенства спроса и предложения на всех рынках в экономике с учетом бюджетного ограничения каждого потребителя и производителя. Доход каждого потребителя определяется количеством и ценой тех товаров и услуг (включая услуги труда или собственности), которые он продал на рынке. Поэтому потребитель не может купить товаров и услуг на сумму, большую, чем та, на которую он продал сам.

Общий рыночный спрос на каждые из товаров, услуг и факторов производства на рынке и их предложение — это совокупная сумма спроса в экономике. По стоимости она всегда будет равна совокупной сумме предложения. Это—закон *Вальраса*. И если у Сэя подобный закон предполагает, что предложение и спрос регулируются *автоматически*, в разработанную им систему не были введены деньги и ценные бумаги, то у Вальраса они включены в систему, а регулирующим механизмом выступает изменение равновесных цен.

Необходимо отметить огромный вклад Вальраса в разработку теории рынка. Недаром Й.Шумпетер назвал его книгу "священным писанием политэкономии". И действительно, Вальрас исследует систему не изолированного, а *развитого* товарного хозяйства, в котором предложение и спрос определяются им как количество товаров, соответственно предлагаемых и спрашиваемых при определенной цене. Влияние абсолютных потребностей на цену исключается. Вальрас рассуждает следующим образом.

Пусть D_a, D_b — спрос на товары a и b ;

S_a, S_b — предложение товаров a и b ;

P_a, P_b — цены товаров a и b ;

$D_a = F_a(P_a)$
 $D_b = F_b(P_b)$ } — означает, что спрос на товар есть функция цены этого товара;

$S_a = F_b(P_b) \times P_b$

$S_b = F_a(P_a) \times P_a$ — означает, что предложение есть произведение спроса на другой товар на его цену.

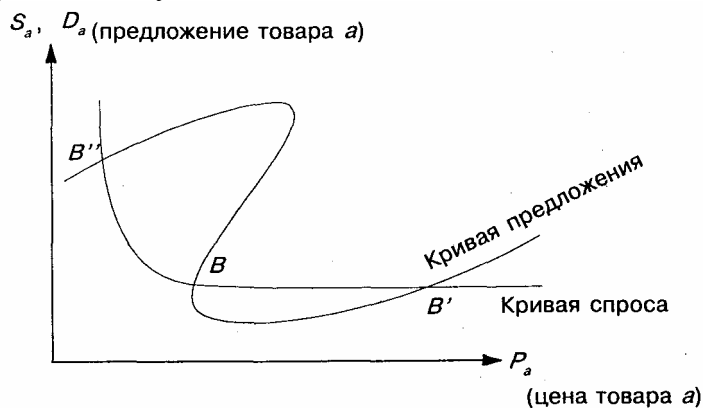

Рис. 3. Типы равновесия Вальраса

Спрос и предложение здесь соотносятся так же, как и в теории Сэя: поскольку деньги в систему явно не введены, одного товара предлагается столько, сколько будет спрашиваться другого, и наоборот. Кажущий товар выступает для другого эквивалентом его стоимости: $Pa = Va/Vb$, $Pb = Vb/Va$, где Va , Vb — меновые ценности товаров a и b .

Предложение и спрос в модели Вальраса неравноправны: предложение является зависимым от спроса, в то время как спрос зависит только от цены. В действительности предложение определяется не только влиянием спроса, но в значительной степени зависит от условий производства товаров.

Графически спрос и предложение можно представить так, как на рис. 3. Точки B'' и B' описывают устойчивое равновесие (система при выходе из данных состояний возвращается в эти же состояния), точка B — неустойчивое равновесие (при выходе из этого состояния система приходит в точки B' и B''). Равновесная цена показана на графике как точка пересечения кривых спроса и предложения. Вальрас считает, что максимум эффективности по полезности для каждого участника обмена достигается тогда, когда отношение меновых ценностей товаров равно отношению их предельных полезностей.

Модель Вальраса отражает идеальное состояние равенства спроса и предложения при неразрывности актов купли-продажи, которое в действительности, как правило, нарушается. Вальрас писал, что "максимум полезности для всех, с одной стороны, и единство цены — с другой, для продуктов ли на товарном рынке, или для услуг на рынке услуг, или для доходов на рынке капиталов — таковы два условия, согласно которым мир экономических интересов самостоятельно стремится к установлению, подобно тому как притяжение в прямом отношении к массе и в обратном к квадрату расстояния есть двоякое условие, по которому устанавливается порядок в мире астрономических движений"⁶.

Заслугой Вальраса является постановка проблемы *общего равновесия экономики как единой системы*, в которой отдельные элементы связаны через разделение труда и обмен. Модель общего экономического равновесия Вальраса послужила основанием для развития целого направления в экономической теории, в рамках которого исследуются устойчивое глобальное динамическое равновесие, типы и факторы экономического роста. Влияние идей этого ученого хорошо заметно в работах А.Маршалла, других исследователей, разработавших неоклассические концепции экономического роста.

Недостатком Вальрасовой модели является то, что в ней показано готовое равновесие, но не описываются сами сделки, когда происходит нащупывание цен. Дж.Хикс отмечал, что Вальрас "мог сформулировать условия, касающиеся цен, установленных с учетом данных ресурсов и данных предпочтений, но он не объяснил, что случится, если вкусы и ресурсы изменятся"⁷. Сегодня ученые применительно к современным условиям исследуют такие вопросы: во-первых, может ли одной структуре потребления соответствовать не одна, а несколько систем меновых стоимостей; во-вторых, насколько устойчива равновесная система относительных цен, т.е. если какой-то внешний фактор нарушил равновесие, то вернется ли рынок к исходному равновесию после того, как воздействие прекратилось.

Ответы на эти вопросы были даны во второй половине 70-х — 80-х годах нашего столетия. Это стало возможным благодаря привлечению *дифференциальной топологии** и ее подраздела, известного как теория катастроф. Были получены следующие выводы. Для подавляющего большинства случаев изменение равновесной системы относительных цен осуществляется плавно, эта система устойчива, и близко от нее нет другой равновесной системы. В то же время нельзя исключить малое количество критических моментов, когда небольшое изменение количества товара может привести к резкому скачку стоимости и тогда равновесие неустойчиво. Иными словами, одним и тем же исходным условиям экономической системы может соответствовать несколько систем равновесных цен.

Исключительно большое значение придавали модели Вальраса его ученик В.Парето, а также П.Самуэльсон, Й.Шумпетер, В.Леонтьев и др. "Вальрас первый нашел одну из этих систем уравнений, а именно ту, которая относится к свободной конкуренции; это

капитальное открытие, — пишет В.Парето. — Конечно, наука уже развилась и будет непрерывно развиваться в будущем, но это нисколько не умалит важности открытия Вальраса, точно так же как прогресс небесной механики нисколько не умалит значения "принципов Ньютона"⁹.

При использовании в экономических построениях категории абсолютной полезности всякий раз встает вопрос о единицах измерения этой полезности. *Принцип невозможности количественного измерения абсолютной (кардинальной) полезности, необходимости относительного сопоставления полезностей через ранжирование* положен в основу работ известного итальянского экономиста и социолога **Вильфредо Парето** (1848—1923).

В.Парето закончил Туринский университет с дипломом инженера и математика. Затем целых 18 лет он работал во Флоренции в качестве инженера-практика на железной дороге и металлургическом производстве. Знакомство с работами Л.Вальраса, О.Курно, Ф.Эджуорта и других пробудило в нем желание самому заняться исследованиями в области политэкономии. С 1893 г. по приглашению Вальраса Парето работал на кафедре политической экономии Лозаннского университета, а позднее возглавил эту кафедру. После получения большого наследства у него появилась возможность больше времени и сил отдавать не столько преподавательской, сколько научной работе. Основные научные труды Парето — "Курс политической экономии" (1898), "Учение политэкономии" (1906) и "Трактат по общей социологии" (1916).

Парето объявил ненаучным поиск причинно-следственных связей между экономическими явлениями и выступал исключительно за функциональный анализ.

По мнению Парето, цена складывается под влиянием не только полезности, но и издержек производства. При исследовании влияния полезности благ на их цены ученый использовал аппарат кривых безразличия, предложенный ранее Ф.Эджуортом. На рис. 4 x и y — количества двух взаимозаменяемых товаров. Кривая, которая объединит равнозначные два индивида комбинации (x, y) , называется *кривой безразличия*. Можно построить целый набор таких кривых, которые описывают разные уровни благосостояния. Каждой кривой присваивается определенный ранг, числовое значение безразлично, главное, что *кривая, описывающая более высокий уровень благосостояния, имеет больший ранг*.

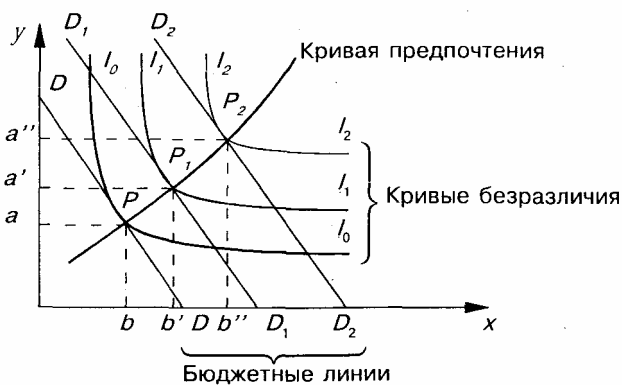

Рис. 4. Потребительские предпочтения Парето

Таким образом, Парето переходит от анализа кардинальной (абсолютной) полезности к анализу полезности ординальной (относительной). С этой его идеи начался переход к категории потребительского предпочтения, что дает возможность количественного анализа.

По Парето, каждый потребитель имеет свой порядок предпочтений в отношении всей совокупности товаров и услуг на рынке (существуют определенная последовательность и рациональность выбора). Он выбирает между товарами, между наборами. Некоторые из них представляются потребителю равноценными. Например, он может предпочесть три бутылки вина одному бифштексу, а два бифштекса — одной бутылке вина, но ему трудно сделать выбор между набором из двух бутылок вина и одним бифштексом, с одной стороны, и одной бутылки вина и полутора бифштексами — с другой; он равно согласен на то и другое, т.е.

ему сейчас *безразлично*, какой из двух наборов он получит, так как оба лежат на одной кривой безразличия.

На рис. 4 изображено несколько кривых безразличия — I_0, I_1, I_2 . На I_0 каждая ее точка (например, P) — это определенный набор из товаров x (например, вино) и y (например, бифштексы). Множество всех точек данной кривой — это множество таких наборов, которые равноценны для потребителя. На каждой из других кривых есть точка, которая соответствует большему количеству одновременно и товара x , и товара y , чем на предыдущей кривой. Например, 2,5 бутылки вина + 1,5 бифштекса или 1,5 бутылки вина + 1,75 бифштекса. Поскольку большее количество всегда предпочитается меньшему, постольку каждый набор кривой I , предпочтительнее любого набора кривой I_0 .

Кроме этого, существует бюджетное ограничение потребителя, согласно которому он может купить на сумму, не большую, чем та, на которую продал сам. Рынок задает определенную систему потребительских цен. Бюджетное ограничение в виде прямой DD — эта тот предел, свыше которого потребитель не может купить, так как ограничен собственным доходом. И тогда он будет стремиться оказаться на максимально высокой кривой безразличия. Точка P — точка касания с бюджетной границей. DD — это и будет граница равновесия потребителя, так как более высокие кривые (например, I_1) при данной системе цен вообще недостижимы, а любая другая точка бюджетной границы DD менее оптимальна, чем точка P . Спрос в точке P на товар y составляет величину a , а на товар x — величину b .

Кривая предпочтения указывает на выбор той структуры потребления, которая, с одной стороны, находится на пересечении кривой безразличия и кривой предпочтения, а с другой — ограничивается уровнем дохода.

В зависимости от набора товаров (взаимозаменяемые, дополняемые и т.д.) кривые безразличия могут иметь разный вид. Чтобы найти оптимальное соотношение в обмене двух товаров, приравняем к нулю первую производную функции $F(x, y) = Z$, описывающей кривую безразличия:

$$dF/dx \cdot dx + dF/dy \cdot dy = 0;$$

$$dF/dx : dF/dy = - dy/dx -$$

это уравнение обмена Джевонса, применяемое в том случае, если функция $F(x, y)$ выражает общую полезность запаса благ. Если

$$dy/dx = P_x/P_y,$$

то

$$dF/dx : dF/dy = P_x/P_y —$$

это уравнение Вальраса.

При неопределенности функции общей полезности F Парето, по существу, не вносит в теорию обмена ничего нового по сравнению с предшественниками. При этом, утверждая, что предельные полезности обмениваемых товаров в оптимальном случае относятся друг к другу как цены, с порядковыми величинами (рангами) он поступает так же, как с обычными количественными. Кроме того, считая возможным сравнение различных наборов благ, лежащих на одной кривой безразличия, он предполагает возможность *абсолютного соизмерения полезностей*.

Парето ввел критерий благосостояния, называемый в литературе *оптимумом Парето*. Смысл его в том, что если повысилось благосостояние даже одного члена общества, то и общее благосостояние выросло, и наоборот: при падении уровня благосостояния только одного человека благосостояние общества в целом уменьшится. Парето имеет в виду общественную максимальную полезность, которая тесно связана с индивидуальной полезностью, с индивидуальным благосостоянием. Следовательно, оптимум Парето дает возможность оценить такие изменения, которые либо улучшают общее благосостояние, либо не ухудшают благосостояния всех с улучшением благосостояния по крайней мере одного человека. М.Блауг замечает по этому поводу: "Изменение, которое дает выгоду одним

людям, но приносит ущерб другим, теперь может быть сочтено приростом общего благосостояния, если выигравшие могут компенсировать ущерб проигравшим так, что последние добровольно примут это изменение; после того, как сделаны компенсационные платежи, выигравшим становится лучше, а проигравшим не становится хуже"¹⁰.

В настоящее время в экономической науке используются предложенный ученым метод потребительских предпочтений и оптимум Парето, который позволяет принимать оптимальные решения, касающиеся максимизации прибыли. В целом же теория полезности сейчас воспринимается скорее как теория спроса, но не как теория стоимости. Теория обмена Парето, нетрадиционная по форме, оказывается весьма традиционной по содержанию.

Из русских экономистов, работавших в рамках маржинализма, наиболее известен **М.И.Туган-Барановский** (1865—1919). Основные его труды в области политэкономии — это "Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь" (1894), "Теоретические основы марксизма" (1905), "Основы политической экономии" (1917). Туган-Барановский пытался в своей концепции соединить два подхода к определению стоимости: теорию предельной полезности и трудовую теорию стоимости, объективную теорию Рикардо и субъективную теорию Менгера. Он сформулировал следующую теорему: при рациональном ведении производства предельные полезности благ должны быть пропорциональны их трудовым стоимостям (под трудовыми стоимостями Туган-Барановский понимал затраты труда на производство продукта).

Доказательство данной теоремы строилось следующим образом. Пусть два товара — *A* и *B* — имеют равную полезность, описываемую для отдельных единиц продуктов убывающим рядом: 10, 9, 8, 7, ... — но разную стоимость: *A* стоит два часа, *B* стоит один час. Рабочий день равен восьми часам. Тогда первые шесть часов будет производиться товар *B*, поскольку общая сумма полученной полезности для него больше, чем для товара *A*: $(10+9+8+7+6+5) > 10+9+8$. В последние два часа производится товар *A*, так как общая сумма полезности для него будет больше: $10 > (4+3)$. Предельная полезность товара *B* равна 5, товара *A* — 10. Поскольку $10/5 = 2/1$, постольку предельные полезности соотносятся так же, как трудовые стоимости.

Данный вывод получен для случая рациональной организации производства с ориентацией на максимум совокупной полезности. Однако сама теорема и ее доказательство построены на нереальных предпосылках. Во-первых, при изменении продолжительности рабочего дня полученный результат изменится. Все выводы маржиналистов базируются на фиксации либо общего объема предложения, либо длины рабочего дня — в противном случае приоритет потребления над производством теряется. Во-вторых, способ количественного измерения и соизмерения полезностей не предлагается. Поэтому ряд убывающей полезности весьма условен. В-третьих, предполагается возможность существования нетоварного хозяйства с централизованным управлением, занимающимся непосредственно соизмерением полезности продукта и затрат труда на его производство и в соответствии с этим распределяющим труд между отраслями народного хозяйства, и именно такое хозяйство описывается.

Честь русской экономической науке делает вклад М.И.Туган-Барановского в разработку теории промышленных циклов. Недаром Э.Хансен писал о появлении в конце XIX в. двух выдающихся работ, которые открыли новую эпоху в методах экономического исследования и в теории промышленных циклов, имея в виду работу К.Викселя "Процент и товарные цены" (1898) и работу М.И.Туган-Барановского "Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь" (1894)¹¹. Туган-Барановский считал, что промышленный цикл связан в первую очередь с "периодическим созданием нового основного капитала". Движение ссудного капитала, ограниченность банковских ресурсов сковывают возможности инвестирования и приводят к кризисам. Э.Хансен отмечает, что теория Туган-Барановского "ворвалась в науку, как свежий морской ветер. Он правильно

указал на главную особенность цикла — *колебания размеров инвестиций* (курсив наш. — Авт.). Эти суждения знаменуют собой поворотный пункт в теории экономического цикла¹².

Привлекает в работе этого русского экономиста и его попытка выделить в уже существовавших теориях кризисов три группы: теории производства (Джевонс), теории обмена, кредита и денежного обращения (де Левеле, Жюглар) и теории распределения дохода (Сисмонди, Родбертус) — и проанализировать их.

В теории Джевонса, который связывал периодичность кризисов с периодичностью появления солнечных пятен, Туган-Барановский отмечает натяжки, не подтверждающиеся фактами. Он утверждает, что промышленные циклы вообще не отличаются строгой периодичностью, а их колебания связаны с особенностями самой экономики.

С теорией де Левеле Туган-Барановский просто не согласен. Де Левеле считает, что кризисам неизменно предшествует отлив золота за границу. Туган-Барановский замечает, что изменения в платежном балансе на самом деле суть *производные* явления, которые сами нуждаются в объяснении.

Что касается теории Жюглара, то русский ученый высоко оценивает отмеченную им *безусловную периодичность* промышленных колебаний в Англии, Франции и Соединенных Штатах Америки. Жюглар указывал на периодическое колебание товарных цен как на причину кризисов. Вместе с тем, как считает Туган-Барановский, Жюглар не дал объяснения этого главного фактора, составляющего основу кризисов, — фактора колебания цен. Следует подчеркнуть, что на самом деле Туган-Барановский недооценил заслуги Жюглара, который первым из исследователей понял, что речь должна идти не просто о кризисах, а именно о цикле.

Сисмонди причиной кризиса считал недопотребление, обусловленное бедностью масс. Туган-Барановский отмечает, что если бы экономическая действительность соответствовала этой теории, то бедность народа исключала бы всякую возможность расширения промышленности, а застой в промышленности стал бы хроническим. В действительности производство быстро растет, несмотря на перерывы, вызванные периодами депрессии.

Родбертус в качестве причины кризисов называл сокращение доли рабочих с развитием научно-технического прогресса, т.е. отсутствие пропорциональности в распределении продукта. Но теория Родбертуса расходится с фактами. В периоды процветания зарплата у рабочих повышается. Кроме того, от кризисов наиболее страдают те отрасли промышленности, которые производят капитальные блага, а не отрасли, производящие потребительские товары для рабочих.

Анализ всех этих теорий привел Туган-Барановского к выводу, что они не объясняют цикл и его колебания. Недаром в послесловии к своей книге Туган-Барановский называет промышленный цикл самым загадочным явлением в современной экономической жизни, все еще не объясненным экономической наукой.

В теории Туган-Барановского движущей силой развития экономики является инвестирование. Когда эта сила начинает действовать, она увлекает за собой все другие отрасли экономики, в том числе отрасли, производящие потребительские товары. И здесь явно речь идет о мультипликативном эффекте, который позднее описал Дж.Кейнс. Туган-Барановский называет три источника финансирования экспансии: праздно лежащие капиталы, рост текущего сбережения, производимого из выросшего дохода, и расширение банковского кредита. Колебания потребления ученый связывает с колебаниями размеров инвестиций, хотя и не рассматривает подробно функцию потребления.

Влияние теории циклов Туган-Барановского, несмотря на ее отдельные погрешности, отчетливо прослеживается в работах А.Шпитгофа, Г.Касселя и других экономистов первой трети XX в.

4. Элементы маржинализма в работах неоклассиков

Неоклассическое направление интересует нас в том отношении, что сделанные в его русле теоретические выводы послужили полем для развития многих современных течений экономической мысли — монетаризма, неолиберализма и ряда теорий экономического роста. Название этого направления указывает на преемственность многих идей, выдвигавшихся классиками XVIII — первой половины XIX в., а именно А.Смитом, Д.Рикардо, Ж.Б.Сэем, частично Ж.Сисмонди. Представители неоклассического направления разработали модель функционирования экономики в идеальных условиях — в условиях свободы конкуренции, абсолютной эластичности цен, полной рациональности поведения капиталистической фирмы, отсутствия резких динамических изменений, связанных с техническим прогрессом и вмешательством государства в экономику. Сформулированная ими теория называется микроэкономической, несмотря на то что речь идет об общем равновесии, так как это равновесие исследуется с точки зрения поведения отдельной экономической единицы (фирмы). Макропропорции в экономике устанавливаются как результат действий на микроуровне. Неоклассики считают, что внутренне капиталистическая экономика стремится к равновесию и такое равновесие достигается с помощью конкуренции.

Начало неоклассическому направлению положено работами известных экономистов — англичанина А.Маршалла и американца Дж. Б. Кларка.

Альфред Маршалл (1842—1924) родился в религиозной семье, отец его, кассир Английского банка, хотел видеть сына священником. Но увлечение математикой, этикой и экономической наукой привело Маршалла в Кембриджский университет, с которым он и связал свою жизнь. Долгое время Маршалл был профессором этого университета, заведовал кафедрой политической экономии, стал признанным главой так называемой кембриджской экономической школы. В 1890 г. он организовал Королевское экономическое общество. Правительство Англии привлекало Маршалла к работе в Комиссии по труду, он был консультантом правительства по вопросам валютной и налоговой политики, профсоюзов и др. В числе учеников Маршалла такие впоследствии известные ученые, как А.С.Пигу и Дж.Н.Кейнс, отец знаменитого Дж.М.Кейнса.

Перу Маршалла принадлежат работы "Экономика промышленности" (1879), которую он написал совместно с женой, "Принципы экономической науки" (1890), "Промышленность и торговля" (1919). Трехтомный труд "Принципы экономической науки" сделал его знаменитым. Первый том этой книги представляет собой общее введение в экономическую науку, второй посвящен проблемам спроса и предложения и отношениям распределения, в третьем рассматриваются финансы и торговля, исследуется будущее промышленности. В целом этот труд охватывает главные проблемы экономической науки, и не случайно он стал своего рода библией европейских студентов-экономистов.

Идеи, выдвинутые Маршаллом, в значительной степени предопределили современную структуру политэкономии, ряд ее основных моментов и используемый понятийный аппарат. Работа Маршалла коренным образом изменила дальнейшее развитие политической экономии, так что даже говорили о "маршаллианской революции". В условиях полемики вокруг проблем стоимости, отдав предпочтение такому варианту теории факторов производства, как теория жертв этих факторов, Маршалл в то же время указал выход из дискуссии путем компромисса между идеями, выдвигаемыми в рамках различных теорий стоимости. Он считал, что надо не дискутировать по проблемам стоимости, а *изучать закономерности формирования и взаимодействия спроса и предложения и на этой основе формировать теорию цены.*

Новые подходы, предложенные Маршаллом, заключаются в следующем. Во-первых, он указал на необходимость включать фактор времени в анализ цены, первым отметил различную взаимосвязь между издержками производства и ценой в зависимости от того, какой подход — долгосрочный или краткосрочный — кладется в основу анализа. Во-вторых,

Маршалл выдвинул идею об эластичности предложения и спроса по цене. В-третьих, он предложил идею о представительной фирме как основе для анализа закономерностей предложения.

Задачей экономической науки Маршалл считал сбор информации об экономическом поведении человека, ее обобщение и анализ. Он писал, что "экономическая наука — это не совокупность конкретной истины, а лишь орудие конкретной истины"¹³. Тем самым Маршалл придавал экономической науке практическую функцию. В современном Маршаллу образованном обществе на экономику смотрели как на науку мрачную и абстрактную, а он сумел изменить этот взгляд, показав нравственные и гуманные ее аспекты. Но все же "теория А.Маршалла — это в основном теория цен в конкурентных условиях"¹⁴. Цена и факторы, ее определяющие, — главный предмет внимания ученого.

Определяя цену как количественное соотношение между вступившими в обмен товарной и денежной массами, Маршалл считал, что стоимости, отличной от цены, не существует. Цена, с его точки зрения, определяется взаимодействием спроса и предложения, которые, в свою очередь, сами зависят от цен.

Маршалл полагал, что спрос и предложение *равнозначны* в определении цены. При анализе цены он рассматривал *представительную фирму*, т.е. фирму со средними отраслевыми характеристиками. По мнению Маршалла, существует совершенная конкуренция, т.е. конкуренция, "не испорченная" ни вмешательством государства, ни монополией. Он утверждал, что в этих условиях с ростом цены предложение товаров растет, а платежеспособный спрос падает. Это положение он проиллюстрировал графически, изобразив так называемый "маршаллианский крест" (рис. 5). На вертикальной оси Q показано количество товара в натуральных единицах, P — цена, P_0 — равновесная цена. Этот график — пример типичного устойчивого равновесия для товара, подчиняющегося *закону убывающей отдачи*. При *постоянной отдаче* цена предложения одинакова для всех количеств товара. "Когда спрос и предложение пребывают в равновесии, — пишет Маршалл, — количество товара, производимого в единицу времени, можно назвать *равновесным количеством*, а цену, по которой он продается, — *равновесной ценой*"¹⁵.

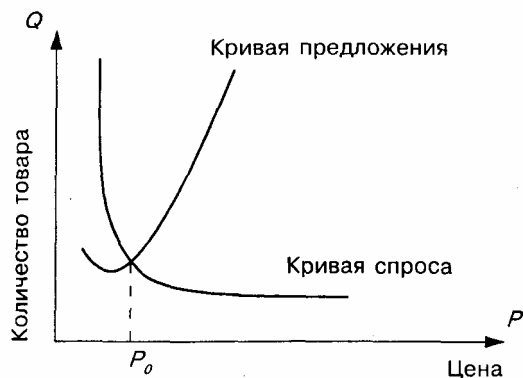

Рис. 5. "Маршаллианский крест"

В основе спроса, по Маршаллу, лежит полезность (график кривой спроса совпадает с графиком убывающей предельной полезности — общая полезность запаса возрастает, но не в той пропорции, в какой возрастает количество единиц в запасе). Значит, полезность в этом случае практически отождествляется с ценами. Предельная полезность, отмечает ученый, — это максимальная цена, которую готовы уплатить за товар. Следовательно, это совершенно объективная реальная предпосылка цены. Причем Маршалл считает, что убывающую полезность можно измерить с помощью денег. Он использует понятие "выгода потребителя", характеризующее выраженный в денежной форме "излишек удовлетворения", который возникает как разница между полной и предельной полезностями вещи. Маршалл пишет: "Разница между ценой, которую покупатель готов был уплатить, лишь бы не обойтись без данной вещи, и той ценой, которую он фактически за нее платит, представляет собою

экономическое мерило его добавочного удовлетворения. Можно назвать это потребительским избытком"¹⁶. Иногда Маршалл называет это рентой потребителя.

Предложение товаров, по Маршаллу, определяется издержками производства, при этом он различает *реальные* и *денежные* издержки. Реальные издержки производства — это жертвы труда (трудовые усилия) и жертвы капитала (воздержание от личного потребления капитала). Реальные издержки (иначе говоря, стоимость) определяют цены в так называемый *нормальный период* — период равновесия во всех частях экономики. Не давая детального анализа этого периода, Маршалл обращает внимание на фактор времени. Он выделяет *мгновенное* равновесие при неизменном предложении, *краткосрочное* равновесие при изменении размеров производства и при неизменном числе предприятий и фирм и *длительное* равновесие нормальной цены, когда число фирм и предприятий соответствует новому уровню спроса. В долгосрочном аспекте особая роль в определении цены принадлежит предложению, в краткосрочном — спросу.

Итак, сформулировано два тезиса. Первый: цена определяется соотношением спроса и предложения. Второй: за ценой скрывается стоимость, цена — исключительно рыночная категория. Поэтому причинно-следственный анализ, утверждает Маршалл, крайне вреден, нужны функциональный анализ и анализ того, что на что влияет. Исходная точка такого анализа — спрос. В основе спроса лежит предельная полезность, в основе предложения — издержки производства.

Такое состояние рынка, при котором, во-первых, существует абсолютная гибкость цен; во-вторых, ни один производитель и ни один потребитель не влияют существенно на общий объем спроса и предложения; в-третьих, все располагают одинаковой информацией о рынке для принятия решений, Маршалл называет совершенной конкуренцией. Таким образом, свободная конкуренция означает чистый рынок. Заключение, которое Маршалл делает на основе своих рассуждений, являет собой идею, новую для экономической науки его времени: капиталистической экономике свойственна внутренняя тенденция к равновесию, а механизмом установления этого равновесия выступает свободная конкуренция. Вмешательство государства возможно, но оно должно быть минимальным, иначе в экономике возникнут диспропорции. Роль государства — это роль арбитра на футбольном поле, где в качестве футболистов выступают предприниматели.

Заслугой Маршалла является введение в научный оборот понятия эластичности спроса, под которой он понимал величину приращения спроса (положительную или отрицательную) при изменении цены. Если изменяется цена на товар на 1%, то изменяется и спрос на определенную величину, которую ученый назвал *коэффициентом эластичности* спроса по цене. Существует особая группа товаров, неэластичных по цене, т.е. спрос на них остается постоянным, независимо от цены. Это товары первой необходимости, прежде всего продукты питания (товары Гиффина). Коэффициенты эластичности спроса по ценам различны для разных групп общества, так как спрос зависит не только от полезности товаров, но и от дохода. Эластичность спроса зависит от того, как изменяется общая выручка при снижении цены. Эластичность предложения показывает, как изменяется предлагаемое количество товаров, если рыночная цена возрастает на определенную величину.

Применительно к распределению Маршалл придерживался теории трех факторов производства Ж.Б.Сэя, однако к этим факторам он добавил фактор организации, который вместе с другими факторами в коротком периоде превышает издержки производства и нормальную прибыль. Этот четвертый фактор Маршалл назвал *квазирентой* (по сути, это сверхприбыль).

Весьма важным для экономической науки является сформулированный Маршаллом *принцип замещения*. "На начальном этапе деятельности своего предприятия и на каждом последующем ее этапе, — пишет ученый, — ловкий бизнесмен стремится так изменять организацию производства и хозяйственных связей, чтобы добиваться более высоких результатов при данном уровне издержек или равных результатов при сокращении

издержек... Принцип замещения связан с широкой тенденцией убывающейдачи от любого увеличенного приложения ресурсов и труда к земле в старых странах... Указанный принцип настолько сродни принципу сокращения предельной полезности, обычно вытекающему из возрастания издержек, что некоторые случаи применения обоих принципов почти идентичны"¹⁷.

Дж.М.Кейнс отметил, что "Маршалл был первым в истории великим экономистом в подлинном смысле этого слова, первым, кто свою жизнь посвятил созданию экономической науки в виде самостоятельного предмета, строящегося на собственных постулатах и отличающегося таким же высоким уровнем научной точности, как естественные или биологические науки"¹⁸.

Американский экономист *Джон Бейтс Кларк* (1847—1938), который, как уже говорилось, наряду с А.Маршаллом стал родоначальником неоклассического направления в экономической науке, получил образование в Германии и Швейцарии. Основные его работы — "Философия богатства" (1886), "Распределение богатства" (1888), "Контроль над трестами" (1901), "Очерки экономической теории" (1924). О книге "Распределение богатства" Й.Шумпетер отзывался так: "она создала школу и единый путь американской теории"¹⁹; "выдающаяся научная работа, являющаяся произведением искусства"; "конечно, вечных теорий нет, но эта так крепко обоснована, как это только возможно"²⁰.

Центральной проблемой у Кларка является проблема распределения. Ученый считал, что, решив ее, он снимет с общества обвинение в эксплуатации труда, тогда исчезнет классовое деление общества. Распределение общественного дохода, по мнению Кларка, регулируется так называемым принципом справедливости, естественным законом, и, если найти его, каждый фактор производства по заслугам получит свою долю.

В своих теоретических построениях Кларк исходил из существования совершенной конкуренции. Отсюда он выводит следующие посылки:

- в экономике господствуют частная собственность, индивидуальная свобода, здоровая рыночная конкуренция;
- стоимость определяется предельной полезностью;
- государство соблюдает правила игры, т.е. не вмешивается в частное предпринимательство;
- труд и капитал способны беспрепятственно передвигаться внутри хозяйства, т.е. они мобильны;
- состояние техники и технологии неизменно.

Следование этим посылкам обеспечит экономике равновесие — "состояние статики". Из равновесия экономику выводят рост народонаселения, изменение организационных форм производства, накопление капитала, изменение вкусов потребителей, но ее неравновесное состояние длится недолго, благодаря внутренним механизмам она вновь обретает равновесие.

В исследовании Кларк опирается на три основных принципа, два из которых (первый и второй) он назвал универсальными экономическими законами:

1) *принцип убывающей полезности*: каждый дополнительный предмет в запасе имеет меньшую полезность. Для общества важна оценка наименьшей (предельной) полезности определенных предметов. У Кларка, как и у Маршалла, появляется представление о некоей "общественной" предельной полезности, которая зависит от цены и в конечном счете оказывается спросом;

2) *принцип предельной производительности*: каждый фактор производства — труд и капитал (земля относится к разновидности капитальных благ) — имеет специфическую производительность. Причем разные единицы факторов обладают разной производительностью. Для ценообразования важны в этом плане предельные единицы каждого фактора;

3) *принцип свободной конкуренции*: распределение справедливо, и цены приближаются к естественным, если они не регулируются правительством и не искажаются монополией.

По мнению Кларка, производство, обмен и распределение не могут изучаться обособленно. Более того, надо помнить, что производство и обмен зависят от распределения, так как пропорции производства и обмена, рыночные цены имманентно обусловлены распределением, зависят от стремления агентов производства получить "естественный" доход.

Экономическую теорию Кларк делит на два раздела: *статика* и *динамика*. Под статикой ученый понимает равновесное состояние экономики при отсутствии в ней технического прогресса, при неизменности объема выпуска продукции и отраслевых пропорций производства. В статическом состоянии в экономике существует только два вида доходов — заработная плата и процент (земельная рента как разновидность процента). Предпринимательская прибыль появляется только в динамике. В равновесном состоянии рыночные цены являются "нормальными", неизменными и определяются следующим образом: цена = износ средств производства + естественная заработная плата + естественный процент. Статика, хотя и нереальна, однако составляет основу динамики. Динамика — это совокупность статических состояний и переходов из одного такого состояния в другое.

Что такое "естественная" заработная плата и процент? Ответу на этот вопрос посвящена основная часть книги "Распределение богатства", в которой изучается статика (динамику Кларк исследует в другой своей работе — "Очерки экономической теории").

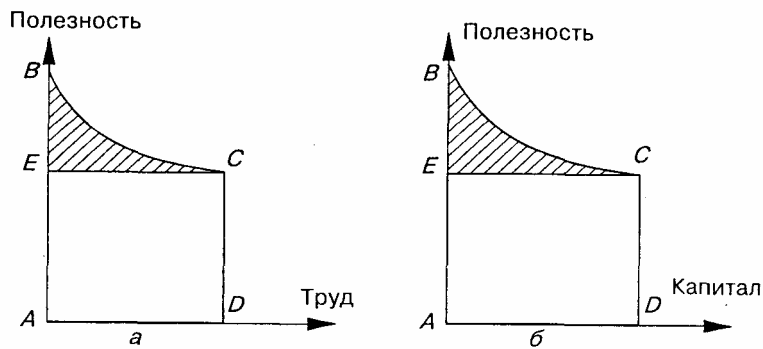

Рис. 6. Предельные продукты труда (а) и капитала (б)

"Естественная" заработная плата равна продукту труда предельного, наименее производительного труда рабочего данной отрасли. Тогда "естественный" уровень процента соответствует величине продукта предельной, наименее производительной единицы средств производства. В результате предельные единицы труда и капитала получают полные продукты своего труда и попадают в зону безразличия, не принося ни доходов, ни убытка другому фактору производства. Наем дополнительных рабочих или вовлечение в производство дополнительных средств производства продолжают до тех пор, пока предельный продукт труда или капитала (CD на рис. 6) не сравняется с нормальным уровнем заработной платы или процента (AE на рис. 6). Все остальные единицы труда (капитала) получают доход на уровне предельной единицы, а оставшаяся часть созданного продукта (BCE на рис. 6) вменяется капиталу (труду). При этом все единицы труда и капитала должны довольствоваться доходом на уровне предельной единицы, иначе они будут заменены последней.

Такое описание процесса распределения созданного продукта кроме сомнений относительно того, что возможно приписывать любую часть созданного продукта действию какого-либо одного фактора и что факторы производства обладают абсолютной взаимозаменяемостью (при изменении количества одного фактора количество другого по стоимости фиксируется), вызывает, по крайней мере, три вопроса. Во-первых, почему капиталист не приостанавливает наем рабочих на уровне предельного и не получает доход с каждой единицы труда, оставляя заработную плату на возможно низком уровне? Во-вторых, почему избыток созданного продукта по отношению к совокупному предельному продукту труда (капитала) приписывается капиталу (труду)? Аргумент Кларка, что труд (капитал) не

претендует на него, неубедителен. В-третьих, чем определяются нормальные величины заработной платы и процента?

Удовлетворительных ответов на эти вопросы в теории Кларка нет. Пытаясь обосновать нормальные величины зарплаты и процента, он пишет о том, что существует особая группа покупателей, которую он называет общественным классом, определяющим цену товаров, или "социальными ценообразователями", устанавливающими товарные цены на микроуровне. Процесс ценообразования теперь выглядит так: формируются рыночные цены на факторы производства, которые устанавливают социальные ценообразователи; далее происходит распределение общественного продукта в соответствии с этими ценами; затем формируются цены на производимую продукцию. Первый и основной из перечисленных этапов остается неопределенным. По-видимому, этим прежде всего обусловлено распространенное мнение о том, что Кларку удалось много сделать в микроэкономической теории и практически ничего — в макроэкономической.

Однако так или иначе в рамках данной концепции основную цель своего исследования Кларк достиг. Он установил, что каждый фактор производства получает в виде дохода столько, сколько создает, поэтому существующее распределение экономически справедливо. Из того факта, что капитал сам создает свой доход, следует интересный вывод о *вечной производительности капитала*.

На самом деле сформулированная Кларком теория ничего не дает при решении производственных задач, она фактически игнорирует технический прогресс. Кроме того, как определить, каким образом следует агрегировать относительные доли каждого фактора, если отсутствует возможность их замещения и нет инструмента для измерения? Дело в том, что сама относительная доля зарплаты или доля капитала в продукте определяются воздействием *многих* факторов, которые трудно учесть и измерить. Кроме того, заданный уровень доходов и даже урезание заработной платы в теории предельной производительности Кларка трактуются как мера борьбы с безработицей. Не случайно это вызвало возражения у Дж.М.Кейнса. Согласно теории предельной производительности, избыточное предложение труда — это сигнал о превышении уровня зарплаты над предельным продуктом труда в какой-либо отрасли экономики, и в этом случае урезание реальной зарплаты будет хорошим средством для стабилизации положения на рынке труда. Однако, как справедливо заметил Кейнс, зарплата — это не только издержки, но и доход и потому снижение реальной зарплаты вызовет уменьшение совокупного спроса на товары и услуги и ничего положительного в борьбе с безработицей не принесет.

Следует заметить, что и современная теория предельной производительности практически не дала ответов на приведенные выше вопросы, а "агрегирование труда и капитала даже на уровне фирмы не является необходимостью для логически стройной теории определения цен"²¹.

Примечания и ссылки к теме 4

¹ Цит. по: Бухарин Н. Политическая экономия рантье. — М., 1988. — С. 75.

² Цит. по: Австрийская школа в политической экономии. — М., 1992. — С. 279.

³ См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994. — С.289.

⁴ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. - М., 1968.-С. 165.

⁵ Джевонос У.С. Об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. — СПб., 1993. - С. 68.

⁶ Цит. по: Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. — М., 1995. - С. 532.

⁷ Хикс Дж. Стоимость и капитал. — М., 1988. — С. 156.

⁸ Топология — раздел математики, изучающий свойства фигур, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов.

⁹ Цит. по: Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. — С. 531.

¹⁰ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — С. 543.

¹¹ См.: Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства: Р.Харрод, Э.Хансен. — М., 1997. — Т. II. - С. 22.

¹² Там же.-С. 21, 22.

¹³ Маршалл А. Принципы экономической науки. — М., 1993. — Т. I. — С. 31.

¹⁴ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. - С.309.

¹⁵ Маршалл А. Принципы экономической науки. — М., 1993. — Т. II. — С. 28.

¹⁶ Там же.-Т.I.-С. 191.

¹⁷ Там же.-С. 41.

¹⁸ Кейнс Дж.М. Альфред Маршалл. 1842—1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. — С. 41.

¹⁹ Цит. по: Кларк Дж.Б. Распределение богатства. — Л., 1934. — С. 5,6.

²⁰ Там же. - С. 29.

²¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — С. 434.

Новые понятия

Маржинализм

Предельная полезность

Метод вменения

Положительная и отрицательная полезность

Конечная эквивалентность

Общее экономическое равновесие

Кардинальная полезность

Кривые безразличия

Представительная фирма

Квазирента

Принцип замещения

Избыток (излишек) потребителя

Эластичность

Предельная производительность

Вопросы для самоконтроля

1. На каких принципах основан подход австрийской школы к анализу экономических процессов ?

2. В чем сущность теории предельной полезности?

3. Как найти стоимость средств производства исходя из теории предельной полезности ?

4. Как Е.Бём-Баверк определяет верхнюю и нижнюю границу цены?

5. Какие вопросы не получают ответа в рамках австрийской школы?

6. Для чего У.С.Джевонс вводит понятие положительной и отрицательной полезности?

7. Как понимает Л.Вальрас общее экономическое равновесие?

8. Чем определяются цены в моделях Л. Вальраса ?

9. В чем экономический смысл кривых безразличия В.Парето?

10. Какова общая характеристика неоклассического направления?

11. В чем состоит новизна подходов А.Маршалла?

12. Какие главные проблемы исследует Дж. Б. Кларк?

13. Что такое предельный продукт факторов производства и чем он определяется ?

14. Почему в современных условиях практически не используется теория Дж. Б. Кларка?

ТЕМА 5. НЕТРАДИЦИОННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

1. "Боковые ветви" экономической мысли. Историческое направление и социальная школа в политической экономии.
2. Институционализм.
3. "Легальный марксизм" в России.

1. "Боковые ветви" экономической мысли. Историческое направление и социальная школа в политической экономии

До сих пор мы имели дело, так сказать, с магистральными направлениями развития экономической мысли. Мы увидели, что во второй половине XIX в. произошла некая смена парадигмы экономического исследования. Маржиналистская революция и последовавшая за этим борьба сторонников трудовой теории стоимости с представителями концепции предельной полезности поглотили основное внимание экономистов-теоретиков. Но на фоне этой борьбы примерно в то же время появились весьма плодотворные "боковые ветви" экономической теории, которые в той или иной степени развиваются до сих пор и даже периодически занимают доминирующее положение в экономических дискуссиях. К этим ветвям можно отнести *историческое направление* ("стирая" и "новая" исторические школы), социальную школу и институционализм, своеобразный синтез которых был продемонстрирован в России "легальными марксистами".

Объединение всех этих школ в один блок в значительной степени условно. Общим у них является прежде всего то, что их представители не примыкали к известным "магистральным" направлениям политической экономии, критиковали и марксистов, и маржиналистов, бунтовали против любой ортодоксальности в теории. Но не только это объединяет названные школы — экономисты неортодоксальных направлений расширительно трактовали предмет политической экономии, искали, какие *неэкономические факторы воздействуют на экономику* той или иной страны: природно-географические и ландшафтные особенности; государственное устройство и особенности правовой системы, степень развитости науки и техники, религиозные воззрения и семейные отношения, социально-психологические особенности и характерные черты "народного" и "национального" духа.

В самом деле, отнюдь не все экономические явления и процессы, происходящие в обществе, можно объяснить исходя из, так сказать, внутриэкономических отношений, будь то микроэкономика или системы национального и мирового хозяйства. Тот факт, что одно и то же явление представителями ортодоксальных направлений объясняется с различных, а порой противоположных точек зрения, обусловил появление некой разочарованности в теории. Бунт против ортодоксии начался еще и потому, что экономическая наука, развивавшаяся на основе метода теоретической абстракции, не могла, да и не хотела объяснять особенности экономической жизни и хозяйствования в различных странах мира. Возникло обоснованное подозрение, что, например, английская политическая экономия искусственно переносила на все страны в качестве универсальных законов те связи и отношения, которые были характерны только для Великобритании. Более того, некоторые немецкие ученые видели здесь определенную национальную корысть английских экономистов. В середине XIX в. почва для появления неортодоксальных теорий, таким образом, была вполне подготовлена.

Первыми выступили германские экономисты — представители так называемых исторических школ. Еще в период разложения и вульгаризации рикардизма появилась историческая школа, названная позднее "старой". Основателями ее стали **Вильгельм Рошер** (1817—1894), выпустивший в 1843 г. книгу "Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода", **Бруно Гильдебрандт** (1812—1878), главная работа которого "Политическая экономия настоящего и будущего" вышла в 1848 г., и **Карл Книс**

(1821—1898), изложивший свои взгляды в работе "Политическая экономия с точки зрения исторического метода" (1853).

У всех троих был один идейный предшественник — выдающийся немецкий ученый **Фридрих Лист** (1789—1846). В своем главном труде "Национальная система политической экономии" (1841) он резко выступил против "космополитизма" английских классиков. "Как характерное отличие выдвигаемой мной системы, — писал Лист, — я утверждаю национальность. Все мое здание основывается на природе нации как среднего члена между индивидуумом и человечеством"¹. Отрицая существование всеобщих и универсальных экономических законов, этот ученый предлагал исследовать прежде всего особенности национальной экономики, ставя перед собой практическую цель выработки рекомендаций для экономической политики. Так, апология свободы внешнеэкономической деятельности, содержащаяся в трудах А.Смита и Д.Рикардо, не соответствует национальным интересам Германии и интересам ее молодой буржуазии. Более того, эта апология прямо направлена против континентальной Европы и теоретически оправдывает английскую экономическую экспансию. Германии нужна иная экономическая политика, основанная на "воспитательном протекционизме". Если рассматривать внешнеэкономическую деятельность с точки зрения абстрактной теории, то с учетом "сравнительных преимуществ"² Германия вовсе не должна развивать некоторые отрасли промышленности. Но национальные интересы могут быть выше чисто экономического интереса. Чтобы вовлечь в производство неиспользованные ресурсы, чтобы преодолеть отсталость, необходимо развивать отрасли, в которых производительность труда в данный момент ниже, чем за границей. Лист писал: "Эту потерю стоимостей надо, следовательно, рассматривать лишь как цену за промышленное воспитание нации"³. Нация тем богаче и могущественнее, чем больше она эксплуатирует промышленных изделий и чем больше она импортирует сырья.

Вопреки мнению классиков, утверждал Лист, Германское государство должно активно вмешиваться в экономику с целью создания единого общенационального рынка и защиты национальной экономики от конкуренции со стороны иностранных, прежде всего английских, предпринимателей.

В этом духе и разрабатывали свои концепции экономисты-историки, постепенно подменяя политическую экономию экономической историей и экономической политикой. Для этих ученых характерно признание политической экономии как науки сугубо национальной, призванной изучать национальное хозяйство, развитие которого определяется только особенностями природы, характером народа и его учреждений и институтов. "Мы оставляем в стороне всякую разработку подобных экономических идеалов, — писал В. Рошер. — Вместо того мы обратимся к простому изложению сначала хозяйственных потребностей и природы народов, потом законов и учреждений, назначенных для их удовлетворения, наконец, к изложению большего или меньшего успеха последних"⁴.

В новое время, в 70—80-х годах XIX в., в Германии возникла (и вскоре получила распространение в других странах) так называемая "новая" историческая школа в политической экономии. Ее представители — **Густав Шмоллер** (1838—1917), **Карл Бюхер** (1847—1930), **Луио Брентано** (1844—1931) и др. — развивали методы "старой" исторической школы в новых условиях. Германия была уже единым национальным государством, отпала необходимость доказывать жизненную важность объединения и жесткого протекционизма. Но националистические мотивы и культ государства остались традиционными чертами, подпитывавшимися внешнеполитической агрессивностью Германского государства. Немаловажную роль сыграла и идеологическая необходимость полемики с марксизмом. Характерно, что, опровергая марксистскую политическую экономию, экономисты-историки резко отрицательно отнеслись и к австрийской школе, справедливо усматривая в ней разновидность сугубо теоретической и абстрактной экономической науки. Г.Шмоллер, в частности, долго и бесплодно полемизировал с К.Менгером именно по поводу методологии экономического исследования. Шмоллер был

твердо уверен в том, что политическая экономия может превратиться в доминирующую общественную науку только тогда, когда установит прочные научные связи с этикой, историей, социологией и политологией.

Естественно, что в новые времена в трудах экономистов-историков появляются и новые сюжеты. Ведь во всех странах Европы возникают новые социальные и классовые конфликты и трения. Левые организации социалистического и коммунистического толка пытаются разрешить проблемы революционными методами. Либеральная буржуазия, видя бесплодность революционных выступлений и страшась их последствий, ищет реформаторские пути выхода из конфликтных ситуаций. Наконец, в ряде стран, и прежде всего в Германии, само государство пытается осуществлять социальные реформы (как это делал Бисмарк). Теперь и ученых все больше интересуют социальные процессы, и в первую очередь рабочий вопрос, который они рассматривают с различных позиций. Если Г.Шмоллер, стоявший на правых позициях, выступал против законодательного ограничения рабочего дня, признания законности профсоюзного движения, пропагандировал организацию предпринимательских союзов, применение локаутов и "черных списков", то Л.Брентано, отражавший интересы либеральной буржуазии, видел в реформистской политике действенное средство против революционизирования пролетариата.

Брентано утверждал, что профсоюзы, кооперация, фабричное законодательство, социальное страхование в состоянии коренным образом улучшить положение рабочего класса и на этой основе обеспечить классовый мир в обществе. Для практического осуществления социально-экономических реформ он вместе с другими представителями "новой" исторической школы организовал в 1872 г. Союз социальной политики. Не без влияния этого Союза в 1873 г. был принят ряд законов, ограждающих рабочих от произвола предпринимателей. В Германии стали усиленно пропагандировать идеи "государственного социализма". Правда, и правые, и левые (марксистские) критики Союза иронично называли его политические проекты катедер-социализмом (кафедральным социализмом), не имеющим больших перспектив в Германии.

Крайности в применении исторического метода характерны для работ *Вернера Зомбарта* (1863—1941), "младшего отпрыска" исторической школы. За долгую жизнь Зомбарт прошел путь от марксизма до фашизма, завершив свою научную историко-экономическую карьеру книгой "Немецкий социализм", где пропагандировал героический дух германского тоталитаризма, противопоставляя его "капиталистическому" духу евреев. Любопытно, что в истории он находил факты, обосновывающие как марксистские, так и фашистские идеи.

"Новая" историческая школа и катедер-социализм оказали существенное влияние на представителей близкой к ним по духу *социальной школы* в политической экономии, которая также развивалась преимущественно в Германии на рубеже XIX и XX вв. Представители этой школы — *Рудольф Штаммлер* (1852—1930), *Рудольф Штольцман* (1856—1938), *Отмар Шпанин* (1858—1950) и др. — тоже исходили из примата неэкономических факторов социально-экономического развития, в основном государственно-правового характера. Производство для них — сугубо технический процесс, не имеющий социального содержания. Социальные результаты производственного процесса, считали они, относительно независимы от самого производства и подлежат или только правовому регулированию, или социально-правовому, или же регулируются всем социально-политическим устройством общества как "социального целого".

Как бы ни критиковали сторонники ортодоксальных направлений историческую и социальную школы, необходимо признать, что представители именно этих школ впервые начали анализировать обратные связи между надстроечными и базисными отношениями, создавая гораздо более полную картину экономической жизни, чем, скажем, "чистые макроэкономисты", особенно сторонники математического направления в политической экономии, которое существует до сих пор и известно под названием "Институционализм".

2. Институционализм

Термин "*Институционализм*" происходит от слов "институт" или "институция", обозначающих определенный обычай, порядок, принятый в обществе, а также закрепление обычаев в виде закона или учреждения. Идеологи институционализма относили к институтам как социальные и политические, так и экономические явления: государство, семью, частную собственность, корпорации, систему денежного обращения и др. Расплывчатое понятие "институт", тем не менее, уже имело отмеченную идейную нагрузку: оно означало стремление к расширению предмета экономической науки, включение в анализ неэкономических явлений.

Институционализм зародился в США на рубеже XIX и XX вв. У его истоков стоят два крупных экономиста — Т.Веблен и Дж.Коммонс. Они же стали родоначальниками двух течений внутри институционализма.

Общим для всех институционалистов является отрицание ортодоксальных теорий в следующих моментах:

- жизнь дискредитировала гедонистический мотив человеческого поведения, т.е. поведения, направленного на получение наслаждения и удовольствия, который, вслед за Джевонсом, считали основополагающим маржиналисты;
- основной постулат классической политэкономии об индивидуалистической конкуренции неверен и неточен, что особенно ярко видно в США в условиях развития корпоративной собственности и господства монополий;
- центральная проблема политической экономии, связанная с определением условий экономического равновесия, традиционно разрешаемая в духе А.Маршалла или Л.Вальраса, основана на недоразумении, которое состоит в том, что экономическая наука отождествляется с физикой, и предполагает статический взгляд на экономику и на организацию производственного процесса, а действительное развитие при этом игнорируется.

Отказываясь изучать "личные интересы" субъектов экономических отношений, институционалисты подчеркивали общественные мотивы в поведении людей, критиковали концепции автоматического регулирования экономики и выступали своеобразными предтечами кейнсианства, обращая внимание на необходимость государственного регулирования.

Торстейн Веблен (1857—1929) создал технологический вариант институционализма. Основным противоречием капитализма начала XX в. он считал "дихотомию" (разделение) "индустрии" и "бизнеса". Бизнес, утверждал Веблен, подчинил производство своим финансовым интересам. Индустрия, т.е. сфера функционирования реального капитала, не имеет сама по себе социальных антагонизмов, — противоречия и конфликты связаны с функционированием капитала в финансовой сфере и с фиктивным капиталом, т.е. бизнесом и его давлением на индустрию.

Паразитический характер бизнеса для Веблена несомненен. В своей лучшей книге "Теория праздного класса" (1899)⁵ ученый показал связь расточительного и демонстративного потребления с интересами бизнеса, с мотивами максимизации прибыли. Коллективные же интересы, писал Веблен, непосредственно совпадают с интересами беспрепятственного повышения производительности труда, его эффективности. Носителями общественных интересов выступают инженеры, специалисты, квалифицированные рабочие, занятые в промышленности. Все они — однородный класс, социальное сознание которого проявляется в нетерпимом отношении к расточительству, ограниченному и уродливому использованию возможностей современной техники. Будущее человечества принадлежит индустрии, инженерам и специалистам, а не бизнесу — таков прогноз Веблена⁶.

С Веблена начинается институционалистская традиция тяготения к социологическим методам анализа, к объяснению поведения человека в соответствии с правилами. Этот ученый считал, что задачей экономистов является изучение норм, обычаев, привычек, а

также их эволюции, с тем чтобы объяснять решения, которые принимают экономические агенты в разное время и в разных обстоятельствах. Но именно в этом пункте обнаруживается и некоторая слабость институционализма: исследователи, придерживавшиеся этого направления, так и не смогли объяснить поведение человека, нарушающего правила⁷. А это обстоятельство — важный аспект экономической действительности, особенно в наше время в России.

Джон Коммонс (1862—1945) создал правовой вариант институционализма. Для него институции — это прежде всего нормы права. Много внимания Коммонс уделил такой своеобразной правовой и экономической категории, как сделка, которая в различных ее проявлениях рассматривается как всеобщая экономическая категория и становится исходным пунктом всей теории капитализма. Особая форма сделки — отношения труда и капитала, которые сводятся к коммерческой сделке равноправных сторон и юридической подчиненности рабочего капиталисту. Отношения труда и капитала, таким образом, выступают как коммерческие и правовые, а возникающие конфликты рассматриваются как чисто юридические, подлежащие урегулированию со стороны государства.

В книге "Экономическая теория коллективных действий" (посмертная публикация, 1950 г.) Коммонс подчеркивал, что социальные конфликты не носят антагонистического характера. Социальные конфликты — это необходимый динамизирующий фактор общественной эволюции, социального прогресса. Разрешение конфликтов должно осуществляться посредством создания определенных "третейских судов", правил, законодательных мер. Путь к созданию "разумно организованного капитализма" Коммонс связывал с добровольными компромиссными соглашениями, которые должны обеспечить взаимопонимание и сотрудничество между организованными в профсоюзы рабочими и объединениями предпринимателей.

Как идеолог и участник движения за реформы Дж. Коммонс приобрел многочисленных сторонников и последователей. Он активно работал в профсоюзных объединениях, его идеи частично воплотились в "новом курсе" Ф.Д. Рузвельта, в рабочем законодательстве, в движении за создание "государства всеобщего благоденствия".

Правовой аспект экономических исследований и сегодня — важная методологическая черта институционализма. "Я полагаю, — пишет К. Роуз, — что вы можете больше узнать, как работает экономическая система, читая книги по праву и рассматривая конкретные ситуации, чем изучая экономические работы, потому что вы получаете описание реальной деловой практики, которую трудно объяснить"⁸.

Хотя после второй мировой войны институционалистские исследования оказались несколько в стороне от магистрального направления развития науки, они вскоре получили новый импульс благодаря трудам американского ученого *Джона Кеннета Гэлбрейта* (1909—1993). Его работа "Новое индустриальное общество"⁹ приобрела широчайшую популярность.

Гэлбрейт исходил из технологического детерминизма всех происходящих в экономике и в обществе процессов. Один из важнейших объектов изучения у Гэлбрейта — крупная ("зрелая") корпорация с таким сложным процессом управления, что это управление становится недоступным для капиталистов-акционеров. Благодаря существованию зрелой корпорации современная экономика делится на два неравнозначных сектора: "планирующую систему" и "рыночную систему".

Главная категория, используемая в учении Гэлбрейта, — "техноструктура". Этим термином ученый обозначает узкую и замкнутую прослойку квалифицированных специалистов — ученых, конструкторов, менеджеров, экономистов, маркетологов, специалистов по финансам и рекламе. Техноструктура имеет свои групповые интересы, отличающиеся и от интересов собственников корпораций, и от интересов общества. Преследуя свои интересы, связанные с творческим самовыражением, соображениями престижа и карьеры, роста корпорации и своей власти в ней, эти квалифицированные

специалисты становятся фактическими владельцами корпораций, их действительными руководителями, хотя формально и не являются их собственниками и даже могут не входить в состав акционеров. Интересы максимизации прибыли в данном случае отходят на второй план. При этом крупная корпорация, определяющая лицо современной экономики, вынуждена планировать свою деятельность на годы вперед хотя бы потому, что осуществляет крупные инвестиции, отдача от которых начинается через несколько лет. С такой плановой работой не могут справиться акционеры, она тоже удел специалистов. Речь идет о планировании в широком смысле: надо не только предусмотреть выпуск определенной продукции в определенных объемах, но и заранее готовить рынки для товаров, воздействовать на рыночный спрос. Эта задача по силам только крупной организации. Чтобы результаты корпоративного планирования соответствовали намеченным целям, корпорации вступают в многообразные и долговременные договорные связи. Рынок становится стабильным и предсказуемым, а модели совершенной конкуренции — анахронизмом.

Конечно, такая позиция Гэлбрейта вызывает резкую критику со стороны представителей неоклассического направления и даже коллег-институционалистов, обнаруживающих иные, противоположные, тенденции в экономике. Но это лишнее доказательство того, что экономическая жизнь сложна и неоднозначна, а в науке нет и не может быть "одной правды".

В 1986 г. произошло событие, ставшее свидетельством признания результативности институционалистских исследований: американский экономист Дж.Бьюкенен, создатель *теории общественного выбора*¹⁰, получил Нобелевскую премию. Вслед за ним Нобелевскими лауреатами стали в 1991 г. Р.Коуз, автор статей "Природа фирмы" и "Проблема социальных издержек", и в 1993 г. Д.Норт.¹¹

Основной постулат теории общественного выбора *Джеймса Бьюкенена* состоит в том, что люди действуют в политической сфере, преследуя свои личные интересы, и что нет непреодолимой грани между бизнесом и политикой. Эта теория последовательно разоблачает миф о государстве, у которого нет никаких иных целей, кроме заботы об общественных интересах. Теория общественного выбора — это особая отрасль науки, изучающая различные способы и методы, посредством которых люди используют правительственные учреждения в своих собственных интересах. "Рациональные политики" поддерживают прежде всего те программы, которые способствуют росту их престижа и повышают их шансы одержать победу на очередных выборах. Таким образом, теория общественного выбора пытается последовательно доказать, что в обществе действуют принципы индивидуализма, которые распространяются на все виды деятельности, включая государственную службу¹². Ясно, что пафос этих исследований направлен как против кейнсианского преувеличения целей и возможностей государственного регулирования экономики, так и против основных идей Гэлбрейта.

Рональд Коуз, используя институционалистскую методологию, задался целью объяснить причину возникновения фирм. Внутрифирменная деятельность, считает он, протекает не на рыночных основаниях — здесь велика роль приказов и их исполнения, движущихся по вертикальным, управленческим осям. В то же время внефирменная деятельность осуществляется на рыночных принципах с учетом свободных рыночных цен. Почему же внутри фирмы между различными подразделениями не могут сложиться рыночные отношения?¹³ Исследования Коуза показали, что если все отношения будут строиться на рыночных основаниях, то резко возрастут *транзакционные издержки*, т.е. затраты на заключение сделок. Если прямое директивное управление экономит транзакционные издержки, то возникает фирма. Но и представить всю национальную экономику в виде одной фирмы тоже невозможно, ибо управление крупной организацией из одного центра тоже чревато ростом издержек, которые при значительном росте предприятия делают его неуправляемым. Отсюда возникает необходимость определения оптимального размера фирмы, когда издержки рыночной координации равны издержкам централизованного контроля.

Дуглас Норт, получивший Нобелевскую премию "за применение экономической теории и количественных методов к изучению исторических событий", является одним из основателей нового направления в историко-экономической науке — *клиометрики*. Исследуя экономическую историю США и других стран, он доказал, что структура рыночной экономики и протекающие в ней процессы тесно связаны с социальными и политическими институтами стран. По мнению Норта, рынок мог принести человечеству неисчислимые бедствия, если бы "предупредительные контрмеры не ослабили действие этого саморазрушающего механизма"¹⁴. С помощью различных политических и правовых институтов "общество само защитило себя от тех опасностей, которые присущи саморегулирующейся рыночной системе"¹⁵.

В конце XX в. институционализм эволюционирует в сторону синтеза с неоклассическим направлением. В исследованиях, проводимых в русле этого направления, выделяются три уровня анализа. На первом уровне исследуются индивиды, или экономические агенты, их рыночное поведение. Здесь имеется относительно большой простор для применения неоклассической методологии. На втором уровне изучаются различные институциональные соглашения в виде рынков, фирм, договоров между хозяйственными единицами, определяющие способы кооперации и конкуренции. На третьем уровне анализируется собственно институциональная среда, которая определяет "правила игры", т.е. совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, образующих основу для производства, обмена и распределения". В то же время экономисты — представители институционального направления по-прежнему отдают предпочтение исследованию факторов, воздействующих на экономику, но лежащих за пределами самой экономики. В своих работах они опираются на экономическую историю, право, социологию, политологию, теорию организации.

3. "Легальный марксизм" в России

Нетрадиционные "побочные" концепции в политической экономии своеобразно развивались в дореволюционной России. Некоторые методологические особенности исторического направления и социальной школы нашли воплощение в трудах "легальных марксистов" — *Петра Бернгардовича Струве* (1870—1944), *Сергея Николаевича Булгакова* (1871—1944) и выдающегося русского экономиста Михаила Ивановича Туган-Барановского.

Интерес к экономической истории проявился в двух крупных и оригинальных сочинениях М. И. Туган-Барановского¹⁷ — "Русская фабрика в прошлом и настоящем" (1888) и "Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь" (1894, см. также с. 111 настоящего пособия). Помимо того, что эти произведения имеют самостоятельную научную ценность, они были важны для преодоления некоторых заблуждений либерального народничества по поводу невозможности капиталистического развития России.

После революции 1905—1907 гг. историзм "легальных марксистов", разочаровавшихся в возможностях демократических движений в России, легко сменился неким подобием российского институционализма и социологизма. П.Б.Струве стал требовать коренного пересмотра политической экономии на основе эмпиризма и неокантианства, отрицать классические идеи относительно существования "естественных законов" экономической жизни. Отказавшись от анализа причинно-следственных связей и от абстрактного метода, Струве утверждал, что в хозяйственной жизни существуют "просто факты", которые требуют описания, констатации, но не теоретического обобщения. Характерно, в этой связи, что, подобно В.Зомбарту, он в полемике с ортодоксальными марксистами перестал признавать реальность категорий стоимости и прибавочной стоимости, считая их чисто логическими конструкциями. Реальными же, эмпирически ощутимыми, по мнению Струве, должны считаться лишь категории цены и прибыли.

М.И.Туган-Барановский сформулировал закон, согласно которому *предельные полезности свободно производимых хозяйственных благ пропорциональны их трудовым стоимостям*. "Полезность последних единиц свободно воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность, — писал он, — должна быть обратно пропорциональна относительному количеству этих продуктов, произведенному в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов"¹⁸. Поскольку все блага — результат человеческого труда, постольку труд является необходимым фактором формирования ценности. Трудовая стоимость — это объективный, определяющий фактор формирования ценности, а предельная полезность — фактор определяемый. Эта идея в дальнейшем разрабатывалась многими математиками и экономистами мира и нашла подтверждение в современных концепциях экономического оптимума.

М.И.Туган-Барановский явился автором оригинальной *социальной теории распределения*, позднее признанной во всем мире. Согласно этой теории, роль производства сводится к приращению продукта, поэтому все классы оказываются заинтересованными в росте производительности труда. (Это утверждение противостоит Марксовой идее о том, что эффектом от роста производительности труда пользуются лишь капиталисты, присваивающие относительную прибавочную стоимость.) В распределении же готового продукта в стоимостном выражении доля различных классов общества зависит от результатов социальной борьбы, от социальной силы того или иного класса.

М.И.Туган-Барановский не согласился с утверждениями Рикардо и Маркса о том, что прибыль и заработная плата находятся в обратном отношении друг к другу. В фазах промышленного подъема и кризиса заработная плата и прибыль движутся в одном направлении. Если в обществе растет производительность труда, то это обстоятельство повышает и зарплату, и прибыль.

Вообще, к рабочей силе, по мнению Туган-Барановского, не следует относиться как к обычному товару. И для рабочего потребление есть самоцель, а не средство поддержания своей рабочей силы, продаваемой капиталисту. На заработную плату не распространяется закон спроса и предложения. Спрос на рабочую силу, говоря современным языком, неэластичен и зависит не столько от цены, сколько от способности рабочего производить прибыль для капиталистов. Повышение заработной платы в конечном итоге становится положительным фактором для капитала, ибо увеличивает трудоспособность рабочего и эффективность его труда. На этой почве возникает определенная солидарность интересов рабочих и капиталистов. Отсюда и основной вывод М.И.Туган-Барановского: размер заработной платы определяется не только производительностью общественного труда, но и социальной силой рабочего класса, его институциональной организованностью¹⁹.

Оставаясь до конца жизни сторонником неортодоксального социализма, М.И.Туган-Барановский в полном соответствии с институционалистской методологией давал этическую интерпретацию социализму. "Человечество, — писал он, — не получит нового общественного уклада как дара слепой игры экономических сил: оно должно этот новый строй сознательно выработать — и завоевать. Капитализм никогда не умрет естественной смертью — ему может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека"²⁰.

Примечания и ссылки к теме 5

¹ Цит. по: *Аникин А.В.* Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. — М., 1979. — С. 312.

² Сравнительные преимущества в международной торговле — закон, открытый Д.Рикардо. Суть его заключается в том, что каждая страна должна специализироваться на производстве и экспорте тех благ, которые она может изготавливать с относительно низкими затратами, и импортировать те блага, в производстве которых она несет сравнительно

высокие издержки. Структура внешней торговли должна определяться сравнительными, а не абсолютными преимуществами.

³ Цит. по: *Аникин А. В.* Юность науки... — С. 312. Эта проблема весьма актуальна для современной России, структура экспорта и импорта которой оставляет желать лучшего.

⁴ Цит. по: Развитие метода политической экономии. — М., 1996. — С. 115, 116.

⁵ См.: *Веблен Т.* Теория праздного класса. — М., 1984.

⁶ Мечта, которую высказывал еще Платон, в наше время начинает реализовываться в странах, переходящих на путь постиндустриального развития. Уже сейчас можно видеть людей, ставших и очень знаменитыми, и очень богатыми не потому, что удачно спекулировали на фондовом рынке, а потому, что создавали новые интеллектуальные продукты. Пример тому — создатель «Microsoft» Б.Гейтс.

⁷ См.: *Шаститко А.Е.* Неоинституционализм // Вестник МГУ. Серия "Экономика". — 1997. — № 6. — С. 12.

⁸ Цит. по: *Шаститко А.Е.* Неоинституционализм. — С. 14.

⁹ См.: *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. — М., 1969.

¹⁰ См.: *Бьюкенен Дж.М.* Сочинения. — М., 1997. Содержание работ этого ученого определяется в решении Нобелевского комитета: «исследование договорных и конституциональных основ принятия экономических и политических решений».

" См.: *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С. 6—17; *Он же:* Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. - 1993. - Т. 1., вып. 2. - С. 69-91.

¹² См.: *Нуреев Р.* [Послесловие] // Бьюкенен Дж.М. Сочинения. — С. 454,455.

¹³ Любопытно, что российские рыночные неофиты пытались на заре перестройки организовать «внутрифирменные рынки», разбив единый производственный организм предприятия на самостоятельные и независимые подразделения. Чего только не увидишь в условиях поголовной экономической неграмотности!

¹⁴ Thesis. - 1993. - Т. 1, вып. 2. - С. 17.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Шаститко А.Е.* Неоинституционализм. — С. 17, 18.

¹⁷ В этом разделе многообразные и глубокие работы М.И.Туган-Барановского рассматриваются только в аспекте методологии нетрадиционных экономических школ.

¹⁸ *Туган-Барановский М.* Основы политической экономии. — Пг., 1915.-С.55.

¹⁹ Интересный комментарий по поводу работ М.И.Туган-Барановского см.: *Костюк В.Н.* История экономических учений. — М., 1997.—С. 137-140.

²⁰ *Туган-Барановский М.И.* Теоретические основы марксизма. — СПб., 1905. — С. 194. Чтобы не приписывать этому автору то, чего он не говорил, обратим внимание читателей на то, что М.И.Туган-Барановский возлагает надежды на мысль и волю человека, а не на силу оружия или на восстание.

Новые понятия

Историческое направление в политической экономии

Неэкономические факторы развития экономики

Институты и институции

Техноструктура

Общественный выбор

Транзакционные издержки

Вопросы для самоконтроля

1. Зачем экономисту изучать неэкономические явления?

2. Влияет ли ваш характер на ваши экономические поступки ?

3. Каковы особенности экономической истории, воздействующие на современную экономическую жизнь России?

4. Может ли государство сформировать новую систему производственных отношений?

ТЕМА 6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

1. Причины распространения марксизма в России.
2. В.И. Ленин как теоретик и революционный практик.
3. Феномен Николая Бухарина.
4. Социально-экономическая база сталинизма.
5. Судьба профессионалов: Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов.

1. Причины распространения марксизма в России

Один из самых поразительных феноменов в истории России — это широкое распространение марксизма вообще и марксистской экономической мысли в частности. Объяснить распространение пролетарской идеологии в крестьянской стране нелегко. Мы предлагаем одну из возможных версий.

Экономическая теория К. Маркса — детище 60-х годов XIX в. Трагедия К. Маркса состоит в том, что, работая над "Капиталом" более 30 лет, он так и не завершил этот труд. А к тому времени, когда вышли в свет подготовленные Ф. Энгельсом второй и третий тома этого произведения, восприятие экономических взглядов и вытекающих из них революционных выводов в Европе было уже менее острым. Время революционных взрывов для Европы уходило в прошлое. В 70-е и 80-е годы XIX в. на Западе в рабочем движении начал широко распространяться реформизм. Частью представителей рабочего класса политическая доктрина марксизма стала восприниматься как устаревшая. Теперь уже лишь исторический интерес представлял тот раздел "Капитала", где описывались ужасы и тяжкие последствия первоначального накопления капитала. Даже в Германии, не говоря уже о Великобритании, принимались законы о социальных гарантиях для трудящихся, развивалось социальное страхование, появились массовые профсоюзы, больничные кассы, фабричные инспектора, рабочие кооперативы. До общества "всеобщего благоденствия" было еще далеко, в Европе вспыхивали военные конфликты, но марксистская экономическая доктрина стала рассматриваться в большей степени как объект академических дискуссий, нежели как руководство к действию. Немаловажную роль в этом сыграла и критика марксизма со стороны маржиналистов и представителей новой исторической школы в политической экономии.

Что касается азиатского Востока, то здесь на рубеже веков вовсе не было достаточных условий для распространения марксизма. Первые публикации о марксизме в Китае и Индии рассматривались в этом огромном регионе как европейская экзотика.

В России же, великой евразийской срединной стране, как раз созревали все условия для распространения марксизма. Здесь начинался именно тот капитализм, который описывал К. Маркс в первом томе "Капитала". Массовое обнищание в резко расслаивающейся деревне, грюндерство в городах, скопление малоквалифицированного рабочего люда в немногих промышленных центрах, жизнь в казармах и бараках, сопровождавшаяся ростом преступности, алкоголизма и проституции, использование детского труда — словом, все было очень похоже. И вместе с этими явлениями — моральное негодование, первые политические выступления и стачки и, наконец, первые марксистские кружки и организации.

Немаловажно и то, что марксизм в России пропагандировали даже университетские ученые либерального толка. Известный в России экономист и статистик, позже ставший профессором Петербургского университета, *И.И. Кауфман* опубликовал сразу после выхода "Капитала" на русском языке доброжелательную рецензию во влиятельном журнале

"Вестник Европы"¹. Доцент Киевского университета *Н.И.Зибер* выпустил в 1885 г. книгу "Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях". Марксизм рекрутировал выдающихся людей, блестящих публицистов и ученых, образованнейших людей того времени. И среди них был *Георгий Валентинович Плеханов* (1856—1918).

Как экономист Г.В.Плеханов прошел сложный путь от сторонника народнического общинного социализма до выдающегося теоретика-марксиста, крупного критика народнической идеологии. Под огонь его критики попадали не только народники, но и сторонники "экономизма", бернштейнианства и струвизма. В некоторых вопросах Плеханов оказался более прозорливым, нежели лидеры большевизма. Он критиковал большевиков за преувеличение степени развития капитализма, что после поражения первой русской революции признал сам В.И.Ленин². Так, Плеханов не считал возможной и необходимой непосредственную подготовку к социалистической революции в России ввиду недостаточной зрелости рабочего класса и низкого уровня революционного потенциала российского крестьянства. В России еще сохранялись отношения, характерные для древневосточных деспотий, поэтому торопливость проведения социалистических преобразований могла быть опасной³. Октябрьскую революцию Плеханов не принял, но категорически отказался поддерживать контрреволюцию. Он возвратился из эмиграции в 1918 г. и вскоре умер на родине.

Свою литературную и пропагандистскую деятельность Г.В.Плеханов в основном осуществлял из-за границы. В России в конце XIX в. в лидеры марксистов выдвинулся другой крупный теоретик и практик — *Владимир Ильич Ульянов-Ленин* (1870—1924).

2. В.И. Ленин как теоретик и революционный практик

Спустя сто лет фигура В.И. Ленина стала объектом острых дискуссий в России. В этих дискуссиях много эмоций, впрочем, вполне объяснимых. Но есть в них один существенный недостаток: мало кто из участников дискуссий обращается к трудам Ленина, в особенности к экономическим. Речь идет преимущественно о фактах его политической биографии, между тем эти факты имеют своим основанием теоретические взгляды Ленина.

Еще совсем молодым человеком В.И.Ленин начал свои экономические исследования, результаты первого этапа которых были блестяще отражены в крупной историко-экономической работе "Развитие капитализма в России" (1899) и в ряде статей по аграрному вопросу. Здесь он успешно выдержал борьбу с неонародниками, отрицавшими закономерный путь движения России к капитализму, хотя, как уже было сказано, и преувеличивал степень развитости российского капитализма. Второй этап творческой деятельности Ленина как экономиста был связан с исследованиями новых явлений в капиталистической экономике. Появление и развитие монополий, их перерастание в мощные финансово-промышленные образования стали предметом анализа в другой замечательной работе — "Империализм как высшая стадия капитализма" (1917). За 20 лет до Дж.М.Кейнса Ленин исследовал новую роль государства в экономике, прозорливо предположив объективную необходимость государственного регулирования хозяйственной жизни в работе "Грозящая катастрофа и как с ней бороться" (1917).

Послереволюционные работы В.И.Ленина делятся на три группы. Первая — это статьи и брошюры, тематически связанные с его программным произведением "Очередные задачи Советской власти" (апрель 1918 г.), в котором предполагалось относительно длительное строительство социалистической экономики с применением переходных форм хозяйствования, характерных для "государственного капитализма". Вторая группа — работы периода "военного коммунизма", когда Ленин принял левокоммунистическую нерыночную ориентацию в экономической политике. Третью группу составляют статьи и выступления периода нэпа, когда Ленин возвратился к некоторым идеям весны 1918 г. и стал проводить политику восстановления товарных связей и контролируемого возрождения буржуазных отношений в экономике Советской России.

Вполне возможно было бы опубликовать своеобразную обзорно-аналитическую работу под названием "Ленин против Маркса". В самом деле, и в трудах, и в действиях выдающегося российского марксиста можно найти много отступлений от буквы и духа учения К.Маркса. Отметим следующее.

- Принципиальным положением у Маркса было признание противоречивого единства производительных сил и производственных отношений. Из этого следовало, что социализм может победить там и тогда, где и когда больше не могут развиваться производительные силы в капиталистической общественной форме. Производительные силы России едва стали обеспечивать развитие капиталистических производственных отношений, а Ленин уже стал готовить социалистическую революцию. Развитие социалистического строя в крестьянской стране сопровождалось насилием и было сопряжено с невероятными трудностями.

- Маркс предполагал использование в процессе социалистического строительства переходных форм производственных отношений, к которым он относил, в частности, банковскую систему, акционерные общества, кооперацию. Советская власть в России в первый период своего существования пошла на разрушение этих структур, не воспользовавшись их организационным потенциалом.

- Ни в одном произведении Маркса нет указания на то, что сразу после социалистической революции необходимо уничтожить товарно-денежные отношения и заменить их отношениями непосредственно общественными и планомерными. Лидеры российской революции в надежде на немедленное установление социалистических и даже коммунистических отношений поспешили свернуть товарные связи в российской экономике.

- Все, что писал Маркс о социализме, есть не что иное, как научная гипотеза, и Маркс не несет ответственности за то, что Ленин воспринял рабочие гипотезы, обращенные в далекое будущее, как руководство к непосредственному действию.

- Маркс предполагал возможность социалистической революции лишь как всемирной, во всяком случае, как происходящей одновременно во всех развитых индустриальных странах. Ленин преувеличил возможности солидарных движений мирового пролетариата и принял решение о революционном выступлении, будучи уверенным в поддержке из-за рубежа.

Надо отдать должное В.И.Ленину: диалектика реальной жизни заставила его признать необходимость более осторожного подхода к перспективам социалистического строительства в одной стране, тем более с такой отсталой экономикой, как в России. Пройдя через трагедию военно-коммунистического эксперимента, Россия на четвертом году революции вступила, как предполагалось, в длительный этап переходного развития, основанный на двоякого рода компромиссе: внутри страны — с крестьянством и мелкой и средней буржуазией; вовне — переходя от политики разжигания мирового революционного пожара к политике "мирного сожительства" с развитыми капиталистическими странами.

Однако нэп как политика экономической целесообразности оказался недолговечным. В основе нэпа лежала переходная система государственного капитализма. Это был реформистский путь движения, и он дал определенные результаты. Во всяком случае, к 1924 г., году кончины В.И.Ленина, Россия оправилась от войны, в разгаре было формирование рынка со всей присущей ему инфраструктурой, восстанавливались прерванные связи с мировым рынком. Одновременно нарабатывался опыт регулирования рыночной экономики, успешно начал свое функционирование Госплан. (Характерно, что образование Госплана и переход к нэпу произошли почти одновременно.) Была осуществлена денежная реформа: российский червонец стал одной из самых стабильных валют в мире. Кажется очевидным, что благоприятные возможности переходной системы должны бы быть использованы с максимальным эффектом. Однако этого не произошло.

Нэп просуществовал всего восемь лет. Почему так случилось? Ответить на этот вопрос нелегко. Нам придется углубиться в историю идейного размежевания внутри правящей

партии большевиков. Три имени при этом должны попасть в поле нашего зрения: Николай Бухарин, Лев Троцкий и Иосиф Сталин.

3. Феномен Николая Бухарина

Революционные процессы на начальных этапах чрезвычайно многообразны и быстротечны. В 1921 г. В.И.Ленин говорил о событиях 1918 г. как о давно прошедшем времени⁴. Резкие изменения в ленинской экономической политике иной раз заставляли врасплох даже самых близких ему людей. История большевистской партии знает много характерных примеров метания от одной крайности к другой. При этом нет оснований сомневаться в искренности намерений, лежащих в основе этих перемен. Думается, что особые исторические условия разворачивания революционного процесса в сочетании с метафизичностью мышления некоторых деятелей российской революции — главные причины искренних заблуждений.

В истории большевистской партии ярчайшим примером такого рода искренних "шатаний" является теоретическая и, в гораздо меньшей степени, практическая деятельность *Николая Ивановича Бухарина* (1888—1938). Н.И.Бухарин как экономист — наиболее яркая и колоритная фигура послереволюционных лет. Будучи в первые годы Советской власти "левым коммунистом", Бухарин быстро эволюционировал вправо. (Но место на левом фланге не осталось пустым: его прочно заняли троцкисты, против которых блестяще в свое время выступил Бухарин.)

Свои левокоммунистические взгляды Н.И.Бухарин выразил в 1920 г. в большом труде "Экономика переходного периода", который в целом понравился В.И.Ленину. Известно, что практика "военного коммунизма" существенно повлияла на большевистскую идеологию. Даже Ленин в какие-то моменты мог поверить в возможность "штурмовым способом" перейти непосредственно к социалистическому производству.

Книга Бухарина отражает господствовавшие настроения того времени. Бухарин фактически отрицает товарную "смычку" между пролетариатом и крестьянством. Он пишет: "Диктатура пролетариата неизбежно сопровождается скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархистской тенденцией крестьянства". Товарно-денежным отношениям вовсе нет места в социалистической экономике, утверждает он далее. Ресурсы же для социалистического строительства можно мобилизовать только "при помощи государственно-пролетарского принуждения"⁵.

Взаимоотношения рабочего класса и всего крестьянства Бухарин рисует как постоянную классовую борьбу, осложненную внутренними конфликтами в самом крестьянстве. Именно в работе "Экономика переходного периода" Бухарин согласился с необходимостью "первоначального социалистического накопления", троцкистской идеей, означавшей фактическую экспроприацию крестьянства. При этом все крестьянство он называет "величайшим тормозом в период строительства коммунистических производственных отношений"⁶. Бухарин не признает никаких переходных форм движения к социализму, полностью отрицает государственно-капиталистические рычаги организации производства и приходит к "ультрареволюционному" выводу: "государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества"⁷.

Книга вышла, но время "военного коммунизма" в его крайних проявлениях уже кончилось. Автор опоздал. В рецензии на эту книгу М.Ольминский писал, что "очень ненадежны были бы коммунисты, которых загнали в коммунизм угрозой расстрела"⁸.

Уже в конце 1920 г. В.И.Ленин заявляет о необходимости возврата к принципам мирного социалистического строительства, провозглашенным весной 1918 г., до гражданской войны и интервенции. X съезд РКП(б) сделал решительный поворот к нэпу. Недолго поколебавшись, Бухарин как дисциплинированный партиец начинает осваивать идеи нэпа. Но в этом он теряет чувство меры: его отход от крайне левой позиции осуществляется с необыкновенным ускорением. Сначала Бухарин видит в нэпе только

политику роста мелкотоварного производства, только метод получения дополнительной продукции⁹. В 1924 г. он уже говорит об "уравновешивании социально-классовых элементов"¹⁰, а в статье "Ленин как марксист" (1924) пишет о полном изживании и отмирании социальных противоречий в условиях нэпа. Такая позиция, во-первых, не была адекватным отражением сложных противоречий в социально-экономическом организме нэповской России. И во-вторых, подобный "равновесный" подход не мог понравиться ортодоксальным большевистским руководителям.

17 апреля 1925 г. Н.И.Бухарин выступает с докладом, ознаменовавшим резкое его "поправление". Именно тогда он бросил свой знаменитый лозунг "Обогащайтесь!", обращенный ко всему крестьянству без каких-либо различий в его социально-классовом составе. Насколько хорошо этот лозунг был бы воспринят сегодня, настолько отрицательно отнеслись к нему товарищи по партии тогда. Ведь Бухарин призвал больше помогать кулакам, сельской буржуазии: "Мы ему (кулаку. — *Авт.*) оказываем помощь, но и он нам, — пишет Бухарин. — В конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись"¹¹.

В эти же дни, выступая на пленуме МК РКП(б), Бухарин говорил: "Думаю, что даже кулацкая кооперация будет вращаться в нашу систему". При этом, по его мнению, все кооперативные организации, так же как и профсоюзы, должны быть "независимы от государственных учреждений"¹². Знавшие Бухарина (а знали его многие, ведь он был редактором газеты "Правда") помнили, что пять лет назад он утверждал обратное: "И профессиональные союзы, и кооперативы должны развиваться по пути к превращению их в экономические отделы и органы государственной власти, т.е. по пути своего огосударствления"¹³. И еще: "Огосударствление профессиональных союзов и фактическое огосударствление всех массовых организаций пролетариата вытекает из самой внутренней логики трансформационного процесса"¹⁴.

В 1921 г., в самом начале нэпа, Бухарин критиковал всех, кто мечтал о мирном вращении непролетарских слоев и классов в социализм¹⁵. Теперь, в 1925 г., он говорит не только о вращении кулака в социализм. Он откровенно заявляет, что делает ставку на кулака¹⁶. А поскольку кулак может существовать только в условиях рынка, Бухарин вполне логично приходит к выводу, что в экономике переходного периода должны развиваться только рыночные формы связи. "Мы придем к социализму через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства"¹⁷, — пишет Бухарин, экономист, который совсем недавно вовсе отрицал товарно-денежные отношения в условиях перехода к социализму.

На первый взгляд кажется, что с этими идеями Н.И.Бухарина надо согласиться: они соответствовали задачам рыночного развития страны. Но за Бухариным невозможно было следовать — как только на него сильно "наседали" товарищи по партии, он тут же отказывался от собственных взглядов и публично призывал к противоположным действиям. В том же 1925 г. Бухарин отказывается от лозунга "Обогащайтесь!", считая его ошибочным¹⁸. В октябре 1926 г. он уже критикует Л.Каменева за то, что тот преувеличивает возможности частнокапиталистического хозяйства как источника накоплений для индустриализации¹⁹. Правда, через год Бухарин мужественно выступил против сталинского понимания индустриализации и коллективизации. Но осуждение его партийной верхушкой в 1928 г. вновь заставило его сменить позиции, заняться самокритикой и "освоением" теперь уже сталинских установок.

В 1928 г. выходит книга Бухарина "К вопросу о закономерностях переходного периода". В ней автор подчеркивает свою приверженность идее директивного планового руководства народным хозяйством, восстанавливает в правах свои левокоммунистические взгляды относительно того, что в переходный период "стихийные регуляторы сменяются сознательными, т.е. экономической политикой пролетарского государства". Человек, совсем недавно требовавший подчинения экономической политики объективным законам вос-

производственного процесса, теперь пишет: "Завоевание власти пролетариатом и "экспроприация экспроприаторов" есть предпосылка для того, чтобы начался процесс lining общественных законов. Этот процесс имеет своей базой рост государственного хозяйства и его влияния"²⁰. В 1932 г. Бухарин становится настоящим апологетом государственного планового хозяйства, отрицающим какое-либо воздействие рынка на социалистическую экономику. "Будущее, — пишет он, — предстоит как план, как цель, каузальная связь реализуется через общественную теологию; закономерность... реализуется через организованное в общественном масштабе действие... В социалистическом обществе теоретическое предвидение может сразу стать нормой действия в масштабе всего общества, т.е. в масштабе "целого". Тем самым дана возможность слияния теории и практики"²¹.

Круг замкнулся. Начав в первые годы Советской власти с апологии государственной экономической политики, Бухарин вернулся к ней, пройдя внушительный этап увлечения стихийными процессами рыночной экономики.

Феномен Николая Бухарина потрясает. Сделав за пять лет бросок от леворадикальной идеологии к правой концепции, он потом — в следующие пять лет — снова вернулся к левой точке зрения на всемогущество государственной политики.

Крайности в теории так или иначе приводили и приводят к экстремизму в практике. Но есть экстремизм людей, твердых в своих убеждениях. Так, Л.Д.Троцкий и троцкисты всегда стояли на крайне левых позициях, всегда были "левее" Ленина и партии. Их упорство было упорством принципиальных противников. А есть экстремизм людей, мечущихся от одной крайности к другой. Этот экстремизм еще более трагичен, особенно если он основан на искренних заблуждениях. Ведь в конечном итоге Бухарин стремился быть в русле партийной политики. Но он всегда делал "лишние", за пределами реализуемого, шаги, а потом, с опозданием начиная движение в обратном направлении, снова не мог вовремя остановиться и доходил до противоположной крайности.

4. Социально-экономическая база сталинизма

Нелегко разобраться в перипетиях идейно-политической борьбы в России первой трети XX столетия. Для этого надо ответить на несколько чрезвычайно острых вопросов: возможно ли было реализовать принятую модель индустриального развития страны? Возможна ли была индустриализация без коллективизации сельского хозяйства в тех формах, в которых она прошла в России? На эти вопросы можно ответить, только опираясь на конкретно-исторический подход, не затрагивая в данном контексте вопроса о верности или неверности самого социалистического эксперимента. Будем исходить из факта совершившейся революции.

Объяснять последовавшие после смерти В.И. Ленина деформации линии нэпа лишь личными качествами тех или иных лидеров — это сильное упрощение. Политико-экономический подход к проблеме предполагает поиск более существенных причин, прежде всего анализ социально-классовой структуры общества первых послереволюционных лет. Мы не без опасений предлагаем свою версию: *главной причиной деформации и даже грубых, антигуманных извращений является крестьянское мировоззрение большинства населения страны, в которой осуществлялась большевистская власть.*

Расставим акценты: мы не будем обвинять крестьянство в деформациях и не склонны морализировать по поводу крестьянского или пролетарского сознания. Речь идет лишь об объективных различиях в социально-экономическом положении рабочих и крестьян. При этом надо учитывать следующее: если правящий класс составляет 10%, а крестьянство — почти 80%, то естественно предположить, что крестьянский фон может означать и своеобразное влияние на выработку экономической политики государства. Тем более что российский пролетариат к тому времени еще отнюдь не оторвался от своего деревенского корня.

Крестьянство никогда не было однородной массой. Классовое расслоение деревни накануне периода индустриализации было таково. Более трети деревенского населения составляли бедняки, ведущие, так сказать, отрицательно воспроизводящееся хозяйство, и сельские пролетарии-батраки, вовсе безземельные. Эти люди весьма восприимчивы к идее всеобщего благосостояния и готовы достичь его ценой недолгой, но решительной борьбы, ценой мгновенного напряжения сил, политической атаки на богачей, к которым они приписывают и просто "справных" середняков. Взять у богатых, экспроприировать собственников крупных капиталов и установить царство уравнительного счастья, в котором никому не позволено выделяться из общей, хотя и серой, но сытой массы. Такой бедняк, разоряющийся или уже разорившийся под ударами рынка, враждебного ему, пойдет за Троцким. Ему понятны леворадикальные идеи красногвардейской атаки на капитал и национализации. Он склонен к левому экстремизму, он и есть социальная база троцкизма, а троцкизм есть его идеология и практика.

На другом полюсе социального спектра деревни мы видим действительного богача, капиталиста-кулака. Собственно кулаков в деревне было немного, их хозяйства составляли всего около 4%. Но экономическая сила хозяйств, рассмотренная "по капиталу", несравненно большая: именно они были главными нанимателями бедняцкой рабочей силы и арендаторами земли с того времени, как это было разрешено. Эти люди удачливы в хозяйствовании и в рыночной борьбе, им нежелательно вмешательство властей в рыночную игру. Для них бедняк — всего лишь неудачник и лентяй, который сам виноват в собственных несчастьях. К тому же бедняк не прочь прибрать к рукам нажитое им, кулаком, богатство. Такой крепкий хозяин чутко прислушивался к идеологам правого реформизма, ему нравились статьи и речи "позднего" Бухарина, который с 1925 г. с небольшими отклонениями выступает с требованиями "нормального" воспроизводственного процесса, создающего "равные" условия для всех.

И наконец, основная масса российских крестьян — середняки. В 1924 г. доля середняцких хозяйств составляла более 61 %. Средняки — самая большая и самая нестабильная часть крестьянства. Осуществляя простое воспроизводство, середняк хочет, но не может разбогатеть и очень боится пролетаризации. Он мечется между ультрареволюционностью батрака и основательностью богача. Средняк может объединиться с бедняком против богача, монополизировавшего местный рынок. Но он может объединиться и с кулаком, против притязаний бедняков, сельских пролетариев и деревенских люмпенов²². Перспективы середняка туманны, настоящее неустойчиво, именно поэтому он склонен искать "сильную руку", крепкую власть, "вождя", особенно такого, который пообещает, что не позволит ему разориться, поможет в случае крайней опасности, защитит от несправедливых притязаний и кулака, и бедняка. Этот крестьянин пойдет за тем "вождем", который, похоже, уверен в своей правоте, "успешно" побеждает, а потом и уничтожает одного за другим своих противников слева и справа. Отсюда недалеко до вывода, что такой "вождь" и есть самый правильный и самый крепкий правитель. Он не угрожает экспроприацией земли, как троцкистские сторонники "первоначального социалистического накопления", и не поддерживает кулаков, как бухаринцы. Он пока еще что-то не вполне понятное говорит о коллективизации, о привычном, почти общинном житье и твердо обещает, что жить станет лучше и веселей.

Внешний политический результат, сплошные "победы вождя" сбивали с толку основную часть населения, не очень грамотную и не имеющую опыта политической жизни. И хотя, в общем-то, было неизвестно, куда он поведет, ему, "вождю", хотелось верить свою судьбу, а вместе с тем и заботу о стабильности государства и народного хозяйства.

Слишком упрощенно и примитивно объяснять сталинизм некими личными качествами и даже болезнями "вождя". Полувековое господство сталинизма (продолжавшееся и после смерти Сталина) без социальной базы — это теоретический абсурд. Сталинизм опирался на двоякого рода социальные силы. Левая антибуржуазная и антикулацкая демагогия привлекла

бедняцкую часть деревни и люмпен-пролетарские слои. Не следует забывать, что из-за неразвитости промышленности разоряющиеся крестьяне отнюдь не всегда становились пролетариями, они пополняли ряды деклассированных элементов города и деревни. Они жили лишь с одной мыслью: у богатых взять, а бедным раздать. Их потребительская идеология находила отзвук в сталинской пропаганде, которая обещала, по крайней мере, "уничтожить кулачество как класс". Но и среднее крестьянство в своей основной массе надеялось на "вождя", как раньше надеялось на царя, на то, что он поможет крестьянам прекратить внутридеревенскую борьбу. К тому же Сталин вроде бы обещал неплохие перспективы: жить артелью, хозяйствовать самостоятельно, выполняя лишь определенные налоговые обязательства перед государством, использовать государственные трактора и другие машины. Бедняки войдут в колхоз и не будут больше враждовать, кулаков экспроприруют и вышлют, они тоже не будут мешать. Можно будет жить под опекой государства, в стороне от крайностей рыночной конкуренции.

Кто же знал, что эти "программные обещания" обернутся столь неисчислимыми бедствиями? Вряд ли кто из крестьянской массы обратил внимание на то, что в 1925 г., когда в деревне, казалось бы, раскрепостили нэпманские силы, руководство во весь голос заговорило о необходимости ускоренной индустриализации страны. И тут же встал на практике вопрос о накоплениях.

Троцкисты рубили с плеча: экспроприировать крестьянство, осуществить "первоначальное социалистическое накопление" и провести мгновенную индустриализацию. Позиция троцкистов была абсолютно неприемлема. Будучи реализованной, она оттолкнула бы крестьян, а это 80% населения.

Позиция "позднего" Бухарина противоположна. Да, рассуждал он, для индустриализации необходимы накопления. Накопления имеются у зажиточного крестьянина, кулака. Средняк едва обеспечивает простое воспроизводство, у бедняка воспроизводство отрицательное. Передача кулацких накоплений в казну через налоги возможна лишь в одном случае — в случае нормального расширенного воспроизводства кулацкого хозяйства. Кулака нельзя трогать, ведь он источник накоплений. Сам же ход индустриализации должен осуществляться по классической схеме — от легкой промышленности к тяжелой, от производства предметов потребления к производству средств производства.

Но и позиция Бухарина оказалась неприемлемой. Во-первых, он не учитывал того, что бедняцко-средняцкая масса крестьян без восторга встретила бы перспективу несколько десятилетий трудиться на кулака. Во-вторых, он не учитывал политическую необходимость ускорения процесса индустриализации: страна неминуемо должна была столкнуться с окружением в военной схватке.

Сталин выбрал простой путь, практически близкий к троцкистскому, тем более что так или иначе успел совершить *колхозизацию*, фактически обманув крестьян в их ожиданиях. Думается, что одна из причин этого явления заключается в том, что многие деятели, не согласные с линией Сталина, легко отступали от своих взглядов, не смогли организовать оппозицию и в запале идеологической борьбы предавали друг друга, предоставляя Сталину карт-бланш для бесконтрольных действий.

Итак, политика ускоренного продвижения по пути индустриализации стала преобладающей. Организация колхозов теперь рассматривалась не как самостоятельная задача, а как способ выкачивания средств из деревни. Рост промышленности, развитие производительных сил не сопровождалось формированием действительно социалистических производственных отношений. Уже не в первый раз в России производительные силы не смогли получить адекватную социальную форму (как, например, при Петре I развитие мануфактурной промышленности осуществлялось на базе ужесточения крепостничества). Естественно, что результат такой политики не мог быть ни долговечным, ни стабильным.

5. Судьба профессионалов: Н.Д.Кондратьев и А.В.Чаянов

Можно только удивляться тому обстоятельству, что в этих условиях в научных учреждениях и вузах России продолжали работать профессиональные экономисты, создававшие новые концепции, мало связанные с внутривластными дискуссиями и политической борьбой. К сожалению, судьба большинства их оказалась трагичной. Независимо от заслуг перед наукой и перед Россией многие были репрессированы, а самые яркие личности казнены в сталинскую эпоху. Трагической участи не избежали Л.Н.Юровский, один из теоретиков денежной реформы 1922—1924 гг., В.А.Базаров (Руднев), один из первых плановиков в России, Л.Н.Крицман, крупный ученый-аграрник, и многие другие.

Экономическая наука, политическая экономия в России всегда были "тюремными науками" (начиная с И.Т.Посошкова). XX в. не стал исключением. Особенно печально то, что в 90-е годы мы по крупицам собираем старые публикации наших крупнейших ученых и горько сожалеем об их не востребовавности. Есть среди этих ученых и всемирно известные исследователи. Это прежде всего А.В.Чаянов и Н.Д.Кондратьев.

Александр Васильевич Чаянов (1888—1939) — один из основателей *организационно-производственной школы* экономистов-аграрников, крупный организатор кооперативного движения с дореволюционных времен. Чаянов выдвинул идею "интегральной сельскохозяйственной кооперации"²³. Понимая преимущество крупного сельскохозяйственного производства, он доказывал, что в России нет условий для развития фермерских хозяйств американского типа. В России оптимальным будет сочетание отдельного семейного крестьянского хозяйства с крупными кооперативными организациями, Собственно выращивание растений и животных должно остаться за семейным хозяйством, а все остальные технологические и экономические процессы (переработка продукции, ее реализация, снабжение, кредитование, научное обслуживание) осуществляться посредством кооперативных организаций.

Блестящим достижением А.В.Чаянова стала разработка методов нахождения естественного оптимума развития трудового крестьянского хозяйства. Ученый доказывал, что всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел производства продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи. Дело в том, что крестьянин использует в своем хозяйстве собственный труд и труд членов своей семьи, стремясь к росту общего, валового дохода, соответствию производства и потребления, равномерному распределению труда и дохода в течение всего года. Максимум чистой прибыли его просто не интересует. Иной раз крестьянин отказывается от высокопроизводительной техники и от новейшей технологии, чтобы сохранить собственную круглогодичную занятость и экономить на амортизации машин. Чаянов вовсе не идеализировал хозяйство семейно-трудового типа, видел его консервативность и неприятие им технического прогресса и считал, что именно поэтому все хозяйственные процессы, осуществляемые за пределами "естественного оптимума", должны быть переданы кооперативным организациям.

Кооперация, с точки зрения Чаянова, могла предотвратить капиталистическую эволюцию крестьянских хозяйств, создавая при этом достаточный простор для прогресса сельского хозяйства²⁴. Все, чем не может и не хочет заниматься отдельный крестьянин (переработка, хранение, сбыт продукции, закупка и обслуживание техники, заготовка минеральных удобрений, семеноводство, племенная и селекционная работа, наконец, кредитное дело), должно быть передано вертикально интегрированным кооперативным организациям самих крестьян.

Характерно, что В.И.Ленин при подготовке своей статьи "О кооперации" использовал идеи Чаянова. Впрочем, сам А.В.Чаянов полностью разделял представления Ленина о социализме как строе цивилизованных кооператоров²⁵.

Идеи Чайнова нашли свое конкретное воплощение во многих странах. Они реализованы в сыроваренной промышленности Франции, в сельскохозяйственных кооперативных организациях Мексики, в кибуцах Израиля, но, как ни парадоксально, оказались не востребованными на родине, исторически более подготовленной к их восприятию. Попытки в настоящее время внедрить в России фермерские хозяйства американского типа, судя по всему, потерпят фиаско, и одна из причин этого — опять-таки незнание достижений отечественной экономической науки.

Судьба другого великого русского ученого *Николая Дмитриевича Кондратьева* (1892—1938) не менее трагична. Н.Д.Кондратьев известен как автор выдающихся работ по проблемам экономической динамики, как создатель теории больших циклов конъюнктуры, наложившей глубокий отпечаток на мировую экономическую теорию циклов и кризисов²⁶. "Большие циклы", длящиеся 48—55 лет, были открыты благодаря огромной работе над мировой статистикой почти за 140 лет²⁷. В настоящее время точного и корректного доказательства их действительного существования нет, но многие факты экономической истории так или иначе подтверждают наличие длительных колебательных процессов не только в экономической, но и в социальной и политической жизни человеческого общества. Так что гипотеза Кондратьева продолжает оставаться актуальной, на ее основе можно разрабатывать долгосрочные прогнозы социально-экономического развития.

Меньше известна многообразная деятельность Н.Д.Кондратьева как одного из теоретиков и практиков отечественного перспективного планирования. Он вступил в конфликт с одним из руководителей Госплана, С.Г.Струмилиным, по принципиальным вопросам. Приверженец теории циклических колебаний в экономике, Кондратьев справедливо настаивал на том, что любой живой экономической организм развивается циклически, независимо от социально-экономического строя. Не так думали работники Госплана, мечтавшие о непрерывно восходящем движении советской экономики. Наивность ученого, пытавшегося доказать обратное, стоила ему жизни.

Н.Д.Кондратьев считал, что план должен включать в себя научный прогноз и именно для долгосрочного прогнозирования необходима разработка теории больших циклов. Струмилин же увлекся директивностью социалистического планирования и полагал главным в планировании не сочетание плана с прогнозом, основанным на изучении конъюнктуры, а соответствие плана поставленным директивными органами целям экономического развития. Струмилин игнорировал стихийные начала в экономике, связанные с действием законов рынка. Кондратьев был убежден, что внутренние законы рынка познаваемы и механизм саморегулирования, заложенный в рыночных отношениях, можно и нужно учитывать в плановом управлении хозяйством.

Если в плане Н.Д.Кондратьев видел источник развития производительных сил более высокими темпами, то рынок, по его мнению, может служить источником информации, являющейся необходимым инструментом научного планирования. Реакция рынка— критерий правильности (или неправильности) принятых плановых решений.

Кондратьев мужественно боролся за реальность планов, против волюнтаризма в планировании. Но его идеи в те времена не были приемлемы для Госплана. Ученый был арестован по вздорному обвинению и, после того как отсидел в тюрьме 10 лет, расстрелян в последний год своего заточения.

Нельзя сказать, что в дальнейшем экономическая теория в России не развивалась. Имена В.В.Новожилова, В.С.Немчинова, Л.В.Канторовича говорят сами за себя. Но это скорее исключение, чем правило.

Примечания и ссылки к теме 6

¹ См.: *Кауфман И.* Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса // Вестник Европы. — 1872. — № V. — С. 426-436.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 16. — С. 269.

³ См.: Плеханов Г.В. Соч. - М.-Л., 1924. - Т. III. - С. 120, 386.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. —Т. 42. — С. 315.

⁵ См.: Бухарин Н. Экономика переходного периода. — М., 1920. — С. 83, 85, 134, 135.

⁶ Там же.-С. 101, 151.

⁷ Там же. — С. 110. В свете этих высказываний трудно поверить, что совсем недавно, в 80-х годах, Бухарина считали чуть ли не предтечей демократизации и рыночного реформирования российского общества.

⁸ Ольминский М. О книге т. Н.Бухарина/Красная новь. — 1921.— № 1.-С.251.

⁹ См.: Бухарин Н. Новый курс экономической политики. — Пг., 1921.-С. 9.

¹⁰ Бухарин Н. Атака. - М., 1924. - С. 191.

¹¹ Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах. — Харьков,1925.— С. 24.

¹² См.: Бухарин Н. Текущий момент и основы нашей политики. — М., 1925.-С. 35, 38.

¹³ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. — Харьков, 1925. — С. 208. Первое издание этой книги вышло в 1919 г. Соавтором Бухарина выступает активный троцкист. В период левокоммунистических увлечений Бухарина такое соавторство было вполне правомерным. Это не помешало Бухарину позже, в период "борьбы с троцкистской оппозицией", правомерно "разоблачить" своего товарища. Результаты известны.

¹⁴ Бухарин Н. Экономика переходного периода. — С. 71, 72.

¹⁵ См.: Бухарин Н., Пятаков Г. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия // Красная новь. — 1921. — № 1. — С. 265.

¹⁶ См.: Бухарин Н. Текущий момент и основы нашей политики. — С. 19.

¹⁷ Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах. — С. 15,44.

¹⁸ Бухарин Н. В защиту пролетарской литературы: Сборник статей. — М.—Л., 1928. — С. 147; *Он же*: Три речи. — М.—Л., 1926. — С. 50, 65, 66.

¹⁹ См.: XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. — М.—Л., 1927. — С.596.

²⁰ См.: Бухарин Н. К вопросу о закономерности переходного периода. - М.-Л., 1928. - С. 13, 25.

²¹ Бухарин Н. Этюды. — М.—Л., 1932. — С. 58, 59. Читаешь такое и невольно вспоминаешь название одной из книг Ф. фон Хайека — "Пагубная самонадеянность"!

²² Вспомним замечательный художественный образ Григория Мелехова из шолоховского "Тихого Дона". В метаниях между различными социально-политическими силами этот человек так и не обрел себя самого, оставшись на распутье ни с чем.

²³ Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. — Барнаул, 1989; *Он же*: Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — М., 1989.

²⁴ Чаянов был и выдающимся статистиком. На базе реальных данных он создал свою классификацию крестьянских хозяйств, противопоставив ее известной схеме "кулак — середняк — бедняк". Чаянов выделил шесть типов хозяйств: капиталистические, полутрудовые, зажиточные семейно-трудовые, бедняцкие семейно-трудовые, полупролетарские, пролетарские. Это был более точный подход, предполагавший и более точную политику по отношению к каждому слою крестьянства. См.: Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. — М., 1927. — С. 28—33.

²⁵ Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. — С. 5, 71.

²⁶ См.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М., 1989; Чаянов А.В. Краткий курс кооперации; Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. — М., 1991.

²⁷ См.: Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. —С. 172—226.

Новые понятия

Переходные формы производственных отношений

"Государственный капитализм "

"Правая " и "левая " экономическая политика

Троцкизм

Сталинизм

Большие циклы конъюнктуры

Вопросы для самоконтроля

1. Почему именно в России еще до Октябрьской революции марксистов было больше, чем во всей Европе?
2. Каково ваше понимание личности В.И.Ленина и его роли в развитии экономической науки ?
3. Каково ваше понимание личности Н. И. Бухарина ?
4. Что вы знаете о личности и экономических идеях И.В.Сталина?
5. Возможно ли сочетание "плана " и "рынка " в одной социально-экономической системе ?
6. Почему кооперативные идеи А. В. Чаянова не реализовались в России?
7. Что кладет в основу своих "больших циклов" Н.Д.Кондратьев?

ТЕМА 7. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ДЖ.М.КЕЙНСА

1. Кейнсианство — переворот в экономической теории XX в.
2. Динамизация теории Кейнса.

1. Кейнсианство — переворот в экономической теории XX в.

Среди экономических теорий XX в. наиболее глубокий след в развитии экономической мысли оставила теория Дж.М.Кейнса. Ее автора, наряду с А.Смитом, Д.Рикардо и К.Марксом, считают одним из самых серьезных исследователей, оказавших решающее влияние на развитие экономической науки.

Джон Мечнард Кейнс (1883—1946) родился в семье известного английского профессора экономики и логики. Получив прекрасное образование (частный колледж Итона и Королевский колледж Кембриджского университета, где он учился у А.Маршалла и А.Пигу), Кейнс некоторое время работал в Индии, а с 1909 по 1915 г. по приглашению Маршалла читал лекции в Кембриджском университете. Именно в этот период его увлечение математикой ("Трактат о вероятности" — 1921 г.) сменяется серьезной работой в области экономической теории. Будучи экономическим советником Англии на переговорах по поводу заключения Версальского мирного договора, Кейнс осудил чрезмерно жесткие меры по отношению к побежденной Германии, полагая, что в перспективе (через 20 лет, как заметил Кейнс) это приведет к новой мировой войне. Ученый оказался прав. Многие экономисты и политики считают, что именно под влиянием этих взглядов Кейнса после второй мировой войны был принят так называемый "План Маршалла", который давал возможность разоренным европейским странам быстрее оправиться от последствий войны.

Кейнс был разносторонне одаренным человеком. Помимо экономики и математики он увлекался живописью, музыкой, балетом, прекрасно знал средневековую латинскую поэзию, коллекционировал старинный фарфор. Вместе с тем он удачно играл на бирже и составил себе солидное состояние — в этом он похож на Д.Рикардо. Женитьба на известной русской балерине из Дягилевского балета Лидии Лопуховой вызвала у Кейнса интерес к России, где он побывал в 1925 и 1928 гг., в результате чего появилась статья "Беглый взгляд на Россию" (1925). Однако Кейнс не питал никаких иллюзий по поводу нового общественного устройства России после 1917 г.

Как уже говорилось, Дж. Кейнс получил образование в Кембридже, а кембриджская экономическая школа отличалась верностью классическим традициям. Однако в середине 30-х годов он отходит от классических взглядов и создает собственную школу.

1.1. Проблемы эффективного спроса у Кейнса

Первые исследования Кейнса связаны с анализом денег, денежного обращения, деятельностью Английского банка. Их результаты отражены в работах "Денежное обращение и финансы Индии" (1913), "Трактат о деньгах" (1930). Позднее ученый сконцентрировал свое внимание на макроэкономических проблемах эффективного роста. Работа "Общая теория занятости, процента и денег" (1936), сделавшая его знаменитым, явилась откликом на последствия Великой депрессии 1929—1933 гг. Рекомендации Кейнса столь ошеломили экономистов и политиков, что не сразу были поняты сильные стороны предлагаемых им государству мер по оживлению экономики в период кризиса. Наиболее полно Кейнс исследует эффективный спрос и проблемы его роста.

Эффективный спрос, по Кейнсу, — это *действительно предъявляемый, а не потенциальный платежеспособный спрос*. Он является и стимулом, и пределом производства, отражает факт подчиненности производства целям максимизации прибыли, т.е. очевидно, что от него зависит занятость. Эффективный спрос определяется долей дохода на потребление и инвестиции. Если он ниже уровня национального дохода, это значит, что часть национального дохода находится в неподвижном состоянии или осела в сокровище. Это значит, что существуют сбережения, которые могут быть обращены в реальные инвестиции или использоваться для потребления. Следовательно, центральное положение кейнсианской экономической теории — *макроэкономическое равновесие*.

Анализ у Кейнса основывается на трех видах переменных: исходных данных, зависимых переменных и независимых переменных. К *исходным данным* любого экономического анализа исследователь относит трудовые ресурсы (их количество, уровень образования и квалификации), наличный уровень техники, наличие полезных ископаемых, традиции и вкусы потребителей. *Зависимые переменные* — это национальный доход и занятость. У Кейнса собственный подход к пониманию занятости. По его мнению, полная занятость — это не 100%-я занятость всего трудоспособного населения, а только такая занятость, которая не реагирует на увеличение эффективного спроса. Таким образом, ученый убежден, что нет альтернативы экономическому росту, что сам экономический рост предполагает определенную незанятость (безработицу) части членов общества (3—4% трудоспособного населения). К *независимым переменным* Кейнс относит процентную ставку, предпочтение ликвидности, предельную эффективность капитала и склонность к потреблению.

Главное неизвестное для Кейнса — *национальный доход*, который обуславливает уровень занятости. Национальный доход исследователь рассматривает в двух аспектах. С точки зрения своей роли национальный доход выступает как источник всей покупательной способности, всего спроса, а с точки зрения происхождения он зависит от величины издержек производства, которые понижаются по мере возрастания стремления предпринимателя к выгоде: чем больше эта часть расходов, тем больше национальный доход.

Все расходы Кейнс делит на две части: расходы на потребление и расходы на накопление. Величина расходов на потребление зависит от психологического фактора, который действует в качестве независимой переменной и отражает зависимость между потреблением и доходом. Кейнс называет этот фактор *склонностью к потреблению*. Склонность к потреблению он считает постоянной величиной. Кроме того, Кейнс вводит понятие предельной склонности к потреблению, которая характеризует изменение потребления в связи с дополнительными доходами. Эта предельная склонность к потреблению подчинена "основному психологическому закону": с увеличением дохода люди потребляют больше, но не в той степени, в какой растет доход.

Склонность к потреблению зависит как от объективных факторов (зарплата и налоги), так и от субъективных (стремление людей делать сбережения на "черный день"). Кейнс отрицательно относится к стремлению людей сберегать, так как считает, что именно это порождает недостаточный эффективный спрос и приводит к диспропорциям и кризисам в экономике. Вместе с тем исследователь внимательно изучает причины накопления людьми наличных денег. Он разрабатывает идею *ликвидности* как таковой и *предпочтения ликвидности*. Ликвидность — это скорость превращения финансового актива в наличные. Предпочтение ликвидности — это стремление финансовых агентов сохранять сбережения в различных денежных формах. Пожалуй, данная идея составляет весьма оригинальное открытие.

Кейнс указывал на существование трех мотивов, способных побудить человека хранить деньги вместо приносящих доход активов (земли, домов, акций и облигаций). Это — *спекулятивный мотив* (страх потерять капитал), *транзакционный мотив* (желание иметь наличность для непредусмотренных платежей) и *мотив предосторожности*. По сути дела, ликвидность у Кейнса — это защита от неопределенности.

Главное звено в анализе Кейнса — не цены, как это было у неоклассиков, а реальная величина продукта, в центре макроанализа — склонность людей к потреблению и сбережению. "Анализ склонности к потреблению, определение предельной эффективности капитала и теория процента — вот три главных пробела в нашем теперешнем знании, которые необходимо заполнить, — отмечает исследователь. — Когда это будет сделано, мы увидим, что теория цен займет подчиненное место в нашей общей теории. Кроме того, мы убедимся, что деньги играют существенную роль в теории процента, и попытаемся раскрыть особые свойства денег, отличающие их от прочих товаров"¹.

Кейнс подчеркивал, что следует различать средние и предельные величины склонности к потреблению и сбережению. Средняя склонность к потреблению APC — это отношение потребляемой части дохода к общему доходу населения: $APC = C/Y$ Средняя склонность к сбережению APS — это отношение сберегаемой части дохода к доходу: $APS = S/Y$, $APC + APS = 1$. Предельная склонность к потреблению MPC — это отношение прироста потребления к приросту дохода: $MPC = DC/DY$.

Предельная склонность к сбережению отражает зависимость прироста сбережений от прироста доходов $MPS = DS/DY$; $MPC + MPS = 1$, так как сумма прироста дохода будет либо потреблена, либо сберегается. Однако на практике, считает Кейнс, ссылаясь на основной психологический закон, она будет распределена между потреблением и сбережением: $C+S=I$, $APC + APS = 1$. Иначе, $C + S = Y$, а $DC/DY + DS/DY = 1$. Кейнс в своей работе обращает внимание на отрицательный эффект сбережений. Он исходит из положения, что расходы одних людей на потребление являются доходами других.

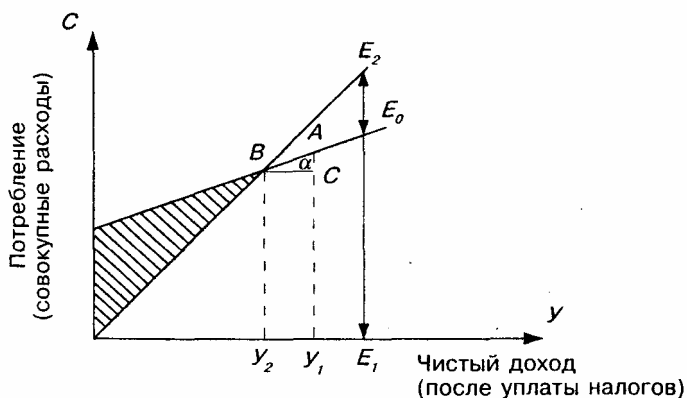

Рис. 7. Склонность к потреблению

График, характеризующий склонность к потреблению, представлен на рис. 7. Биссектриса на этом графике² означает геометрическое место, точек, в которых расходы

населения совпадают с их доходами, т.е. наблюдается макроравновесие. Однако на практике расходы людей на потребление меньше в связи с их склонностью к сбережению, значит, кривая потребления будет отклоняться от биссектрисы вверх до их пересечения в точке B . Это означает, что существует недопотребление, а следовательно, у экономики меньше возможностей для роста. Заштрихованный участок показывает большие расходы людей по сравнению с их доходами, правда, в этом случае рост эффективного спроса создает стимул для расширения производства. Кривая потребления постепенно отлого поднимается, а в точке B потребление совпадает с доходами, что и означает достижение равновесия. Правее точки B находится пространство сбережения, и чем больше доходы людей, тем более высок удельный вес сбережений. Отрезок E_1E_2 представляет собой совокупность доходов населения, а E_0E_2 — сбережения. Треугольник BCA показывает величину предельной склонности к потреблению, которая измеряется тангенсом угла a , т.е. надо знать величину AC и CB ($\text{tga} = AC/CB$).

1.2. Мультипликатор инвестиций

Объяснение предельной склонности к потреблению Кейнс связал с теорией мультипликатора. Сама идея мультипликатора (от лат. *multiplicator* — умножающий) была высказана в 1931 г. профессором Р.Каном, который считал, что всякие затраты, например затраты государства, организующего общественные работы, рождая "первичную" занятость, вызывают новую покупательную способность со стороны рабочих или предприятий, вовлеченных в эти работы. Таким образом, они создают новый спрос, который сам становится источником новой, "вторичной" занятости. Также может возникать "третичная" и последующая занятость, каждая из которых является производной от занятости, созданной первоначально. Но новые расходы составляют только часть доходов рабочих или предприятий, оставшаяся часть идет на оплату старых долгов или откладывается в сокровище. Мультипликатор, т.е. коэффициент, который надо учесть при определении общей, вновь созданной занятости, по Кану, зависит от размеров израсходованных на каждом новом этапе сумм. Обозначив эту часть дохода через капитал, Кан вывел для мультипликатора формулу $K = 1/(1 - K)$ и назвал его мультипликатором занятости.

Именно эту идею и развивает Кейнс, только он назвал свой мультипликатор мультипликатором накопления. Этот мультипликатор, показывающий зависимость национального дохода от сделанных инвестиций ($K = DY/DI$), был введен Кейнсом как величина, зависящая от предельной склонности к потреблению. Если Y — национальный доход, I — инвестиции, C — потребление, a — склонность к потреблению, то $DY = DC + DI$; $DY = a \times DY + DI$; $DC = DY \times a$; $DY = DI(1 - a)$; $DY/DI = 1/(1 - a) = K > 1$, если $0 < a < 1$; K — мультипликатор инвестиций.

Мультипликатор показывает, как изменяется национальный доход при увеличении инвестиций на единицу. Кейнс рассчитал, что для экономики Великобритании и США мультипликатор инвестиций равен 2,5. Действие разовых вложений инвестиций продолжается до момента исчерпания технологического или технического новшества, связанного с этими инвестициями. В том случае, если $0 < D < 1$ (фонд потребления — положительная величина, но не равная всему национальному доходу), мультипликатор инвестиций больше 1, а это означает, что единичное увеличение инвестиций приводит к возрастанию национального дохода больше, чем на единицу.

Именно инвестиции, а не сбережения вызывают изменения в доходе. Кейнс показывает, как через посредство мультипликатора создаются те самые сбережения, которые необходимы для данного уровня инвестиций. Он пишет: "Склонность к потреблению и объем новых инвестиций совместно определяют объем занятости, который, в свою очередь, совершенно определенным образом связан с величиной реальной заработной платы. Если склонность к потреблению и объем новых инвестиций приводят к недостаточности эффективного спроса, тогда действительный уровень занятости будет меньше, чем потенциальное предложение труда при существующей реальной зарплате, а реальная

зарплата, соответствующая состоянию равновесия, будет больше, чем предельная тяжесть труда при том же состоянии равновесия. Приведенный анализ дает нам ключ к объяснению бедности среди изобилия. Одна лишь недостаточность эффективного спроса может привести и часто приводит к прекращению роста занятости еще до того, когда будет достигнут уровень полной занятости"³.

К производительным расходам Кейнс относит все издержки предпринимателя на покупку орудий производства, при этом предприниматель сравнивает предельную эффективность капитала и ставку процента. Иными словами, прежде чем затратить деньги на инвестирование, предприниматель вычисляет идеальную эффективность капитала, подсчитывает прибыль, которую он надеется извлечь из своего капитала в течение всего периода его использования, т.е. вычисляет *ожидаемую*, а не реальную прибыль (так как он может и ошибаться относительно будущей эффективности капитала, т.е. нормы прибыли). Соотношение прибыли и зарплаты Кейнс решает в пользу прибыли. Кроме того, предприниматель решится на производительное использование ликвидных фондов, если норма процента ниже нормы прибыли, ожидаемой от капиталовложений.

У Кейнса норма процента — это плата за расставание с ликвидностью. Если неоклассики считали, что норма процента определяется спросом и предложением денег, то, по мнению Кейнса, норма процента зависит от субъективной оценки экономических агентов текущего и будущего состояния экономики, т.е. это психологический феномен. На самом деле процентная ставка, хотя и относится Кейнсом к независимым переменным, не вполне независима, так как может изменяться в результате изменения предпочтения ликвидности и количества денег в обращении. Например, при возрастании количества денег в обращении процентная ставка приобретает тенденцию к понижению. В таком случае предложение капитала в ликвидной форме возрастает и инвестирование становится более доступным. С другой стороны, денежная эмиссия, вызывая рост цен, уменьшает стремление людей к увеличению ликвидных средств, так как покупательная сила денег уменьшается.

При определенной, очень низкой ставке процента спрос на деньги становится безграничным. Всякое дополнительное предложение на денежном рынке поглощается, не вызывая понижения процентной ставки. Зависимость нормы процента от предпочтения ликвидности и массы денег в обращении показана на схеме 6.

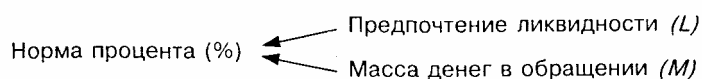

Схема 6. Факторы, влияющие на норму процента

Кейнс отвергает положение Сэя о том, что норма процента способна выступать в роли механизма, регулирующего сбережения домашних хозяйств и инвестиционные планы предпринимателей. Он пишет, что норме процента не под силу соединить "сливную трубу сбережений и кран инвестиций", так как субъекты сбережений и инвесторы — это различные группы, строящие свои планы на разных основаниях, поэтому и происходят колебания общего объема производства, дохода, занятости и уровня цен.

1.3. Государственное регулирование экономики

Большой интерес представляет кейнсианская модель "национальный доход — совокупные расходы". Эта модель (рис. 8) получила название "кейнсианского креста" (по аналогии с "маршаллианским крестом"). При ее анализе Кейнс исходил из того, что следует учитывать как личное потребление (C), так и производительное ("инвестиции — I).

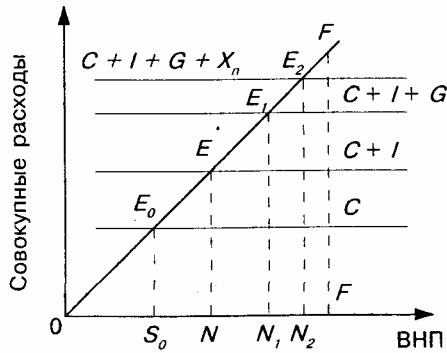

Рис. 8. "Кейнсианский крест"

Если общество, рассуждает Д.Кейнс, не ожидает хороших перспектив в развитии экономики, то предприниматели не будут расширять производство, а сбережения будут стремиться к нулю. Для оживления экономики нужны инвестиции. Если они появились, то национальный доход возрастет от S_0 до N , а точка равновесия переместится от E_0 к E (см. рис. 8). По Кейнсу, именно государство стимулирует активность, государственные расходы (G) возрастают — в этом случае равновесие передвинется от E к E_1 , а производство национального дохода также увеличится (до точки N_1). Такой рост национального дохода будет продолжаться до уровня полной занятости, который достигается при суммировании общих расходов и доходов от чистого экспорта (E_2). Национальный доход к этому случаю примет вид N_2 . Государственное вмешательство приближает экономику к состоянию полной занятости (FF).

Таким образом, кейнсианская равновесная модель может быть выражена формулой $C + I + G + X_n$, где C — потребление, I — инвестиции, G — государственные расходы, X_n — чистый экспорт.

Схематично связи в экономической системе Кейнса можно изобразить так:

$$\begin{matrix} Y \\ N \end{matrix} \left\{ \begin{array}{l} D \\ C \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ P' \end{array} \right. \\ I \left\{ \begin{array}{l} L \\ \% \end{array} \right. \end{array} \right. \left. \begin{array}{l} \\ \\ M \end{array} \right.$$

где Y — национальный доход; N — занятость; C — потребительский спрос; I — инвестиционный спрос; D — доходы; α — склонность к потреблению; P' — предельная эффективность капитала; $\%$ — норма процента; L — предпочтение ликвидности; M — масса денег в обращении.

Масса денег в обращении включает в себя и наличные, и безналичные деньги. Кейнс начал исследовать деньги и их роль еще до того, как приступил к работе "Общая теория занятости, процента и денег". В 1930 г. в книге "Трактат о деньгах" он впервые высказывает фундаментальную идею о том, что деньги оказывают огромное и *существенное самостоятельное* воздействие на хозяйственную жизнь общества и что следует различать деньги в ситуациях *до* начала их вхождения в хозяйственный оборот и *после* окончания этого оборота. Однако в "Общей теории..." Кейнс не развивает эту идею, а только рассматривает структурную схему денег, которая выглядит так:

$$M = M_1 + M_2 + M_3,$$

где M_1 — наличность (разменная монета, казначейские билеты и банкноты) + чековые вклады (депозиты) (в последние 20 лет сюда же стали относить так называемые "нау-счета", т.е. чековые депозиты, по которым платится процент); $M_2 = M_1$ + срочные вклады (депозиты)

+ сберегательные вклады до 100 тыс. долл. + валюта на счетах в других странах; $M_3 = M_2 +$ ценные бумаги + сберегательные вклады свыше 100 тыс. долл.

По Кейнсу, экономическое равновесие определяется в конечном счете равновесием между сбережением и накоплением. Главной бедой современной экономики ученый считает *недостаточность эффективного спроса*, которая связана с прогрессивным сокращением предельной склонности к потреблению, понижением предельной эффективности капитала и чрезмерным предпочтением ликвидности. В этих условиях, утверждает Кейнс, необходимо вмешательство государства, которое выведет экономику из кризиса. По этому поводу он замечает: "Я рассчитываю на то, что государство, которое в состоянии взвесить предельную эффективность капитальных благ с точки зрения длительных перспектив и на основе общих социальных выгод, будет брать на себя все большую ответственность за организацию инвестиций"⁴.

Именно широкое участие государства в инвестировании, организация различных общественных работ (строительство дорог, заводов, освоение новых районов и т.п., даже если эти работы бесполезны), контроль над формами инвестиций, а также регулирование склонности к потреблению через повышение покупательной способности малообеспеченных слоев населения (увеличение пенсий, пособий, стипендий, льготное налогообложение и т.п.) — все это вместе взятое окажет воздействие на инвестиционный и покупательный спрос населения и будет способствовать развертыванию эффекта мультипликации, а значит, росту национального дохода. Это *первый и важнейший путь вывода экономики из кризиса*, который предлагает Кейнс.

Для реализации рекомендаций Кейнса в середине 30-х годов в Англии был создан Национальный совет экономического развития страны, который должен был разрабатывать государственные экономические и социальные программы, определять, какие именно отрасли нуждаются в государственном регулировании, каково должно быть соотношение государственных и частных инвестиций для обеспечения в стране полной занятости и повышения уровня жизни населения. В 1944 г. в Англии была издана "Белая книга о политике в отношении занятости", за которой последовали программные заявления правительств многих западных стран об ответственности государства за достижение полной занятости в течение длительного периода. Такое вмешательство государства в экономику означало действительную революцию в экономической политике.

Второй путь вывода экономики из кризиса — регулирование ссудного процента через денежную массу. Правда, этот путь, считал Кейнс, требует особой осторожности, так как возможно возникновение "ловушки ликвидности" — такого состояния, в котором процент становится неэластичным по отношению к денежной массе (рис. 9). В подобном состоянии применять монетарное регулирование экономики неэффективно: процент очень низок, но даже это не стимулирует деловой активности в условиях инфляции.

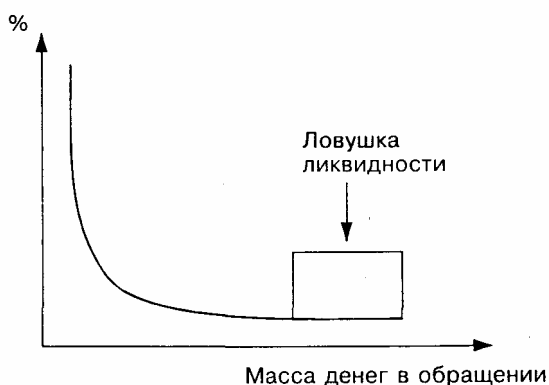

Рис. 9. "Ловушка ликвидности"

Сам Кейнс полагал, что на практике "ловушка ликвидности" вряд ли когда-либо наблюдалась в чистом виде. Позднее исследователи показали, что эластичность спроса на

деньги по проценту фактически имела некоторые ограничения даже в период Великой депрессии. Сейчас многие ученые придерживаются точки зрения, что инвестиции реагируют на изменение процентных ставок более живо, чем считалось ранее. Следовательно, именно первый путь — *увеличение государственных бюджетных расходов (дефицитных)* — позволяет выйти из кризиса.

Кейнс осознавал радикальность предложенных мер. "Расширение функций правительства в связи с задачей координации склонности к потреблению и побуждения инвестировать показали бы публицисту XIX века или современному американскому финансисту ужасающим покушением на основы индивидуализма, — пишет он, — я, наоборот, защищаю его как единственное практически возможное средство полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы"⁵.

Кейнс имеет бесспорные заслуги в развитии экономической теории. К ним относятся:

переключение анализа с цен на реальный продукт;

новый подход к норме процента, когда принимается, что последний менее влияет на уравнивание сбережений и инвестиций, чем колебания уровня производства и доходов;

идея мультипликатора инвестиций;

тезис о невозможности саморегулирования современной капиталистической экономики, прежде всего в области занятости;

введение понятий склонности к потреблению и предпочтения ликвидности.

Кроме того, теория Кейнса способствовала революции в экономической политике. Однако следует отметить и некоторые недостатки его системы. Это — излишний психологизм, не дающий возможности точных объективных измерений, слабый учет инфляции и определенная статичность построений.

Практически сразу же после опубликования книги Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег" появились работы, в которых идеи Кейнса либо полностью принимались, либо подвергались критике, но равнодушных не было. Вот как отзывался об этой работе П.Самуэльсон: "Общая теория..." ужасно написанная книга, она плохо организована. Она полна иллюзий и путаницы... Сама кейнсианская система изложена в ней неясно... Вспышки озарений и интуиции перемежаются с нудной алгеброй. Неуклюжие определения внезапно сменяются незабываемыми пассажами. Когда ее в конце концов одолеешь, то оказывается, что анализ в ней очевиден и в то же время нов. Короче говоря, это работа гения"⁶.

Может быть, и в условиях современной России стоит использовать некоторые рецепты Кейнса по выведению экономики из кризиса, особенно если учесть традиционно широкое участие в экономике российского государства?

2. Динамизация теории Кейнса

В конце 60-х — начале 70-х годов в экономике наступила стагфляция, т.е. инфляция во время кризиса перепроизводства, или одновременное существование инфляции и неполной занятости факторов производства. Инфляция стала самой серьезной проблемой для правительств стран Запада. Методы кейнсианского регулирования экономики не подходили для ее разрешения, поэтому начинается поиск новых методов достижения сбалансированности экономики. И если в период всеобщего увлечения идеями Кейнса многие говорили, что следует мириться с неполной занятостью во имя экономического роста, как мы миримся с розой, несмотря на ее шипы, то теперь все стали видеть одни шипы. Именно в это время возрождается интерес к неоклассическим теориям, но влияние кейнсианства ощущается на всех последующих теориях.

Экономисты пытаются встроить теорию инфляции в экономическую систему Кейнса, и это плодотворная идея. В работе "Мистер Кейнс и классики: предполагаемая интерпретация" (1939) Дж.Хикс вводит понятие неоклассического синтеза, смысл которого в том, что неоклассический синтез — это общая экономическая теория, а теории Кейнса и

неоклассиков — лишь ее частные случаи. В периоды *экономических подъемов*, когда уровень процента высок и практически полностью загружены производственные мощности, используются методы кредитно-денежного регулирования экономики, предлагаемые в рамках неоклассической теории. В условиях *застоя и кризиса*, когда равновесие экономики существует при неполной занятости, используются методы бюджетного регулирования, разработанные в теории Кейнса.

2.1. Классификация направлений кейнсианства

Кейнсианство далеко не однородно. Существуют теории так называемых ортодоксальных кейнсианцев, наиболее полно принимающих идеи Кейнса (Дж.Хикс, А.Филлипс и др.), наряду с этим выделяют некейнсианство (Р.Харрод, Е.Домар, Э.Хансен), левое кейнсианство (Н.Калдор, П.Сраффа, Дж.Робинсон), посткейнсианство (П.Дэвидсон, Х.Мински, Р.Клауэр, А.Лейонхуфвуд, С.Вайнтрауб), новую кембриджскую школу (У.Годли, К.Куттс, М.Фезерстон и др.). Эти ветви имеют не только различия — в них можно увидеть и достаточно близкие подходы к пониманию роли инвестиций и сбережений, а также роли государства, поэтому, например, левое кейнсианство позднее растворилось в более широком течении — посткейнсианстве. Так или иначе, всем названным течениям дали мощный заряд идеи Кейнса. В 40—60-е годы XX в., когда экономика главных капиталистических стран развивалась достаточно стабильно, многие экономисты считали это результатом применения идей Кейнса на практике, а позднее, когда кризисы подорвали оптимизм общества, необходимость новых идей стала особенно очевидной.

Кейнсианство развивается по двум направлениям: в русле первого предпринимаются попытки создать некую общую теорию из теорий Кейнса и неоклассиков, а второе отражает стремление динамизировать теорию Кейнса, с тем чтобы сгладить упомянутые выше ее недостатки и противоречия. Первое направление реализуется в работах Дж.Хикса и Э.Филлипса.

2.2. Циклы Хикса

Джон Ричард Хикс (1904—1989) получил образование в Оксфорде, преподавал в Лондонской экономической школе, в Кембриджском, Оксфордском и Манчестерском университетах. В 1972 г. он стал лауреатом Нобелевской премии по экономике.

Основное внимание Хикс уделяет мультипликатору инвестиций, предпочтению ликвидности и инфляции, их месту в теории экономической динамики, в теории циклов. Этим проблемам посвящены, в частности, его работы "Стоимость и капитал" (1939), "Вклад в теорию торгового цикла" (1950). В книге "Вклад в теорию торгового цикла" Хикс различает свободные и вынужденные циклы. Свободный цикл затухает сам по себе вследствие низкого уровня автономных инвестиций, слабого мультипликатора или слабого акселератора. Вынужденный цикл, приводимый в движение мощными силами расширения, ограничивается полным использованием мощности производства, и поскольку это необходимо влечет за собой задержку в росте объема продукции, постольку акселератор действует в сторону уменьшения инвестиций, а это порождает понижающее движение экономики в целом. В работе "Стоимость и капитал" Хикс соединяет идеи мультипликатора, акселератора, автономных инвестиций и запаздывающих линейных функций.

Таким образом, он исследует, *как осуществляется переход от одного состояния равновесия к другому*. Вводя понятие "запаздывание во времени", Хикс определяет потребление как фиксированную долю в доходе за предыдущий период — в этом случае потребление вызовет соответствующее увеличение инвестиций. В движении экономики Хикс выделяет три стадии: 1) повышенный спрос без новых капиталовложений за счет исчерпания оборотного капитала; 2) осуществление новых инвестиций для удовлетворения нового спроса; 3) вытекающая отсюда серия колебаний. Высшей точкой подъема он считает состояние полного использования ресурсов.

Центральная идея у Хикса — *идея высшей точки развития*, "потолка" и связанных с ним ограничений. Циклы в трактовке этого исследователя отличаются друг от друга числом

и длительностью запаздываний во времени, а также коэффициентами разных функций. Хикс считает, что в системе "уровень процента — выпуск продукции" равновесный уровень находится в точке пересечения кривых функций ликвидности и уровня сбережений. Он показывает неэффективность чрезмерного предложения денег для "подстегивания" экономики, что в сочетании с выявленными барьерами экономического роста, не связанными с трудовыми ресурсами, и обуславливает стагфляцию, не объяснимую на основе теории Кейнса.

В статье "Мистер Кейнс и классики: предполагаемая интерпретация" Хикс приводит диаграмму из кривых $IS — LM$. Он считает, что эта диаграмма выражает сущность теории Кейнса, однако не связывает ее, в отличие от Кейнса, с рынком труда. Позднее Э.Хансен включил в эту знаменитую диаграмму уравнение спроса и предложения на рынке труда. Полученную модель стали называть моделью Хикса—Хансена. Если не учитывать государственного сектора, она представлена в пяти уравнениях:

$$Y = C(Y, r) + I(Y, r) \quad (1)$$

функция дохода;

$$D_n = L(Y, r) \quad (2)$$

спрос на реальные денежные остатки;

$$Y = f(N) \text{ при } f'(N) > 0 \text{ и } f''(N) < 0 \quad (3)$$

агрегатная производственная функция;

$$f'(N) = F(W/P) \quad (4)$$

спрос на труд;

$$N = N(W/P), \text{ когда } W \geq W' \quad (5)$$

предложение труда.

Для упрощения Y понимаем как чистый национальный продукт (ЧНП) в постоянных ценах (или совокупный денежный доход, деленный на индекс цен товаров и услуг, включаемых в ЧНП); C — это реальное потребление; N — труд (число работников); W — совокупные расходы на зарплату в денежном выражении; r — ставка процента; P — средний уровень цен в определенный отрезок времени; I — инвестиции; L — ликвидность; D_n — спрос на деньги. В этой модели труд выступает единственным переменным фактором производства. Спрос и предложение труда являются функциями реальной зарплаты, а по сути, и все приведенные уравнения являются функциями реальных величин.

Идеи Хикса получили широкое распространение. Недаром стали говорить о "хиксианском кейнсианстве".

2.3. Кривая Филлипса

Много споров вызвала статья английского экономиста *Алвина Филлипса*, опубликованная в 1958 г.⁷ На основе анализа статистических данных по Великобритании за 1861—1913 гг. ученый выдвинул утверждение, что существует стабильная зависимость изменения зарплаты от уровня безработицы, а определенные таким образом темпы роста зарплаты, в свою очередь, оказывают решающее влияние на скорость развития инфляции.

Филлипс рассматривает соотношение между долей безработных в совокупной численности самодеятельного населения и часовыми ставками зарплаты, а также индексом потребительских цен (рис. 10) и выявляет такую зависимость: высокие темпы инфляции должны сопровождаться низким уровнем безработицы, и наоборот. Само утверждение не ново, так как известно, что во время экономического кризиса цены падают, а во время подъема — растут. Но здесь важно следующее: полученная кривая имеет отрицательный наклон, что показывает обратную связь между этими переменными. Это значит, что когда уровень безработицы низок и рынок труда динамичен, денежная зарплата должна расти, а при высоком уровне безработицы и вялом рынке труда зарплата не только не растет, но падает. Таким образом, Филлипс впервые установил, что *рост денежной зарплаты может происходить при заметном уровне безработицы*.

Положение о кривой Филлипс обосновывал, во-первых, несбалансированностью рынков труда (по структуре и географически) и, во-вторых, господством на рынке труда профсоюзов

и крупного бизнеса (это влияет на повышение цен и зарплаты). Ученый выяснил, что в Англии тенденция к росту зарплаты проявилась задолго до достижения полной занятости — этот рост начинался при уровне безработицы около 5,5% (на рис. 10 — в точке, где кривая Филлипса пересекает горизонтальную линию, означающую нулевой рост денежной зарплаты). Коллеги Филлипса по Лондонской экономической школе продолжили его исследования, проанализировав ситуацию до конца 50-х годов, и пришли к выводу, что он был прав и что уровень полной занятости на самом деле еще ниже.

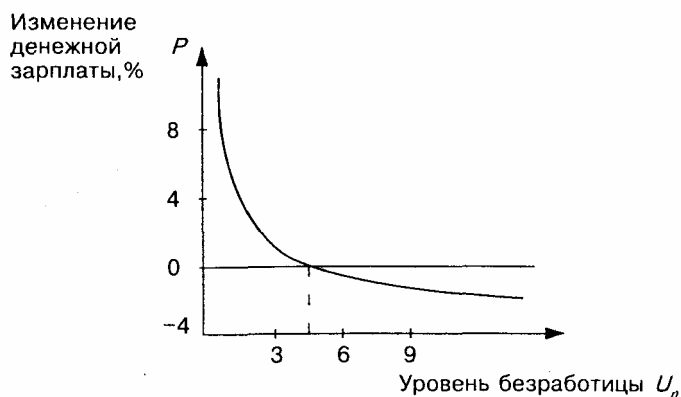

Рис. 10. Кривая Филлипса

Сначала безработицу связывали с изменениями зарплаты, но позднее экономисты стали говорить об отношении между ценами и безработицей, так как вычли из показателей темпов изменений денежной зарплаты более или менее устойчивый тренд, характеризующий темп роста производительности труда. Это выразилось на графике в сдвиге кривой вниз, где она пересекает горизонтальную линию, что отражает нулевой темп роста цен (нулевую инфляцию) при норме безработицы 2,5% для Англии и 4% — для США. Стало ясно, что стабильность цен и безработицы несовместимы. Отсюда вывод: достижение "полной занятости" без инфляции невозможно.

В период стагфляции кривая изменяет свое положение. Причины такого изменения Филлипс не смог объяснить, это сделал **Милтон Фридмен**. В 1968 г. в работе "Роль денежной политики" этот исследователь впервые вводит понятие "естественный уровень безработицы", имея в виду такой уровень добровольной безработицы, при котором "рынок труда расчищается, а уровень реальной зарплаты соответствует равновесию на всех рынках"⁸. Значит ли это, что естественная норма безработицы носит неизменный характер? Очевидно, нет, так как на нее влияют институциональные факторы, а именно действие закона "О минимальной зарплате", а также политика профсоюзов. Естественной нормой безработицы Фридмен считает такую норму, которая при данной структуре спроса и предложения удерживает реальную зарплату и при нулевом приросте производительности труда поддерживает неизменный уровень цен. По расчетам Фридмена, естественный уровень безработицы составляет 5,5%. В долгосрочной перспективе кривая Филлипса принимает вертикальный характер при уровне безработицы, равном инфляции, и это тот уровень (единственный), при котором ожидаемый темп инфляции равен фактическому.

В связи с этим экономическая политика правительства не должна базироваться на управлении спросом (как это рекомендовал Кейнс) для достижения "полной занятости", поскольку естественная норма безработицы — это самый низкий уровень безработицы, который можно какое-то время сохранять, не вызывая инфляцию. Эмпирические расчеты показали, что попытка снизить безработицу ниже естественного уровня, составляющего 5,5%, приведет к всплеску инфляции. Оптимальной целью, считает Фридмен, должно быть достижение нулевой инфляции. Нужна деинфляционная политика, при которой использование производственных мощностей снизится, а безработица возрастет. Это должно продолжаться до тех пор, пока в условиях снижающейся инфляции люди не начнут снижать свои инфляционные ожидания до уровня падающего темпа инфляции. По мнению

Фридмена, это не может продолжаться долго. Ученый предлагает в переходный период производить всеобщую индексацию цен и зарплат, в результате чего кривая Филлипса вновь станет вертикальной.

Между тем события 70—80-х годов позволяют предположить отсутствие явной обратной связи между уровнями инфляции и безработицы, Ряд экономистов утверждают, что в период 1970—1988 гг. кривая Филлипса смещается вправо — это менее желательное положение, когда каждый данный уровень безработицы сопровождается более высоким уровнем инфляции.

Обострения стагфляции некоторые экономисты объясняют шоками предложения. Фридмен причину стагфляции видит в ошибках государственного регулирования экономики.

Появление работы Филлипса привело к тому, что стали говорить об инфляции при относительно низком уровне безработицы как о нормальном и закономерном явлении. Вместе с тем следует отметить, что кривая Филлипса допускает разные теоретические толкования инфляции и связи темпа роста цен с рынком рабочей силы. Она предполагает набор равновесных ситуаций, но в содержание понятия "хозяйственное равновесие" теперь включается кроме существования определенного (4—5%) числа безработных также и хроническая инфляция. В условиях, когда безработица невелика, зависимость изменений зарплаты от изменения цен на потребительские товары более существенна, чем зависимость от безработицы.

При значительной инфляции кривая Филлипса может изменить свое положение: рост цен будет сопровождаться не снижением, а повышением доли безработных, продвижение пойдет не вдоль кривой, а от одной кривой к другой. Это положение особенно характерно для состояния гиперинфляции (в это время цены растут столь быстро, что сдерживают рост занятости в важнейших отраслях экономики).

2.4. "Хансеновская революция"

Существенный вклад в динамизацию кейнсианской теории сделал американский экономист *Элвин Хансен* (1887—1976), "простой парень с фермы", как однажды выразился он сам. Хансен родился в Южной Дакоте, в семье фермеров — датских эмигрантов. Он учился в колледже, затем в Висконсинском университете, но из-за недостатка денежных средств в его образовании были перерывы. Хансен занимался преподавательской и исследовательской деятельностью в университете Миннесоты, а позднее — в Гарвардском университете и в Бомбейском (Индия). За это время он опубликовал ряд серьезных работ — "Экономическая стабилизация в неустойчивом мире" (1938), "Фискальная политика и промышленный цикл" (1941) и др. Мировую известность ученому принесла монография "Экономические циклы и национальный доход" (1951).

Влияние Хансена на общественную и научную жизнь США осуществлялось через его преподавательскую деятельность. П.Самуэльсон писал, что среди экономистов, сыгравших ключевую роль в развитии теории национального дохода, примерно двое из трех прошли школу Хансена. Его семинары для аспирантов в Гарвардском университете превращались в интеллектуальную дуэль, все отмечали его демократизм и образный яркий язык. Хансен оказал немалое влияние и на экономическую политику правительства своей страны. После второй мировой войны он боролся за "полную занятость", в результате в 1946 г. был принят "Акт о занятости", в котором борьба с безработицей провозглашалась первоочередной задачей правительства. В разные годы Хансен был президентом Американской экономической ассоциации, вице-президентом статистической ассоциации. Этот выдающийся экономист-теоретик, по словам П.Самуэльсона, внес "наиболее значительный и оригинальный вклад в теорию определения дохода и в макроэкономику в целом"⁹. А Дж.Тобин писал о "хансеновской революции" в экономической политике.

Наибольшую известность Хансен получил в связи с исследованиями теории цикла, результаты которых отражены в его работах "Фискальная политика и промышленный цикл", "Экономическая политика и полная занятость" (1947) и наиболее известной — "Эко-

номические циклы и национальный доход". Иногда Хансена называют "американским Кейнсом", так как многие американские экономисты именно по Хансену определяют движущие силы экономики. Главным фактором, связанным с колебаниями цикла, он считает изменения в *реальных инвестициях*, т.е. изменения в производстве средств производства, запасах и объеме жилищного строительства. Хансен различает большие и малые колебания. Малые колебания он связывает с изменениями в уровне запасов. Изменения в строительных циклах могут накладываться на большие колебания, что приводит экономику к длительной депрессии.

Денежным факторам Хансен отводит второстепенную роль в длительных циклических колебаниях. Основной причиной таких колебаний он считает *технический прогресс и нововведения*, которые влияют на реальные инвестиции. Для движения экономики нужна непрерывность инвестирования. Хансен различает *стимулированные инвестиции* как функцию изменения производства во времени, *автономные инвестиции* как функцию темпов роста населения, использования ресурсов и технического прогресса и *государственные инвестиции*. Если малы автономные инвестиции, то растет угроза постоянной стагнации, и тогда выход заключается в увеличении государственных инвестиций. Чем выше уровень национального дохода, считает Хансен, тем больше возможностей для инвестирования. В отличие от Кейнса, он рассматривает зависимость, обратную мультипликатору, которую называет *акселератором* (или сверхмультипликатором):

$$b = DI/DY,$$

где b — акселератор; Y — прирост национального дохода; I — прирост инвестиций.

Хансеновская модель экономических циклов учитывает действие и мультипликатора, и акселератора и выглядит так: научно-технический прогресс (НТП) — автономные инвестиции — мультипликативно-акселерационный кумулятивный процесс экономического роста — исчерпание бума — обратный кумулятивный процесс (спад) — толчок к производственным инвестициям и новый виток НТП — вновь кумулятивный рост. Это можно выразить формулой:

$$DI_{t-1} K DY_t b DI_{t+1}$$

где K — мультипликатор; b — акселератор.

Таким образом, основанием цикла Хансен считает научно-технический прогресс. Однако не всегда цикл в движении основного капитала связан с движением новых технологий. Кроме того, Хансен уделяет мало внимания динамике денежной массы и цен и их воздействию на цикл. Его предположение, что эффект инвестиций полностью воплощается в росте национального дохода при малой изменчивости зарплаты и цен, достаточно спорно.

Хансен считает, что существуют *внутренние* механизмы циклических колебаний. "Современный анализ, — пишет исследователь, — обнаруживает, что пока экономика остается динамичной, пока требования роста и прогресса вызывают большие расходы на инвестиции, до тех пор будут действовать могущественные силы, порождающие циклические колебания. Нельзя поэтому рассматривать цикл как патологическое состояние. Он присущ природе современной динамической экономики"¹⁰.

Следовательно, утверждает Хансен, необходима положительная антициклическая государственная программа, которая включала бы в себя встроенные стабилизаторы, автоматически действующие контрмеры, а также программы компенсирования. Назначение встроенных стабилизаторов, к которым относятся прогрессивный подоходный налог, система страхования от безработицы, поддержание цен в аграрном секторе, состоит в том, чтобы изымать с рынка часть эффективного (общественного) спроса в период бума и тем самым притормаживать бум, а в период спада сглаживать наиболее острые противоречия. Все эти меры предполагают активную роль бюджета в регулировании названных процессов. Автоматически действующие контрмеры включают в себя кейнсианские методы снижения

нормы процента — уменьшение Федеральной резервной системой (ФРС) учетной ставки, общее понижение налоговых ставок, скупка ФРС облигаций на открытом рынке, сокращение обязательных резервов и т.п. Все эти меры действенны на стадии депрессии. В период бума эффективны противоположные меры. Программы компенсирования предполагают бюджетное регулирование цикла через сокращение государственных расходов или через их увеличение в зависимости от стадии цикла.

2.5. Модель Харрода—Домара

Дальнейшее развитие кейнсианских идей связано с именами Р.Харрода и Е.Домара. Лучшая книга о Кейнсе была написана именно Харродом.

Рой Харрод (1900—1978) вырос в интеллигентной британской семье и получил прекрасное образование (Вестминстерский колледж, Оксфордский университет), преподавал современную историю и экономическую теорию в Оксфорде. Во время стажировки в Кембриджском университете он слушал лекции Дж.М.Кейнса и Ф.Эджуорта. Знакомство с Кейнсом переросло в дружбу, и Харрод стал первым читателем его "Общей теории занятости, процента и денег".

В своих первых работах "Заметки о предложении" (1930), "Закон убывающих издержек" (1930), "Теория международной экономики" (1933) Харрод рассматривает проблемы денег, колебаний издержек, международной торговли, вводит понятия предельного дохода, сравнительных и предельных издержек, предполагает существование мультипликатора внешней торговли. В книге "Торговый цикл" (1936) он пишет о взаимном влиянии друг на друга колебаний инвестиций, потребления и выпуска капитальных благ. Здесь Харрод впервые исследует проблемы экономической динамики.

Наибольшую известность Харроду принесла работа "К теории экономической динамики" (1948). Под динамикой ученый понимает такое состояние экономики, при котором уровень выпуска продукции меняется не эпизодически и не циклически, а в течение длительного периода. В этой работе Харрод показывает преимущества "золотой середины" экономического роста. Он вводит понятия *гарантированных темпов роста* и *естественных темпов роста*. Считая, что в современных условиях опасна ситуация продолжительного бума, исследователь предлагает "делать сбережения", что совершенно противоположно точке зрения Дж.Кейнса. Гарантированный, фактический темп роста — это такой темп выпуска продукции, который дает возможность получать максимальные прибыли, это такой темп, "при котором производители будут удовлетворены тем, что они делают... это такой темп продвижения, который имеет свойство удовлетворять предпринимателей и увековечивать себя"¹¹, т.е. это динамическое равновесие.

Проблема, которой в теории Харрода уделяется основное внимание, — проблема темпов роста дохода, необходимого для полного использования все возрастающего объема капитала. Харрод пытается определить, постоянны ли темпы роста, каковы корректирующие факторы, если естественный темп роста отклоняется от гарантированного, и т.д. В подходе к проблеме экономического роста у англичанина Р.Харрода много общего с американцем Е.Домаром. Оба считают, что рост национального дохода зависит от нормы накопления и капиталоемкости национального дохода. Различны у этих авторов в основном обозначения, поэтому достаточно рассмотреть уравнение Харрода:

$$GC = S,$$

где $G = DY/Y$ — темп роста национального дохода; $C = I/DY$ — приростная капиталоемкость национального дохода; $S = S/Y$ — доля сбережений в национальном доходе.

Это тождество выполнимо при условии, что все сбережения инвестируются: $S = I$. Приростная капиталоемкость, по Харроду, постоянна, поскольку научно-технический прогресс в длительной перспективе имеет нейтральный характер. Следовательно, для динамического равновесия необходимо постоянство доли сбережений, что возможно на основе реализации определенной государственной политики.

Исследуя цикл, Харрод приходит к выводу, что его колебания зависят от соотношения реального и равновесного темпов роста национального дохода, а отклонения эти вызываются самыми разнообразными причинами.

Основным средством борьбы с мировым кризисом Харрод считает создание "буферных запасов" из непотребляемых материалов, сырья, продовольствия, которые государство должно закупать по относительно стабильным ценам у предпринимателей в период спада и распродавать их в период бума. Кроме того, снижение нормы процента в период кризиса едва ли не до нулевой отметки вызовет рост капиталовложений, увеличение спроса на сбережения и сокращение доли сбережений в национальном доходе. Понижение нормы процента, а позднее и его отмирание приведут, по мысли Харрода, к построению более справедливого общества, так как исчезнет слой рантье, живущих на проценты с ценных бумаг, имущественное неравенство станет менее острым.

Евсей Домар (р. 1914), американский экономист российского происхождения, окончил Калифорнийский университет, доктор философии и профессор экономики ряда американских университетов. В 1943—1946 гг. Домар работал в Федеральной резервной системе. К сфере его научных интересов относятся проблемы экономического роста и факторов, на него влияющих. В своей книге "Очерки экономического роста" (1956) Домар, в отличие от Харрода, рассматривал преимущественно изменения емкости рынка в процессе накопления капитала, т.е. расширенного воспроизводства. Как и у Харрода, у Домара темп экономического развития есть в основном функция только одного фактора — накопления капитала, а уровень и структура накопления зависят от психологической заинтересованности капиталистов в инвестировании, а рабочих — в потреблении.

2.6. Несовершенная конкуренция у Дж. В. Робинсон и Э. Чемберлина

Джоан Вайолет Робинсон (1903—1983) — яркий представитель левого крыла кейнсианства, в 1965—1971 гг. — профессор Колумбийского университета. Особенность подхода этой английской исследовательницы — в соединении кейнсианских и марксистских идей. В работе "Накопление капитала" (1956) она пишет о возможности накопления капитала при отсутствии технического прогресса только за счет понижения зарплаты рабочих. Тогда освобожденные в I и II подразделениях общественного производства средства могут быть основой накопления капитала. Однако Робинсон считает такой способ несправедливым и признает правомерной борьбу профсоюзов за права рабочих в условиях несовершенной конкуренции. В книге "Теория несовершенной конкуренции" (1933), принесшей ей мировую известность, исследовательница дает характеристику состояния экономики в условиях господства монополий и усиления позиций профсоюзов в борьбе за права рабочих. По мнению Робинсон, противоположность движения прибыли и зарплаты, формирование монопольных цен исключают возможность саморегулирования экономики. Поэтому, утверждает она, государство, "прогрессивные предприниматели" и профсоюзы должны сотрудничать, так как все они одинаково заинтересованы в повышении зарплаты. Этот тезис вызывает вопросы — слишком уж явно несовпадение экономических интересов названных сторон. Кроме того, признавая существование противоречий между монополизированным и немонополизированным секторами экономики, Робинсон и другие представители левого кейнсианства недостаточно внимания уделяли противоречиям внутри монополии, проблемам дифференциации продукта и т.д.

"Теория несовершенной конкуренции" Робинсон перекликается с вышедшей в том же 1933 г. книгой американца *Эдварда Чемберлина* (1899—1967) "Теория монополистической конкуренции". Если Робинсон считает, что монополия мешает действию рыночного механизма и несет с собой усиление социального неравенства в обществе, то Чемберлин убежден, что и в условиях господства монополий возможна ситуация, когда одним монополиям не мешают действия других, поскольку у каждого налицо качественная разнородность продукта, что позволяет формировать собственный круг покупателей, свой собственный микрорынок. Необходимо заметить, что мелкие и средние производители также

вынуждены дифференцировать свой продукт, поскольку в настоящее время усиливается индивидуализация совокупного спроса. Чемберлин вообще уверен, что предпринимательство всегда связано с попытками "всякого предпринимателя воздвигнуть собственную монополию"¹². Именно поэтому он считает, что продукт всегда дифференцирован, а чистую конкуренцию никак нельзя считать "идеалом для экономики благосостояния"¹³.

М.Блауг необычайно высоко оценил вклад Чемберлина в экономическую науку. "Революция в теории цены, — пишет он, — вызванная "Теорией монополистической конкуренции", заключалась в том, что возросло число рыночных структур, которые экономическая теория должна проанализировать, чтобы показать, что удовлетворительное функционирование рынка не просто автоматическое следствие из типа конкуренции. В мире монополистической конкуренции и олигополии суждения о благосостоянии и политические рекомендации не могут базироваться только на степени отклонения конкретной рыночной структуры от норм совершенной конкуренции. Теория цены с тех пор стала более сложной и менее удовлетворительной... Мы никогда не сможем вернуться к смелым обобщениям теории цены Маршалла. Именно по этой причине мы вправе говорить о чемберлианской революции в современной микроэкономической теории, подобно тому как мы говорим о кейнсианской революции в макроэкономике"¹⁴.

Как мы видим, и Дж.Робинсон, и Э.Чемберлин рассматривают несовершенную конкуренцию, которую Чемберлин назвал монополистической. Робинсон основное внимание уделяет чистой монополии (случай одного продавца и многих покупателей) и монополии (один покупатель и много продавцов). Она убеждена, что классическая экономическая наука чаще всего исследует идеализированный рынок, поскольку рассматривает множество действующих агентов, а на него оказывают решающее влияние гигантские корпорации.

В случае *чистой монополии*, считает Робинсон, в современных условиях одна фирма производит продукт, не имеющий субститутов (близких заменителей), и это дает ей контроль над ценой. В случае *олигополии* небольшое число фирм на рынке обеспечивает им преимущества в связи с *эффектом масштаба*, а также контроль над ценой. Такие фирмы зависимы друг от друга. Это означает ожидание каких-то действий от конкурентов в ответ на свои действия. Следовательно, формируя свою ценовую политику, каждая из фирм должна принимать во внимание реакцию конкурентов. И при монополии, и при олигополии происходит сегментация рынка, достигаемая разными методами: тайными соглашениями, дискриминацией в ценах и т.п. В результате нельзя говорить об оптимальности в использовании ресурсов и о достижении максимального общественного благосостояния.

Таким образом, Робинсон указывает на несовершенства рынка. Следует заметить, что она пытается решить дилемму: эффективность экономики или социальная справедливость. Однако вера в возможность разделить эти понятия, как заметил М.Блауг, "представляет собой одну из наиболее давних иллюзий экономической науки"¹⁵.

Модели экономического роста у кейнсианцев достаточно просты. Во-первых, они учитывают в основном действие одного фактора — инвестиций. Во-вторых, они предполагают слишком высокий уровень агрегации. В-третьих, для них характерно абстрагирование от исследования влияния других типов НТП, кроме нейтрального, а это может сделать некорректными полученные результаты. Именно поэтому и Харрод, и Домар сами указывали на то, что эти модели — не столько руководство к практическому действию, сколько инструменты экономического исследования¹⁶. Закономерно, что их последователи пошли по пути создания многофакторных моделей.

Примечания и ссылки к теме 7

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. — М., 1978.-С.85.

² См.: Самуэльсон П. Экономика: В 2 т. - М., 1992. - Т. 1. - С. 255.

³ Там же. — С. 83, 84.

⁴ Там же,—С. 229.

⁵ Там же. — С. 455.

⁶ Цит. по: *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994.-С.608.

⁷ См.: *Phillips A.* The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861— 1957 // Economics. - 1958. - Nou.

⁸ Цит. по: *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — С. 631.

⁹ Цит. по: Классики кейнсианства: Р.Харрод, Э.Хансен. — М., 1997.-Т. 2,-С. 25.

¹⁰ *Хансен Э.* Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства... — Т. 2. — С. 306.

¹¹ *Харрод Р.* К теории экономической динамики // Классики кейнсианства: Р.Харрод, Э.Хансен. — М., 1997. — Т. 1. — С. 116.

¹² *Чемберлин Э.* Теория монополистической конкуренции. — М., 1959.-С.292.

¹³ Там же.-С. 293.

¹⁴ *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — С. 368.

¹⁵ Там же.—С. 544.

¹⁶ См.: *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. — М., 1968. — С. 521.

Новые понятия

Эффективный спрос

Склонность к потреблению

Склонность к сбережению

Предпочтение ликвидности

Мультипликатор инвестиций

Естественный уровень безработицы

Акселератор

Встроенные стабилизаторы

Несовершенная конкуренция

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое эффективный спрос?
2. Как понимал Дж.Кейнс полную занятость?
3. Почему Кейнс не считал накопление сбережений безусловным благом ?
4. Какое значение имеет склонность к потреблению для экономического роста ?
5. Что понимал Кейнс под мультипликатором инвестиций?
6. Что такое ликвидность и предпочтение ликвидности?
7. Каково отношение Кейнса к процентной ставке?
8. В чем заключается функция государства по стимулированию эффективного спроса ?
9. Что такое ловушка ликвидности ?
10. Каковы основные заслуги Кейнса?
11. Применимы ли в условиях современной российской экономики рекомендации Кейнса ?
12. Что такое акселератор? Как действует мультипликативно-акселерационная модель?
13. В чем смысл кривой А.Филлипса?
14. Что Э.Хансен считает главной причиной длительных циклических колебаний?
15. Чем различаются у Р.Харрода гарантированный и естественный темпы роста?
16. Каково отношение Р.Харрода и Е.Домара к норме накопления?
17. Какие выводы можно сделать на основании уравнения Харрода ?
18. Чем отличается несовершенная конкуренция от совершенной ?

ТЕМА 8. СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И НЕОКЛАССИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ

1. Неолиберализм в Германии. К "государству всеобщего благоденствия", по Л.Эрхарду.
2. Рыночная экономика Ф.Хайека.
3. Современный монетаризм. Чикагская школа М.Фридмена.
4. "Молодые неоклассики". Р.Лукас и А.Лаффер.
5. Модели экономического роста.
6. Неоклассический синтез П.Самуэльсона.

1. Неолиберализм в Германии. К "государству всеобщего благоденствия", по Л.Эрхарду

С изменением экономической ситуации неоклассическое направление приобретает новые черты. Изменение это заключается, во-первых, в том, что господствующее влияние теперь принадлежит монополиям, которые существенно деформируют механизм свободной конкуренции, а во-вторых, в том, что вмешательство государства в экономику становится обязательным, но минимальным.

В 70-е годы XX столетия в экономике Запада наступает состояние стагфляции. Дефицитное финансирование стало причиной галопирующей инфляции, а неустойчивость мирового капиталистического хозяйства (нефтяной, валютно-финансовый кризисы и т.д.) обусловила невозможность стабилизации экономики национальными средствами. Кроме того, научно-техническая революция привела к резкому изменению номенклатуры изделий, их быстрой сменяемости, возрастанию роли мелкого и среднего бизнеса. Таким образом, существенно увеличилось количество объектов управления, приблизился порог управляемости. В этих условиях меры централизованного воздействия на экономику стали малоэффективными.

В связи с этим кейнсианская теория подверглась острой критике. По словам М.Фридмена, главной бедой кейнсианской политики является стремление к "точной подстройке под цикл", но такая подстройка не достигает результата в связи с временными лагами (от полугода до полутора лет) между моментом принятия решения и эффектом от этого решения. Хотя большинство возражений против кейнсианских мер регулирования экономики в новых условиях справедливы, не следует забывать, что всякая экономическая политика предназначена для конкретного периода, а с изменением экономических обстоятельств нужна новая политика. В новых условиях кейнсианские методы регулирования экономики стали недостаточными. Возникла необходимость в новых антиинфляционных и антикризисных методах, которые позволили бы преодолеть противоречивость государственно-монополистического регулирования экономики.

В развитии неоклассического направления на этом этапе различают два подхода, две школы: западногерманский неолиберализм и американский монетаризм.

Идеи В.Ойкена, Л.Эрхарда, В.Репке, А.Рюстова и других неолибералов легли в основу экономической политики Западной Германии после второй мировой войны. Реализация этих идей породила "западногерманское экономическое чудо". Создатели неолиберального направления работали в основном во Фрайбургском университете, — отсюда и название "фрайбургский кружок" или "фрайбургская школа", иногда говорят о "школе Ойкена".

Справедливости ради следует отметить, что попытки разработать общую неолиберальную доктрину предпринимались еще до второй мировой войны — в 1938 г. в Париже на международной конференции, которую позже стали называть также коллоквиумом Липпмана, поскольку этот американский экономист в том же 1938 г. опубликовал книгу "Свободный город", где излагались неолиберальные идеи. Но именно в Западной Германии эти идеи были успешно применены и приобрели статус государственной доктрины (с 1948 г.).

Профессор *Вальтер Ойкен* (1891—1950), духовный отец реформы, получил образование в университетах Киля, Бонна и Йены. Круг его научных интересов был весьма широк: "национальная экономия", история, статистика, философия, — и это помогло ему успешно защитить первую докторскую диссертацию. После окончания первой мировой войны, на которой Ойкен прошел путь от солдата до командира батареи и был награжден за храбрость, он вернулся к научной работе, защитил вторую докторскую диссертацию. В 1925 г. он стал заведовать кафедрой в Тюбингенском университете, а с 1927 г. до конца жизни был профессором Фрайбургского университета.

В его книге "Основания национальной экономии" (1947), выдержавшей девять изданий, изложены основные идеи неолиберализма. Центральная категория теории Ойкена — категория хозяйственного порядка, который гарантировал бы права, свободы, достоинство человека в обществе, свободном от тоталитаризма. Следовательно, хозяйственный порядок — это не только экономическая программа, а особое мировоззрение, особая идеология свободного и ответственного поведения человека, признающего законы и правила, обусловленные реальной жизнью.

В 1948 г. вышел первый номер еженедельника "Ордо" (от нем. *Ordnung*— порядок). Поэтому неолибералов иногда называют ордолибералами. Сторонники этого направления выступают за "экономический гуманизм", за "международное рыночное хозяйство", защищают третье сословие. С одной стороны, неолибералы объявляют себя последователями старого либерализма с его идеями свободы конкуренции, вечности частной собственности и экономической обособленности экономических агентов, а с другой — они понимают необходимость в новых условиях минимального вмешательства государства в экономику. Недаром Л.Эрхард сравнивал роль государства с ролью футбольного арбитра, который только следит за соблюдением правил игры, но не вмешивается в нее, пока не нарушаются правила.

Неолибералы говорят о порочности современного капитализма, так как он искажает конкуренцию. Они считают, что существует два типа хозяйств: тоталитарное (командно-управляемое), к которому они относят первобытную общину, рабовладение, фашизм, социализм, и социальное (свободное) рыночное хозяйство. По их мнению, в современном капитализме нет гибкости цен, свободы сделок, и в этом виноваты монополии, они — главное зло, причем профсоюзы — это тоже монополии на рынке труда, так как они диктуют цены на рабочую силу и тем самым искажают конъюнктуру рынка.

Отвергая и современный капитализм, и социализм, германские неолибералы ищут третий путь. В социальном рыночном хозяйстве, на их взгляд, реализуются социально-философские основы нелиберализма. Они сформулировали четыре основных принципа, на которых базируется социальное рыночное хозяйство:

1) принцип открытых рынков, т.е. обеспечение свободной конкуренции, которая не должна ограничиваться никакими монополиями;

2) принцип свободы сделки, состоящий в том, что каждый предприниматель имеет право продавать свою продукцию кому он пожелает и покупать необходимые ему продукты у кого он пожелает;

3) принцип частной собственности, заключающийся в том, что частная собственность на средства производства является важнейшим условием конкуренции и свободы сделки, без которых невозможно никакое социальное рыночное хозяйство;

4) принцип ответственности, согласно которому каждый предприниматель должен полностью отвечать за свою хозяйственную деятельность.

Акционерные компании, по мнению неолибералов, — это благо, так как распространение акций среди всех слоев общества делает эти компании демократичными, сглаживает противоречия в обществе, делает несущественными классовые различия. Значит, становится более однородной структура населения, крупная собственность рассредоточивается во многих руках, да и сама собственность как таковая отходит на второй

план в общественных отношениях. В конечном счете увеличение числа акционерных компаний приведет к "государству всеобщего благоденствия" — это и есть новый путь развития экономики. Само социальное рыночное хозяйство, считают неолибералы, является собой "совершеннолетнее общество", третью фазу "нового индустриального общества". Позднее они будут говорить об эволюции этого общества в так называемое "оформленное общество".

Реализация неолиберальных идей началась в 1948—1949 гг. и привела к оживлению производства в послевоенной Германии, а потом и к его бурному подъему, что позднее и стало известно как "западногерманское экономическое чудо". Осуществлению этого "чуда" в Западной Германии способствовали следующие условия: широкая социальная база для развития свободного предпринимательства, помощь американских оккупационных войск в поддержании политической и социальной стабильности по плану Маршалла, но главное, четко проработанная концепция преобразований в германском обществе, разработанная фрайбургской школой еще в период второй мировой войны. (Поразительный факт: идеи о жизни в обществе без Гитлера и национал-социализма обсуждались еще в 1942 г.) Реформа оказалась успешной в значительной степени потому, что ее проводили сами авторы. Это тот редкий случай, когда создателям теоретической концепции представилась возможность проверить ее на практике.

Выдающуюся роль в практической реализации неолиберальных идей сыграл *Людвиг Эрхард* (1897—1977). Закончив реальное училище в Баварии, а после первой мировой войны — Высшую коммерческую школу в г.Нюрнберге, Эрхард защищает докторскую диссертацию, становится заместителем директора научно-исследовательского института в Нюрнберге. Не будучи допущен национал-социалистами к преподавательской деятельности из-за недостаточной лояльности к режиму, Эрхард во Фрайбурге начинает вместе с единомышленниками разрабатывать основы экономической политики после войны. Министр хозяйства Баварии, профессор Мюнхенского университета, а затем министр народного хозяйства Федеративной Республики Германии, вице-канцлер ФРГ при Аденауэре и канцлер после его смерти — таков путь, пройденный Л.Эрхардом.

В книге "Благосостояние для всех" (1956), которая явилась своеобразным отчетом о проделанных преобразованиях, Эрхард Отмечает, что основные цели социального рыночного хозяйства — свобода и справедливость, причем он ясно дает понять, что экономическая свобода невозможна без политической свободы, без государственных гарантий обеспечения прав и свобод человека, без социальной защищенности и социальной справедливости. Неолибералы были убеждены, что все члены общества должны иметь возможность осознавать и реализовывать свое индивидуальное благосостояние в рамках "установленных правовых и моральных границ"¹.

Несмотря на жесткое сопротивление реформам со стороны Социал-демократической партии Германии, Эрхард завоевал доверие народа и провел реформу цен и денежную реформу, а политика планомерного стимулирования производства потребительских товаров не только улучшила снабжение населения, но в той ситуации означала особую разновидность капиталовложений. "...Соображения экономической эффективности снова стали определяющим фактором"², — отмечал Эрхард.

Возникает вопрос, можно ли повторить это "чудо" в России? Вероятно, нет, так как путь каждой страны своеобразен и только собственные усилия на соответствующей социально-экономической базе приведут к положительным изменениям. Эрхард считал именно так и писал: "Если этот немецкий пример должен иметь значение и за пределами границ современной страны, то только в том смысле, что он должен показать всему миру, каким благом является свобода человека и свобода экономического развития"³.

2. Рыночная экономика Ф.Хайека

К неолиберальному направлению в какой-то мере можно отнести и идеи Ф.Хайека, хотя, строго говоря, они не укладываются ни в рамки неолиберализма, ни в рамки кейнсианства, — это глубоко самобытный экономист, социолог и философ.

Фридрих фон Хайек (1899—1992) родился в Вене в семье с глубокими академическими традициями. Он учился в Венском университете, где специализировался в области экономики и юриспруденции. После окончания университета Хайек состоял на государственной службе, в 1927—1931 гг. возглавлял Австрийский институт экономических исследований, в 1931—1949 гг. был профессором Лондонской экономической школы, а с 1950 по 1962 г. заведовал кафедрой политической экономии в Чикагском университете.

Широта научных интересов Хайека впечатляет, его экономическая теория — органичная часть его социально-философской системы. В первый период своей научной деятельности исследователь уделяет большое внимание определению границ познания и возможностей воздействия на общественные явления. В связи с этим его интересуют формы и масштабы государственного регулирования экономики. Исследования в области теоретической психологии ("Структура восприятия", 1952), критика сциентизма в социальных науках ("Контрреволюция науки", 1952), анализ правовых принципов либерального общества ("Конституция свободы", 1960), а также критика современной западной демократии, не соответствующей идеалам свободного общества, в трилогии "Право, законодательство и свобода" (1973—1979) принесли Хайеку широкую известность и в то же время поссорили его со многими учеными и либеральными политиками. Поэтому теории Хайека не получили сначала широкого распространения, и только в конце 70-х — начале 80-х годов произошел своеобразный ренессанс его идей, так как к этому времени выяснилось, что во многом он оказался прав.

Ф.Хайек — один из создателей современной теории денег, он внес фундаментальный вклад и в другие разделы экономической науки, его считают основоположником так называемой *неоавстрийской школы* в экономике. Помимо уже названных известны его работы "Конкуренция как процедура открытия" (1989), "Дорога к рабству" (1944), "Цены и производство" (1931), "Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма" (1988).

Хайек — сторонник свободной экономики без вмешательства государства, когда конкуренция сама устанавливает порядок и создает необходимое равновесие, а побеждает в конкурентной борьбе тот, кто узнал, изобрел, создал нечто новое, кто сумел уловить и *понять рассеянное в обществе знание*. Именно поэтому он называет конкуренцию *процедурой открытия*. По мнению исследователя, такие институты по сбору и передаче информации, как рынок, позволяют использовать это рассеянное знание. При этом Хайек убежден, что помимо явного профессионального знания человек наделен знаниями и умениями, переданными ему генетически, о которых он может и не подозревать до возникновения каких-то особых обстоятельств в реальной конкуренции.

Конкуренция, считает Хайек, была бы бессмысленна, если бы с самого начала было точно известно, кто победит. "Конкуренция, — пишет он, — представляет ценность потому и только потому, что ее результаты непредсказуемы и в общем отличны от тех, к которым каждый сознательно стремится или мог бы стремиться. Кроме того, хотя в целом последствия конкуренции благотворны, они в целом предполагают разочарование или расстройство чьих-то конкретных ожиданий и намерений"⁴. Достоверность конкуренции невозможно заведомо проверить эмпирически — в лучшем случае общество, полагающееся на конкуренцию, в конечном счете успешнее других достигает своих целей, и это подтверждено историей цивилизации.

По убеждению Хайека, именно конкуренция должна выявить результаты рыночного процесса, определить, какая информация является наиболее полезной. В отличие от социализма, где жестко детерминируется иерархия потребностей, которые необходимо удов-

летворить, в спонтанном рыночном порядке используются знания всех членов общества. Несмотря на противоречивость индивидуальных целей экономических агентов, влияние спонтанного рыночного порядка благотворно, так как в рыночном процессе происходит взаимное приспособление индивидуальных планов этих агентов, а также гарантируется производство определенных товаров с более или менее оптимальными издержками.

Хайек полагает, что конкуренция на рынке — это нечто вроде безличного принуждения. Централизованное планирование он считает неэффективным потому, что централизованная система не в состоянии переработать весь массив информации, децентрализованно перерабатываемый рынком, так как информация о конкретном месте, времени и образе действий носит мимолетный характер, быстро теряет свое значение и искажается при передаче.

Ученого интересуют этические проблемы конкуренции и рынка, он убежден, что полной свободы конкуренции нет, однако ограничения накладываются не искусственными барьерами государства, а общими правилами поведения, спонтанно формирующимися в ходе социокультурной эволюции (отказ от присвоения чужой собственности, выполнение обязательств и т.п.). Если эти правила соблюдаются, то экономическая конкуренция "из борьбы всех против всех превращается в борьбу всех ради всех".

Много внимания Хайек уделяет процессу приспособления рынка к изменившимся обстоятельствам. Об изменениях на рынке люди узнают из рыночных цен. Цена поэтому выступает как средство передачи нужной информации. Именно она позволяет каждому потребителю приспосабливаться к изменившейся ситуации. "Целое действует как единый рынок не потому, что каждый из его членов способен обозреть все поле деятельности, — пишет Хайек, — но потому, что индивидуальное поле обзора каждого накладывается друг на друга так, что необходимая информация через многочисленных посредников передается всем". Смысл ценового механизма, по мнению ученого, состоит в сообщении индивидуумам информации о возрастании или понижении спроса на то, что они делают, в силу не зависящей от них причины. Цена диктует не столько, как действовать, сколько, что производить. Такой подход к рынку и цене, по сути, дал возможность современным экономистам разрабатывать проблемы *экономики информации*.

На рынке, считает Хайек, существует только чистая логика выбора, в основе которой — представление о полезности, функционирующей в условиях регулярности происходящих событий. Равновесие на рынке поддерживает важнейшие пропорции в экономике таким образом, чтобы спрос на товары, масса денег для поддержания этого спроса и предложение товаров соответствовали друг другу — лишь при этих условиях используются все ресурсы. Основное следствие инфляции, по мнению Хайека, состоит в расстройстве структуры относительных цен, поскольку каждое очередное "впрыскивание" денег воздействует на экономику неравномерно: в одних секторах цены реагируют сразу, в других — с запозданием. Поэтому информация, заключенная в относительных ценах, искажается, что приводит к неэффективному размещению ресурсов общества. В связи с этим Хайек убежден в необходимости резкого, но непродолжительного сокращения предложения денег, а поскольку нет никакой надежды на разумную денежную политику правительств, следует лишить государство монопольного права на денежную эмиссию.

Теория циклов у Хайека носит монетаристский характер. Цикл исследователь связывает с производственным периодом, а особое внимание в цикле он уделяет избыточному инвестированию. Причину хозяйственных потрясений Хайек видит в кредитно-денежной экспансии банковской системы. Предлагаемые им пути выхода из кризиса — это снижение уровня потребления, стимулирование добровольного сбережения.

Как и вся австрийская школа, Хайек относит к капитальным благам затраты земли и труда, особенно в предшествующий период. Главную роль он отводит оборотному капиталу, который хотя и носит преходящий характер, однако дает "созреть конечным услугам".

Капитал ученый рассматривает не как некий фонд, а как запас определенных товаров, который должен быть воспроизведен.

Хайек считает, что совокупность излишков, образующихся в форме разности между продажной ценой и издержками производства во всем народном хозяйстве, составляет "естественный процент". В хозяйстве, где установлен "естественный уровень процента", имеют место нормальное денежное обращение, полное использование ресурсов, отсутствует принудительное сбережение. Блага, перемещаясь от низших стадий производства к высшим, через равные промежутки времени, соответствующие продолжительности производственного периода, обмениваются на нейтральные деньги. (По сути, понятия процента и прибыли у Хайека становятся идентичными.) Сбережения исследователь рассматривает как общий поток ресурсов, направляемых в отрасли, выпускающие производственные блага. Принудительное сбережение вызывает инфляционное давление на цены, поэтому потребители, чтобы восстановить прежний уровень потребления, предпринимают усилия для "проедания" дополнительного капитала.

Вмешательство государства, по Хайеку, не только нарушает равновесие в экономике, но даже постепенно уничтожает свободу индивидуума и демократию. Поэтому чем больше государство опекает своих граждан, тем вернее оно лишает их всякой свободы. На основании этого Хайек отрицает государственное планирование, а социализм называет посягательством на права человека и грубейшей ошибкой, приведшей в России к тоталитарному режиму. Он считает, что преобладание государственной собственности, всеобщность государственного контроля являются причиной концентрации власти в руках худших в моральном и творческом отношении слоев населения, в этом — причина политического тоталитаризма и коррупции. В связи с этим Хайек пишет: "Неверно думать, что выбор, перед которым мы стоим, — это выбор между системой, где каждый получает по заслугам в соответствии с некими абсолютными и универсальными критериями, и системой, где судьба человека в какой-то мере определяется случайностью или везением. В действительности это выбор между системой, при которой решать, кому что причитается, будут несколько человек, и системой, при которой это зависит, хотя бы отчасти, от способностей и предприимчивости самого человека, а отчасти от непредсказуемых обстоятельств"⁵.

Хайек не устает повторять, что социализм, одно из наиболее влиятельных политических движений нашего века, основывается на ложных посылах (несмотря на благородные намерения некоторых лучших умов). "Эта претензия разума на то, что человечество способно по заранее составленному рациональному плану контролировать и направлять свою будущую эволюцию, имела фатальные последствия для судеб индивидуальной свободы и подготовила почву для тоталитаризма"⁶.

Идеи Хайека оказали и оказывают большое влияние на экономическую теорию и практику Запада. Проведенные в 80-е годы XX столетия в западных странах денационализация собственности и ее приватизация — результат этого влияния. Не случайно ЮНЕСКО приняла решение об издании 22-томного собрания сочинений Ф.Хайека, и этот проект уже осуществляется.

3. Современный монетаризм. Чикагская школа М.Фридмена

Монетаризм — это такое направление экономической теории, в рамках которого анализируются процессы воздействия денег и денежно-кредитной политики на состояние экономики в целом. Центром современного монетаризма является чикагская школа в США во главе с М.Фридменом.

Милтон Фридмен (р. 1912) — выходец из семьи бедных иммигрантов из Восточной Европы. Тем не менее он получил хорошее образование. Окончив Рутгерский университет со степенью бакалавра сразу по двум дисциплинам — математике и экономике, Фридман позднее становится доктором философии (1946) и доктором права (1968). С 1948 г. —

профессор экономики Чикагского университета. В годы второй мировой войны Фридмен работал в Казначействе США, исследовал налоговую политику, в послевоенное время он консультировал мероприятия по реализации плана Маршалла. Известность пришла к Фридмену в 60-е годы, а в 70-е годы его избирают президентом Американской экономической ассоциации. В 1971—1974 гг. ученый был советником президента Р.Никсона по экономическим вопросам. Но основная научная деятельность Фридмена прочно связана с Чикагским университетом, а самого его называют патриархом американской экономической теории. В 1976 г. он стал лауреатом Нобелевской премии. Основные его работы — это "Очерки позитивной экономики" (1952), "Капитализм и свобода" (1962), книга, написанная совместно с А.Шварц, — "Монетарная история Соединенных Штатов, 1867—1960 гг." (1963) и "Роль денежной политики" (1968).

Возникновение чикагской монетарной школы относится к 50-м годам XX в. Основные теоретические положения монетаризма сформулировал Фридмен. Кроме работ Фридмена к чикагской школе относят работы Р.Барро ("Макроэкономика", 1984), И.Фишера, К.Бруннера, А.Мельтцера и др. Представители монетарной школы поддерживают количественную теорию денег, согласно которой цены товаров определяются количеством обращающихся денег.

Сторонники классической количественной теории считали, что скорость обращения денег в движении доходов и реальный объем производства (выпуск продукции) имеют тенденцию к достижению некоего естественного уровня и не зависят от воздействия денег и денежной политики, т.е. могут рассматриваться как константы. Они полагали, что реальный объем производства определяется состоянием трудовых ресурсов государства, его производственными мощностями и т.п., а скорость обращения денег — факторами, сопряженными с количеством ежегодных выплат жалования рабочим. Тогда изменение абсолютного уровня цен приводит к пропорциональному изменению номинального количества денег, и наоборот. Через какое-то время достигается "естественный" уровень скорости обращения и реального объема производства. На самом же деле *в краткосрочные интервалы* могут возникать неожиданные обстоятельства из-за роста реального объема производства. Могут меняться и факторы, влияющие на скорость обращения денег. Таким образом, классическая количественная теория предполагает тесную взаимосвязь количества денег, находящихся в обращении, и абсолютного уровня цен.

Известный историк экономической мысли М.Блауг отмечает, что количественная теория денег укладывается в следующие пять тезисов, которые так или иначе прослеживаются в работах всех современных монетаристов⁷:

- 1) активная и причинная роль денег в определении уровня цен, а следовательно, номинального национального дохода;
- 2) нейтральность денег в условиях *долгосрочного равновесия*, т.е. долгосрочная пропорциональность между деньгами и ценами, основанная на стабильности денежного спроса или обратной ему величины — скорости обращения денег;
- 3) отсутствие нейтральности денег *в краткосрочном и среднесрочном* периодах;
- 4) экзогенность предложения денег;
- 5) недоверие к дискреционному управлению предложением денег.

Классическая количественная теория акцентирует внимание на длительных временных периодах. Но в 30-е годы XX в. стало ясно, что надо исследовать поведение экономики в краткие временные интервалы. Дж.Кейнс после Великой депрессии саркастически заметил, что "на долгосрочных временных интервалах мы давно бы вымерли".

М.Фридмен и А.Шварц в работе "Монетарная история Соединенных Штатов, 1867—1960 гг." пишут о выявленной ими закономерности, согласно которой темпы роста денежной массы, находящейся в обращении, связаны с движением цикла, упреждая общие темпы развития делового цикла. Исследования Фридмена и Шварц открыли взаимосвязь между темпами роста денежной массы и точками экстремумов в деловом цикле. В периоде 1908 по

1916 г. рост предложения денег начинал возрастать приблизительно за 12 месяцев до наступления пиков циклов. Подобно этому рост предложения денег начинал увеличиваться до момента достижения дна делового цикла. В пределах одного делового цикла взаимная связь денежной массы и абсолютного уровня цен не является столь тесной, как в долгосрочных временных интервалах.

В изменившейся экономической обстановке монетаристы переключают внимание на спрос на кассовые остатки и потребность в деньгах со стороны конкретных экономических агентов. И если Кейнс считал, что спрос на ликвидные остатки меняется в зависимости от психологических изменений настроения хозяйствующих субъектов, то Фридмен полагает, что спрос на деньги даже в неблагоприятных условиях относительно стабилен. Он выделяет две категории экономических агентов: *домашние хозяйства*, для которых деньги — одна из форм хранения богатства, и *капиталистические фирмы*, для которых деньги — источник производственных услуг. Вместе с тем следует подчеркнуть, что при подсчете спроса на деньги принимаются во внимание лишь укрупненные показатели. В той же работе "Монетарная история Соединенных Штатов..." Фридмен и Шварц предлагают рассматривать деньги "как предмет роскоши" и говорят об их неодинаковой роли в различных циклических колебаниях. Так, в долговременных колебаниях деньги — "старший партнер", а в краткосрочных и слабых — "равный партнер". Следовательно, они указывают на необходимость различать функции денег в разные временные периоды.

Монетаристы фиксируют внимание на изменениях в количестве денег, находящихся в обращении, как на определяющей функции цен, доходов и занятости. Монетаризм — это современная количественная теория, которая модернизировала классическую количественную теорию: скорость обращения денег монетаристы рассматривают как переменную величину, а не как константу. Монетаристская теория позволяет предсказать поведение этой переменной. Процентная ставка (норма процента) и ожидаемый темп инфляции, с точки зрения монетаристов, суть основные факторы, определяющие скорость обращения денег. Однако монетаристы осознают относительность подобного заявления, они понимают под этим *постепенность изменения* указанной переменной.

Кроме того, современный монетаризм допускает асинхронность взаимосвязи между денежной массой, номинальным валовым национальным продуктом, реальным валовым национальным продуктом и абсолютным уровнем цен. Именно монетаристы доказали, что экономическая денежная политика Федеральной резервной системы США в военные и послевоенные годы явилась причиной инфляции в этой стране. Они предлагали, чтобы постоянный рост денежной массы в обращении был равен примерно 3%-му уровню роста реального производства, характерному для длительных временных периодов. Это так называемое "монетарное правило" и является, по их мнению, лучшей денежной политикой.

Фридмен считает деньги главным фактором, влияющим на краткосрочные колебания деловой активности. Деньги он рассматривает в качестве научной конструкции, которую "нужно изобрести подобно длине, температуре и т.п." В цикле деловой активности деньгам принадлежит определяющая роль. Они взаимодействуют с другими элементами стимулирования деловой активности, но они — самый коррелируемый. При определении основных переменных функций спроса на деньги Фридмен основывается на оптимизационной модели индивидуального поведения, в которой в качестве бюджетного ограничения выступает величина совокупного богатства, включающего и все виды активов, и "человеческий капитал". Различные виды богатства он рассматривает как субституты (заменители) денег. Желательный объем денежных средств в общем портфеле активов, пишет ученый в работе "Теория потребительской функции", определяется в зависимости от соотношения доходности активов, оценок изменения покупательной способности денег, совокупного богатства индивида и ряда других переменных.

Предложенная Фридменом функция спроса на деньги является основным моментом его денежной теории, так как, зная параметры этой функции, можно определить степень

воздействия изменений денежной массы на динамику цен или процента. Фридмен считает, что: во-первых, для стабильности цен важное значение имеет неинфляционный рост денежной массы (3—5% в год); во-вторых, если изменения цен предсказуемы и не очень значительны, то экономический рост возможен и при растущих, и при падающих ценах; в-третьих, изменение денежной массы ведет к изменению дохода.

Другой американский монетарист, **Ирвинг Фишер**, определяет уровень цен, пропорцию обмена между потребительскими товарами и неразменными деньгами, а сами деньги, по его мнению, нейтральны в этом обмене: результат увеличения денежной массы проявляется в пропорциональном изменении уровня цен. Фишер вывел уравнение экономического равновесия:

$$MV = PQ,$$

где M — масса денег в обращении; V — скорость обращения денег; P — средневзвешенная цена; Q — выпуск продукции.

Строго говоря, представления о равновесии у кейнсианцев и монетаристов различаются не столь уж заметно — это различие состоит в подходе к достижению равновесия. Кейнсианцы считают, что достижение равновесия возможно через государственное стимулирование эффективного спроса. Монетаристы же категорически отвергают этот путь и предлагают идти к стабильности через освобождение от регулирования и оздоровление денежного обращения.

Если Кейнс утверждал, что потребление зависит в основном от *текущего дохода*, то Фишер установил, что оно определяется доходами, которые потребитель ожидает получить *в течение всей своей жизни*. Фридмен предложил для объяснения поведения потребителей *гипотезу постоянного дохода* (склонность к потреблению — постоянная величина). Эту позицию Фридмена поддерживает **Франко Модильяни** в своей *гипотезе жизненного цикла* (1985). Модильяни считает, что потребитель может распределить ресурсы, которыми он располагает в течение жизни, по оставшимся годам до выхода на пенсию (65 лет), с тем чтобы иметь стабильный уровень потребления в течение всей жизни.

Фридмен подробно анализирует, может ли политика расширения совокупного спроса (а следовательно, увеличения массы денег в обращении) привести к снижению уровня безработицы, и если может, то в какой период времени. Ученый приходит к выводу, что равновесие экономики определяется реальными факторами — производственными и социально-экономическими. Если же, в соответствии с теорией рациональных ожиданий, ожидания экономических субъектов расходятся с реальностью, то изменения номинального совокупного спроса повлияют на реальный объем производства и занятости. По мере адаптации экономических субъектов к изменившимся обстоятельствам отклонение текущего значения уровня безработицы от естественного уровня уменьшается.

Таким образом, Фридмен ставит под сомнение положение, что увеличение массы денег в обращении способно повысить уровень занятости и снизить процентную ставку. По Фридмену, увеличение массы денег связано с операциями федеральных резервных банков на открытом рынке, когда эти банки осуществляют покупки государственных ценных бумаг у коммерческих банков, увеличивая тем самым резервы последних и создавая возможность расширения масштабов депозитно-чековой эмиссии. В этом случае снижение процентной ставки происходит параллельно с увеличением банковских резервов. Далее увеличивается объем расходов и номинальных доходов, ослабляющих первоначальное снижение процента.

Фридмен считает инфляцию всегда и везде именно денежным феноменом, а ее причину видит в ошибках кредитно-денежной политики государства. Он убежден, что государство должно минимально вмешиваться в экономические процессы, что оно должно осуществлять лишь некоторый контроль над ценами, а это возможно, если следовать "денежному правилу", предполагающему умеренный и стабильный рост денежной массы в пределах 3—5% в год. Другими словами, Фридмен выступает за максимальную экономическую свободу всех хозяйствующих субъектов.

С точки зрения монетаристов, и без государственного вмешательства рынки достаточно конкурентны, а конкуренция сама обеспечивает высокую степень макроэкономической стабильности. Они полагают, что закон о минимальной ставке заработной платы, законодательство, отстаивающее интересы профсоюзов, поддержание цен на сельскохозяйственную продукцию и другие меры, предпринимаемые государством, усиливают негибкость экономики, а непродуманная дискретная фискальная кредитно-денежная политика государства подрывает ее стабильность, усиливает циклические колебания.

В работе "Доводы в пользу гибких валютных курсов" Фридмен предлагает реформировать международную валютную систему. Золото, считает он, — это всего лишь товар с определенным уровнем цены. Рекомендации Фридмена сводятся к следующему: 1) отмена фиксированной цены золота; 2) отмена законов, запрещающих в США частным лицам владеть золотом; 3) отмена золотого обеспечения внутреннего денежного обращения США; 4) продажа банками США золота по рыночной цене на аукционах; 5) отмена официальных фиксированных паритетов между долларом США и другими валютами; 6) предоставление другим странам возможности поддерживать свою валюту по сравнению с долларом США. Большинство из этих предложений были приняты правительством США и Международным валютным фондом. Сам Фридмен писал: "Что нам действительно необходимо, так это не тонкое управление экономикой, подобное действиям умелого водителя, плавными движениями руля избегающего неровностей дороги, а способ, каким можно было бы удержать пассажира, наделенного властью определять денежную политику, от того, чтобы он не схватился за руль и не сбросил машину в кювет".

Не всегда и не во всем можно согласиться с монетаристами. Например, представление об инфляции как о чисто денежном феномене экономики, с которым поэтому легко справиться, достаточно спорно. Инфляция в современных условиях — это результат деформации денежной системы.

Так или иначе у монетаристов много сторонников в разных странах. Спорят о монетаризме и в России, где термин "монетаризм" едва ли не получил негативный оттенок в связи с неудачами проводимых экономических реформ. По-видимому, дальнейшее развитие экономики будет определяться сочетанием монетарных и немонетарных факторов. *Монетарные* контролируются Центральным банком и зависят от темпов роста денежной массы в обращении, которые приблизительно совпадают с динамикой роста кредитных вложений банка. *Немонетарные* факторы инфляции непосредственно не контролируются Центральным банком, а определяются структурными особенностями экономики, темпами дальнейшей либерализации цен, степенью монополизации хозяйства, возможностью трудовых коллективов и профсоюзов влиять на размеры зарплаты и т.д. Например, освобождение цен на энергоносители неизбежно приведет к новому повышению цен на все товары. Центральный банк не может предотвратить новый всплеск инфляции, но он может повлиять на сам уровень повышения цен.

Специфика экономики России переходного периода не позволяет использовать рецепты монетаризма полностью, однако некоторые положения "денежного правила" Фридмена вполне применимы к ней: ограничение участия Центрального банка в ликвидации денежных шоков путем выбрасывания денежных знаков на рынок вне связи с ростом реального валового национального продукта; усиление самостоятельности кредитных организаций, ослабление слишком жесткой связи с Центробанком, которая превращает их в посредников между Центробанком и потребителями их услуг.

Вместе с тем отдельные положения монетаризма в российской экономике переходного периода неприменимы. Например, адаптация к "естественной безработице" в России представляет собой серьезную проблему, так как зачастую она сопряжена с необходимостью смены места жительства, профессии, с нежеланием соглашаться на пониженную оплату труда. Кроме того, сам статус безработного, получающего нищенское пособие по

безработице, — это для россиянина грань физического и даже морального выживания, так как человек практически лишен выбора.

Таким образом, применение принципов монетаризма в современной России требует взвешенного подхода.

4. "Молодые неоклассики". Р.Лукас и А.Лаффер

В 70-е годы XX в. появились сомнения в эффективности и кейнсианства, и монетаризма. Одним из усомнившихся был *Роберт Лукас* (р. 1937), профессор Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике⁸ (1995), автор *теории рациональных ожиданий*, глава так называемой *новой классической школы*, член Академии наук США, вице-президент Экономического общества.

Нобелевская премия была присуждена Р.Лукасу "за разработку и применение гипотезы рациональных ожиданий, которая привела к изменению макроэкономических анализов и углублению нашего понимания экономической политики". На присуждении было отмечено огромное влияние разработанной Лукасом теории на макроэкономические исследования, способствовавшие быстрому и "революционному развитию экономической науки".

Суть теории Лукаса заключается в том, что люди ожидают определенных результатов от политики государства в отношении занятости и производства. Если рыночная экономика и система цен существуют в условиях совершенной конкуренции, то рынки быстро ("мгновенно") адаптируются, люди своим поведением на рынке нейтрализуют всякую систематическую политику государства по стабилизации. Таким образом, сторонники данной теории верят в коллективный смысл поведения экономических субъектов, но сама совершенная конкуренция нереальна.

В 60-х годах американский экономист *Джордж Мут* ввел в научный оборот термин "*рациональные ожидания*". В отличие от адаптивных ожиданий, которые складывались на базе прошлой экономической информации и прошлого экономического опыта, рациональные ожидания опираются и на прошлые данные, и на всю доступную современную информацию о состоянии экономики. Первые модели рациональных ожиданий предложили Т.Сарджент и Н.Уоллес в книге "Теория рациональных ожиданий и экономическая политика. Современная макроэкономика" (1989), Р.Лукас в книге "Исследование теории делового цикла" (1991), он же в работе, написанной совместно с Т.Сарджентом, "Рациональные ожидания и экономическая практика" (1991). Сторонники этой теории объявили о создании новой классической макроэкономики, суть которой состоит "в приверженности общему равновесию и оптимизированному стратегическому поведению"⁹.

Надежды на будущее важны для всех, кто принимает экономические решения — для компаний, организаций, в том числе и для отдельных семей. Еще несколько десятилетий назад соответствующие расчеты строились на произвольной и даже статической основе. Например, ожидаемый уровень цен рассматривался как практически неизменный. Авторы теории рациональных ожиданий считают, что эта теория позволяет постоянно заглядывать вперед и соотносить ожидания населения с изменяющейся информацией, определять "самые эффективные статистические методы в деле оценки экономических взаимоотношений, для которых ожидания являются ключевым компонентом".

Теория рациональных ожиданий предполагает, что люди наиболее оптимально используют имеющуюся в их распоряжении информацию о проводимой экономической политике и в соответствии с этим строят свои прогнозы. *Томас Сарджент* утверждает, что проводимая правительством денежная и бюджетно-налоговая политика дает людям повод в перспективе ожидать высокой инфляции. Впечатление, что инфляция имеет собственный внутренний импульс, обманчиво — на самом деле именно долгосрочная государственная политика, которая сопровождается крупными бюджетными дефицитами и увеличением выпуска денег в обращение, порождает инфляционную инерцию. Следовательно, считает Т.Сарджент, экономическая политика правительства должна измениться, должны быть

определены и обнаружены пределы дефицита государственного бюджета. Только тогда население будет больше доверять правительственной политике, его инфляционные ожидания будут уменьшаться, что, в свою очередь, повлияет на выбор между инфляцией и безработицей в краткосрочном периоде.

Теория рациональных ожиданий, как и всякая экономическая теория, не может претендовать на абсолютную достоверность, ведь никогда нельзя предугадать, какие программы правительства вызовут у населения большее доверие. Кроме того, надо иметь в виду, что доступность информации будет различной для рядового потребителя и для правительственного чиновника. Наконец, нельзя предсказать, через какой промежуток времени до потребителя и производителя дойдет необходимая экономическая информация. Следовательно, в этой теории слишком много субъективных моментов, которые не всегда поддаются учету и измерению.

К современным неоклассикам мы относим и авторов *теории предложения* — А.Лаффера, Р.Барроу, П.Эванса, М.Фелдстайна, Дж.Эллиота и др. Направление, в рамках которого разрабатывалась теория предложения, оформилось как школа макроанализа на рубеже 70—80-х годов в США и Англии. Его представители считают, что стимулирование спроса заведомо не приведет к хорошим долгосрочным результатам, поэтому государство должно переориентировать свою политику на поощрение накопления капитала, инвестиций в частном бизнесе, для чего в первую очередь нужно снизить налоги с предприятий. Снижение налогов, по мнению авторов теории предложения, не должно привести к росту дефицита госбюджета. Наоборот, в ответ на дополнительные стимулы в виде снижения налогов и общей активизации рыночного механизма предприятия будут резко наращивать свое производство, а масса налоговых поступлений увеличится, несмотря на уменьшение ее нормы.

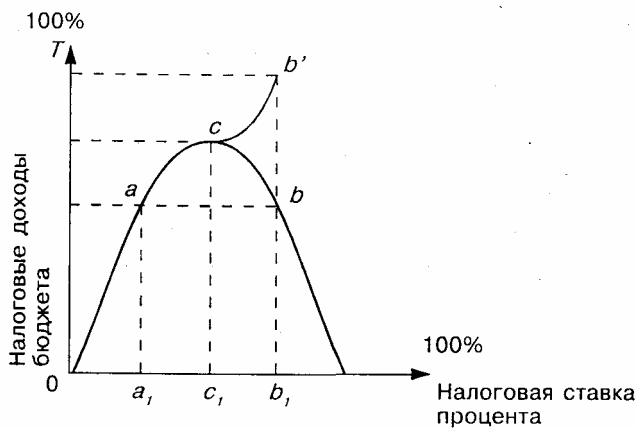

Рис. 11. Кривая А.Лаффера

Один из создателей этой теории, **Анри Лаффер**, иллюстрирует свои идеи с помощью кривой, названной его именем (рис. 11). На графике вправо по горизонтальной оси отложен размер налоговой ставки государства; вверх по вертикальной — размер налоговых доходов государственного бюджета. Вначале, по Лафферу, повышая норму налогообложения, государство увеличивает массу своих доходов, но это имеет место лишь до определенной точки (на графике — точка *c*). После ее прохождения дальнейшее повышение налогообложения ведет к уменьшению массы налоговых поступлений вследствие резко отрицательного воздействия чрезмерно высоких налогов на экономическую активность частного сектора. Поэтому снижение налоговой ставки, показанное на отрезке кривой Лаффера слева от точки *c*, вызовет не сокращение (или кратковременное сокращение), а увеличение массы налоговых доходов государства и приведет к сокращению дефицита госбюджета. Точка *c* соответствует максимальному размеру налоговых поступлений в бюджет государства (это наблюдается при ставке налога примерно в 45%). Точки *a* и *b* указывают на одинаковые доходы. В точке *b* ставка налога равна примерно 60%, но доходы

государства соответствуют точке a , где ставка налога равна приблизительно 35%. Отрезок a_1b_1 на оси ординат соответствует величине налогов, которые бюджет государства недополучил. Это потери и производителей, и потребителей (производство сокращается с точки b_1 до точки a_1 на оси абсцисс).

На базе данных американской статистики Лаффер рассчитал, что когда налоговая ставка превышает 50%, резко снижается деловая активность в отрасли. Это и заставило американское правительство провести в 1986 г. налоговую реформу: предельная ставка процента была понижена с 46 до 34%. В России, так же как и в других странах, чрезмерно высокие налоги, которые должны платить производители, оборачиваются потерями доходов государственного бюджета, производители стремятся скрывать свои доходы от налогообложения. Именно поэтому в нашей стране сейчас так остро стоит вопрос о новом, более мягком налоговом законодательстве.

Однако, как пишет шведский экономист *Клас Эклунд*¹⁰, кривая Лаффера не дает ответа, при каком размере ставки налога положение верно. Для разных стран оптимальными будут разные уровни ставки налога, так как у них разная структура и разная доля государственного сектора. Сторонники данной теории убеждены в том, что если резко уменьшить долю государственного сектора, то частный бизнес сумеет обеспечить и высокую занятость, и экономический рост, т.е. государственный сектор эти экономисты воспринимают как препятствие для роста производства в частном секторе.

Практика показала, что надежды на бурный рост инвестиций и соответствующий рост валового национального продукта при снижении налогов, которые питали в США, не оправдались в полной мере, поскольку увеличение ВВП было не слишком велико и вызвало лишь небольшой рост государственных доходов. В то же время возникли новые проблемы. Для состоятельных налогоплательщиков снижение налогов было благом, но те, кто зависит от правительственных программ социальной помощи (талоны на питание, школьные завтраки и т.п.), испытали шок.

5. Модели экономического роста

В 60—70-е годы XX в. внимание общества привлекли разрабатывавшиеся в рамках неоклассических теорий модели экономического роста, авторы которых, широко используя математический аппарат, пытались решить проблемы потенциального и устойчивого роста экономики, определить условия достижения динамического равновесия. Главное в этих моделях — поиск способов достижения цели оптимального роста.

Данный подход характерен и для нашей страны: российские экономисты успешно разрабатывают модели межотраслевого баланса, на базе которых рассчитывают межотраслевые пропорции, валовой и конечный продукт, личное и производственное потребление. Преимуществом моделей межотраслевого баланса является их динамический характер. Модели экономического роста, разрабатываемые на Западе, сначала носили статический характер, были лишь двухотраслевыми, потом в них стали вводить некоторые реальные факторы, влияющие на экономический рост (деньги, акции, финансовые активы). Позднее в эти модели наряду с чисто экономическими характеристиками начали вводить и социальные, и институциональные факторы.

Модели данного типа состоят из трех подсистем: из домашнего хозяйства, сферы предпринимательства и государственного сектора. В этом случае модели обогащаются за счет проникновения в них отдельных кейнсианских, монетарных и других концепций. Большой вклад в развитие моделей экономического роста внесли работы американцев Дж. фон Неймана, В.Фелпса ("Золотое правило экономического роста", 1961), Р.Дорфмана, П.Самуэльсона, Р.Солоу ("Линейное программирование и экономический анализ", 1958), голландца Я.Тинбергена ("Математические модели экономического роста", 1962) и др. Появляются и модели смешанного типа, в которых синтезированы теории потребления, капитала, денег, занятости и т.д. Эти модели получили название гамильтоновской экономики

(в экономическую теорию привнесен принцип детерминированности движения в физике). В них широко используются также элементы теории принятия решений и теории игр. Таким образом, совершенствуется аппарат исследования, расширяется содержание моделей.

Большой интерес представляет аппарат производственных функций, с помощью которого определяется зависимость общей величины национального продукта (национального дохода) от затрат капитала, труда, земли. Производственная функция в общем виде выглядит так:

$$Y = KdY/dK + LdY/dL + N dY/dN,$$

где Y — стоимость произведенного продукта (национального дохода); K, L, N — затраты соответственно капитала, труда, земли; $dY/dK, dY/dL, dY/dN$ — частные производные, определяющие предельные продукты капитала, труда, земли.

Общий вид формулы явно указывает на теорию трех факторов производства Ж.Б.Сэя и теорию производительности трех факторов Дж.Б.Кларка. Следует заметить, что с помощью данной функции может быть описан процесс создания потребительной стоимости, но она непригодна для анализа источников стоимости. Кроме того, производственная функция в таком виде предполагает бесконечную делимость каждого фактора и возможность изменения выпуска товаров при бесконечно малом изменении любого фактора, а также независимость факторов. Предельный продукт каждого фактора определяется его нормальным, естественным уровнем, который складывается в условиях свободной конкуренции.

Наиболее распространенный вид производственной функции — функция Кобба—Дугласа, названная по имени ее создателей. Американский экономист **Пол Дуглас** еще в 1927 г. заметил, что распределение национального дохода между трудом и капиталом мало изменяется во времени, т.е. с ростом производства и рабочие, и собственники капитала равным образом пользуются благами процветающей экономики. Перед Дугласом встала задача определения причин такого постоянства долей факторов производства. Он обратился к математику **Чарльзу Коббу**, чтобы тот отыскал функцию со свойствами постоянных долей факторов производства при условии, что факторы производства всегда получают свои предельные продукты. Такая функция получила следующее выражение:

$$Y = a_1 K a_2 L a_3,$$

где a_1 — коэффициент пропорциональности; a_2, a_3 — коэффициенты эластичности выпуска товаров по затратам капитала и труда.

Данная функция строится при предположении об *абсолютной взаимозаменяемости* труда и капитала, о *постоянной отдаче* каждой единицы любого фактора.

Возможны следующие варианты использования функции Кобба—Дугласа:

- а) $a_2 + a_3 = 1$ — неизменная эффективность факторов производства;
- б) $a_2 + a_3 > 1$ — растущая эффективность факторов производства;
- в) $a_2 + a_3 < 1$ — падающая эффективность факторов производства.

Более поздние исследования, проводившиеся в США в 1948—1989 гг., подтвердили постоянство распределения национального дохода. Отношение дохода труда к доходу капитала оставалось в границах от 2 до 3. (Доход труда — это зарплата наемных работников, а доход капитала — это прибыли корпораций, за вычетом налогов, рентного дохода и амортизации, без дохода самих собственников, так как последний представляет собой комбинацию трудового дохода и дохода капитала.)

Дальнейшая модификация производственной функции Кобба—Дугласа связана с явным учетом в ней влияния научно-технического прогресса. Один из возможных видов таких функций — *производственная функция Тинбергена*, в которой НТП учитывается через показательную функцию:

$$Y = a_1 K a_2 L^{1-a_2} R^{rt},$$

где r — коэффициент эластичности выпуска продукции в зависимости от НТП.

Ян Тинберген считает основными параметрами экономического роста норму отдачи по приросту продукции и долю чистых инвестиций. Эти параметры не произвольны, они

зависят от технического прогресса, системы экономических отношений, намечаемых изменений в структуре производства и конъюнктуры мирового рынка. Капитал Тинберген полагает единственным ограниченным фактором.

Российский ученый **Леонид Витальевич Канторович** (1912—1986) в своей работе "Оптимальные решения в экономике" (1972) рассматривает экономический рост на базе линейно-программной модели, которая основана на оптимизации производственного процесса. Он анализирует замыкающие затраты, т.е. такие затраты, вовлечение которых в оптимальный план необходимо, но обходится производителю достаточно дорого. Под замыкающими затратами Л.В.Канторович понимает *реальные* народнохозяйственные затраты на получение *дополнительной единицы* того или иного ресурса в каждом локальном производственном процессе. Достижение такого частного оптимума должно быть первым шагом в согласовании с глобальным оптимумом на уровне народного хозяйства в целом. Следовательно, роль замыкающих затрат состоит в сопоставлении различных результатов и затрат реального производства, и в этом их большая практическая ценность. Такой подход приводит к заключению, что цены, которые реально выступают в сфере обмена, определяются условиями в производстве. Кроме того, определение цен, сложившихся на базе оптимального плана, позволяет считать такие цены эффективным средством экономического анализа.

Уже в 1939 г. Канторович вводит в экономическую науку понятие и модель линейного программирования для разработки оптимального подхода к использованию ресурсов. Позднее этот подход более детально реализуется исследователем в работе "Экономический расчет наилучшего использования ресурсов" (1942). Именно за построение статической и динамической модели текущего и перспективного планирования использования ресурсов на базе новых математических подходов Канторовичу была присуждена Нобелевская премия по экономике.

Вот как оценил вклад Канторовича в экономическую науку известный российский экономист профессор А.Аникин: "Заслуга Канторовича в том, что своим линейным программированием и всей совокупностью своих работ он содействовал повороту в экономической науке. В центре экономической науки была поставлена бесконечно сложная, но реальная и важная задача — формулирование и поиск оптимума при налагаемых природой и обществом ограничениях... Канторович... очень точно изложил правильный исходный принцип. В сложной системе, какой является национальная экономика, необходимо сочетание централизованного начала, "определяющего основные контуры и направления развития системы", с саморегулированием, обеспечивающим эффективные обратные связи"¹¹.

Большую известность приобрела модель "затраты—выпуск", предложенная американским ученым российского происхождения В.Леонтьевым. **Василий Леонтьев** (1906—1999) родился в Санкт-Петербурге. В 1921—1925 гг. он учился в Петербургском университете, затем продолжил образование в Берлине, куда поехал для лечения. С 1927 г. Леонтьев работает научным сотрудником в Институте мировой экономики в г. Киле, в 1929 г. он становится экономическим советником при Министерстве железных дорог в Китае. В 1931 г. ученый эмигрирует в США, получает место профессора экономики в Гарвардском университете. В 1946 г. он организует Центр экономического анализа при Гарвардском университете, с 1975 по 1986 г. занимает пост директора Института экономического анализа в Нью-Йорке.

Леонтьев — лауреат Нобелевской премии по экономике (1973), экс-президент Американской экономической ассоциации, почетный доктор многих университетов мира, академик Российской Академии наук (с 1988 г.). В постсоветский период Леонтьев несколько раз приезжал в Россию в качестве консультанта по экономике.

Основные работы Леонтьева — "Структура американской экономики, 1919—1929 гг." (1941), "Исследования структуры американской экономики" (1953), "Экономика "затраты—

выпуск" (1986), "Экономические эссе: теория, исследования, факты и политика" (в двух томах — 1966 и 1977 гг., в 1990 г. вышла на русском языке).

Модель Леонтьева "затраты—выпуск" построена на постоянном учете существующей взаимосвязи между различными секторами экономики, а также между государствами или предприятиями. Следовательно, она в известной мере универсальна. В ней учитываются структурные коэффициенты, которые пронизывают соотношения между "затратами" (тем, что потребляется) и "выпуском" (тем, что производится). Леонтьев описал существующие в определенный момент взаимосвязи между секторами экономики в виде линейных уравнений. Он предложил систему таблиц, которые описывают упрощенный вариант функционирования экономики в виде трехсекторного хозяйства: сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность и домашние хозяйства. Набор линейных разностных уравнений по результатам деятельности каждого сектора и будет выражать существо модели "затраты—выпуск".

В модели Леонтьева экономика представлена в виде условных 44 секторов, между которыми существуют тесные связи. На первом этапе построения модели можно проследить связь между факторами производства (капитал, труд, услуги, природные ресурсы) и стадиями производственного процесса от его начала до получения промежуточного, а потом и конечного продукта, готового к потреблению. Эти связи Леонтьев представил в виде баланса, или шахматной таблицы с перекрестной зависимостью входящих в нее элементов. (В отечественной экономической науке в России подобные разработки, начатые в конце 20-х годов, были прерваны, объявлены ненаучными и лишь с 60-х годов получили широкое распространение под названием моделей межотраслевого баланса.)

На следующем этапе Леонтьев применяет так называемые технические коэффициенты (их около 200). Они выводятся из уравнений первого этапа и характеризуют качественные и количественные показатели взаимосвязей. Ученый писал, что эти взаимосвязи легко представить, если вспомнить таблицу расписания поездов, где указано, куда следует состав, откуда, когда прибывает, на каких станциях останавливается.

На третьем этапе моделирования выясняется, сколько и каких затрат понадобится каждому сектору, чтобы увеличить выпуск конкретных видов товаров. Эта система уравнений получила название "инверсия Леонтьева".

Несмотря на сложность системы уравнений в модели "затраты— выпуск", ее практическую значимость оценили довольно быстро. Уже после второй мировой войны эту модель используют и государственные службы США, и корпорации, а начиная с 60-х годов — учреждения ООН и Всемирный банк. Особенно успешным стало ее использование по мере совершенствования компьютерного обеспечения. Ценность данной модели увеличивается и в связи с тем, что Леонтьев ввел в нее в качестве самостоятельного параметра загрязнение окружающей среды. Соответствующие расчеты привели к выводу о том, что необходимо принять жесткие нормативы по охране природной среды и что выполнение природоохранных мероприятий могло бы увеличить занятость, хотя и требует больших расходов.

Широкое распространение на Западе получила также *модель Солоу*, в которой показано, как сбережения, рост населения и технологический прогресс воздействуют на рост объема производства во времени. **Роберт Солоу**, американский экономист, в 1987 г. ставший лауреатом Нобелевской премии за разработку модели экономического роста, считает себя учеником В.Леонтьева. Их совместные разработки известны как *модель Леонтьева— Солоу*. Особенность этой модели состоит в том, что здесь соединены производственная функция и функция потребления, т.е. показано, как накопление капитала обеспечивает экономический рост, а вместе с ним и повышение уровня жизни населения.

Влияние инвестиций и выбытия на запасы капитала можно записать так: $Dk = i - dk$, где Dk — изменение запасов капитала, приходящихся на одного работника в год; d — норма

выбытия. Поскольку инвестиции равны сбережениям, изменение запасов капитала может быть записано следующим образом: $Dk = sf(k) - dk$, где s — норма сбережения.

Солоу показал, что существует единственный уровень капиталовооруженности, при котором инвестиции равны величине износа фондов. Если в экономике достигнут такой уровень, то он не меняется во времени, так как обе действующие на него величины — инвестиции и выбытие капитала — точно сбалансированы. Значит, при данном уровне капиталовооруженности $Dk = 0$. Солоу называет эту ситуацию состоянием *устойчивой капиталовооруженности*, что соответствует равновесию экономики в длительной перспективе. Солоу замечает, что независимо от первоначального объема капитала позднее экономика достигает устойчивого состояния.

При повышении нормы сбережений увеличиваются инвестиции, но запас капитала и его выбытие сначала неизменны, т.е. на этом этапе инвестиции превышают выбытие. Постепенно капитал растет до нового устойчивого состояния с большей капиталовооруженностью и более высокой производительностью труда. Экспериментальные расчеты по 112 странам с использованием модели Солоу показали связь высокого дохода на душу населения с высокими инвестициями.

Уровень накопления капитала, обеспечивающий устойчивое состояние с наивысшим уровнем потребления, называется *золотым уровнем накопления капитала*. Устойчивый уровень потребления предстает как разница между выпуском и выбытием капитала в устойчивом состоянии. Увеличение капиталовооруженности двояко воздействует на величину потребления: с одной стороны, это способствует росту выпуска продукции, с другой — для возмещения выбытия капитала необходимо большее количество продукции. Значит, существует единственный уровень капиталовооруженности — это уровень Золотого правила, при котором душевое потребление достигает максимума. Если устойчивый запас капитала превышает этот золотой уровень, то рост объема капитала снижает потребление, поскольку предельный продукт капитала (MPK) меньше, чем норма выбытия. Поэтому $MPK = d$. При капиталовооруженности на уровне Золотого правила предельный продукт капитала равен норме выбытия, т.е. если Золотое правило выполняется, предельный продукт, за вычетом нормы выбытия, ($MPK - d$), равен нулю¹².

Политика выбора последствий увеличения накопления капитала — это политика сопоставления благосостояния нынешнего и будущего поколений. Несомненно, благополучие любого поколения одинаково важно.

В целом модель Солоу с учетом изменения трудовых ресурсов и технологического прогресса показывает влияние различных факторов на экономический рост. В модели введены следующие переменные: K — общий запас капитала; L — численность занятых; Q — валовой продукт; S — сбережения; I — инвестиции; q — естественный темп роста трудовых затрат; s — норма сбережений.

Допустим, что отношение $K/Q = 10/3$, т.е. $K = 10Q/3$; $q = 3\%$ (1% — за счет привлечения дополнительной рабочей силы, 2% — за счет роста производительности труда); $S = I$ (сбережения полностью используются при посредстве банков; $S/Q = I/Q$). Тогда норму сбережения s можно определить и так: $s = q (K/Q)$, т.е. $3\% \times 10/3 = 10\%$. Формула отражает прямую зависимость между нормой накопления s и запасом капитала K , отнесенного к годовому продукту при стабильном приросте трудовых затрат.

Солоу установил, что выбытие капитала не может быть больше предельного продукта функционирующего капитала. Далее, $S = I = Am$, где S — сбережения, I — инвестиции, Am — амортизация. Согласно Золотому правилу, выбытие капитала не может превышать предельной склонности к инвестированию. Кроме того, Золотое правило показывает такой уровень капиталовооруженности, который обеспечивает максимальное потребление ($\max C/L$), а также определяет необходимый уровень запаса капитала для устойчивого состояния экономики.

Значение модели, в которой используется формула Леонтьева— Солоу, состоит в следующем:

во-первых, определяется прямая зависимость в долгосрочной перспективе между S , I , K , Q ;

во-вторых, оптимальная величина потребления выступает функцией капиталовооруженности, а само достижение оптимума происходит в результате ограничения потребления и государственного стимулирования инвестиций;

в-третьих, модель показывает, что равновесие $S=I$ на практике часто нарушается, так как эти параметры зависят от разных факторов;

в-четвертых. Золотое правило для выживания капитала может быть представлено как Золотое правило для прироста трудовых затрат $q = S/K/Q$, который не должен превышать пределов, поставленных величиной сбережений S и капиталовооруженности K/Q . Отсюда чем выше при прочих равных условиях прирост населения, тем ниже объем годового продукта на одного занятого;

в-пятых, модель выявляет, что "проедание" инвестиций может привести к суженному воспроизводству;

в-шестых, модель помогает понять проблемы экономического роста. Поскольку соотношение между трудом и капиталом в разных отраслях неодинаково (есть отрасли трудоемкие, а есть капиталоемкие), а объем производства, который является функцией труда и капитала, можно записать как $f(k, L \times E)$, где E — эффективность труда, прирост которой обусловлен техническим прогрессом, постольку при темпе роста L меньшем, чем темп возрастания E , мы получаем такие следствия:

- повышается уровень жизни и работающего населения, и неработающего;
- возрастает значение "человеческого капитала" в связи с необходимостью более высокого образовательного уровня и более высокой квалификации работающих, а следовательно, растет стоимость труда;
- прогресс технологий вместе с положительными сдвигами влечет за собой и отрицательные, так как и сами факторы производства непостоянны, и эффективность труда изменчива.

Определенную сложность представляют расчеты агрегированной производственной функции, и дело здесь не в оценке капитала, а в осуществлении последовательного агрегирования микропроизводственных функций¹³.

Аппарат производственных функций активно используется в экономических исследованиях во всем мире. Однако, применяя его, следует помнить о тех ограничениях, которые он накладывает на интерпретацию результатов. Во-первых, перечисленные выше предпосылки, на которых строятся производственные функции, зачастую не отражают реальных взаимосвязей в экономике. Во-вторых, производственные функции фиксируют сложившуюся структуру затрат и выпуска товаров и не могут использоваться для теоретического анализа категорий стоимости и цены.

Особенностью подхода к экономическому росту современных посткейнсианцев является понимание необходимости сделать акцент на социальных факторах посредством регулирующей функции государства. Эти экономисты считают, что более справедливое распределение доходов за счет больших отчислений на просвещение, образование, социальное страхование и т.п. приведет к большей демократизации общества.

Вместе с тем в начале 80-х годов представители *новой кембриджской школы* — **У.Годли**, **К.Куттс**, **М.Фезерстон** и др. — приходят к выводу о том, что колебания экономики объясняются политикой государства по поддержанию совокупного спроса. Они не отвергают полностью вмешательства государства, но считают его эффективным лишь для решения средне- и долгосрочных задач.

Самая известная работа, отражающая подход, разрабатываемый в рамках новой кембриджской школы, — книга У.Годли и Ф.Криппса "Макроэкономика" (1983), в которой

исследуется влияние интернационализации экономической деятельности на открытую систему. Большое внимание в этой работе уделяется анализу взаимосвязи динамики доходов и расходов с движением активов. Авторы признают, что из-за отсутствия необходимой информации о состоянии производства невозможна его "точная настройка", а отсюда типичное состояние — неопределенность будущего.

6. Неоклассический синтез П.Самуэльсона

Уже через несколько лет после выхода в свет книги Дж.Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег" (1936) самые проницательные экономисты начали понимать, что только синтез нескольких подходов поможет найти приемлемые рецепты сохранения равновесия в экономике. Дж.Хикс обосновал необходимость такой теории и назвал ее неоклассическим синтезом. Наиболее полно реализовал этот новый подход известный экономист *Пол Самуэльсон*, в 1970 г. первым среди американцев получивший Нобелевскую премию в области экономики. Самая известная работа П.Самуэльсона — "Экономика" (1948). Успех этой книги необычайный, в США она выдержала 12 изданий и стала настольной для студентов-экономистов. Достоинство ее заключается не только в удачном изложении общей экономической теории, но и в том, что в ней представлены собственные интересные разработки Самуэльсона, который рассматривает смешанную экономику частногосударственного типа.

В книге "Экономика" шесть частей: "Основные экономические категории и национальный доход", "Определение уровня национального дохода и его колебания", "Национальный продукт, его составные части и ценообразование", "Распределение доходов, установление цен на факторы производства", "Международная торговля и финансы" и "Современные экономические проблемы".

В первой части Самуэльсон приводит несколько возможных определений экономической теории, одно из которых гласит, что экономическая теория — это наука "об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов... для производства различных товаров... и распределении их между членами общества в целях потребления"¹⁴. Здесь экономическая теория предстает как универсальная наука, которая отвечает на вопросы: что производить? Как производить? Как это произведенное распределять?

Далее Самуэльсон пишет о структуре смешанной экономики. Это — "экономическая система свободного предпринимательства, экономический контроль в которой осуществляется со стороны как общества (в лице государства), так и частных институтов"¹⁵. Основным механизмом, устанавливающим в обществе пропорции производства и распределения, выступает конкуренция, которая со временем превращается из свободной в монополистическую. Вместе с тем возрастает экономическая роль государства, которое призвано корректировать недостатки системы свободного рынка. Основой экономики смешанного типа остается товарное производство с развитым разделением труда и сложной денежной системой.

Девятая и десятая главы первой части посвящены анализу экономической роли государства. Самуэльсон рассматривает структуру государственных расходов, законодательные меры их регулирования, функции федеральных и местных органов власти в США, систему налогообложения. Он отмечает, что обычно обращают внимание на то, в какой мере государство контролирует экономическую деятельность, а в какой мере экономическая жизнь протекает без прямого вмешательства государства, остается вне поля зрения, тогда как большинство товаров в обществе производится без централизованного руководства в соответствии с собственными намерениями людей. Автор убежден, что конкурентная система рынков и цен своим функционированием доказывает, что это вовсе не хаос и анархия, что она способна выжить. В то же время необходимо выработать законы и правила, которые улучшили бы действие несовершенной конкурентной системы.

Увеличение государственных расходов, наблюдаемое в анализируемый в книге период, означает рост потребления со стороны общества все большей части национального продукта, производство которого сосредоточено в основном в руках частных производителей.

В конце первой части работы Самуэльсон приводит методы подсчета национального дохода и национального продукта.

Вторая часть "Экономики" посвящена универсальным взаимосвязям между уровнем дохода, сбережениями, инвестициями и потреблением, большая заслуга в исследовании которых принадлежит Дж.М.Кейнсу. Вслед за Кейнсом, Самуэльсон считает, что "если не проводится соответствующая политика, она (индустриальная система) не может гарантировать, что величина инвестиций будет точно такой, какая необходима, чтобы обеспечить полную занятость: то есть ни настолько малой, чтобы вызвать неполную занятость, ни настолько большой, чтобы породить инфляцию"¹⁶. Самуэльсон показывает, как уровень дохода определяется соотношением сбережений и инвестиций или совокупным общественным спросом, а так же как этот уровень меняется под воздействием фискальной политики. Ресурсы, отвлекаемые от текущего потребления и направляемые на производственные цели, пишет автор, принесут отдачу через какое-то время, они идут на новое капиталобразование. Следовательно, считает Самуэльсон, "экономическая деятельность обращена в будущее"¹⁷.

Динамика национального продукта и национального дохода демонстрирует циклические колебания, в которых Самуэльсон, вслед за У.К.Митчелом, выделяет четыре фазы: сжатие, оживление, экспансию и вершину. В основе циклических колебаний, по его мнению, лежит процесс производства капитальных благ и товаров длительного пользования. В книге анализируются многочисленные теории, по-разному объясняющие причины экономического цикла.

Много места во второй части "Экономики" отведено исследованию сферы денежного обращения и механизма формирования цен. Здесь Самуэльсон дает определение инфляции как периода общего роста цен на товары и факторы производства. Так же как Кейнс, он считает, что достижение состояния полной занятости, скорее всего, должно сопровождаться умеренной инфляцией. В структуре денежной массы автор выделяет три элемента: разменные монеты, бумажные деньги и банковские депозиты — и рассматривает, каков механизм создания денег в современной банковской системе (на примере Федеральной резервной системы) и как государство через кредитно-денежную политику влияет на состояние денежного обращения, уровень дохода и инфляции. В заключение дается анализ влияния государственной фискальной политики на уровень дохода и цен.

Самуэльсон замечает, что "старая тенденция системы к колебаниям все еще остается, но никогда мир не допустит, чтобы эти колебания... переросли в широкую депрессию или "галопирующую" инфляцию. Никогда больше не допустим мы крушения нашей банковской системы и того, чтобы наш народ снова прошел через мучительную дефляцию долгов и эпидемию банкротств"¹⁸. По мнению Самуэльсона, в этом и состоит суть великого неоклассического синтеза: спрос и предложение становятся вновь адекватными друг другу, но благодаря разумной политике государства и банков.

В третьей части книги исследуется механизм ценообразования в соответствии с действием законов спроса и предложения. Это исследование основано на неоклассическом микроэкономическом анализе А.Маршалла. Самуэльсон рассматривает различные типы равновесия спроса и предложения в зависимости от длительности периодов приспособления предложения к спросу. Он показывает те случаи, когда обычный закон спроса и предложения не действует, — случаи установления цен государством, монопольного ценообразования. Кривую спроса Самуэльсон строит в соответствии с уровнем дохода и законами убывающей предельной полезности. Таким образом, в анализ вовлекается инструментальный маржинализма. Условие равновесия на рынке воспроизводит уравнение обмена Джевонса и Вальраса. Кривая предложения строится на основе предельных издержек

производства. У Самуэльсона, так же как и у Маршалла, теории предельной полезности и издержек производства на равных привлекаются к объяснению динамики цен.

В этой же части книги автор рассматривает соотношение совершенной конкуренции и монополии, обосновывает необходимость антitrustовского законодательства.

Четвертая часть содержит теорию распределения созданного продукта, сформулированную в соответствии с подходом, предложенным Дж.Б.Кларком. Доход каждого фактора производства определяется созданным им предельным продуктом. Самуэльсон обсуждает возможности использования в анализе производственных функций, границы взаимного замещения факторов производства для минимизации издержек производства и максимизации выпуска. Рассматривая механизм образования цен на факторы производства, автор преодолевает ограниченный подход Кларка, распространяя универсальное воздействие спроса и предложения на цены факторов производства "в общественной зоне безразличия". В этой же части подробно исследуется формирование основных видов доходов: заработной платы, процента, прибыли, ренты.

В пятой и шестой частях книги обсуждаются такие проблемы, как соотношение индивидуального и общественного дохода, структура корпорации, отношения между трудом и капиталом внутри корпорации, платежные балансы, и валютные курсы, эволюция внешней торговли и типы внешнеторговой экономической политики, экономические проблемы развивающихся стран, типы экономического роста и др.

Изложив основы функционирования смешанной экономической системы, Самуэльсон приходит к выводу, что это такая система, при которой рынок посредством спроса и предложения определяет, какие товары, для кого и в каком объеме надо производить, а государство корректирует издержки рыночной экономики, беря на себя ответственность за оборону страны, охрану окружающей среды, перераспределение доходов в пользу малоимущих и т.д.

Примечания и ссылки к теме 8

¹ Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. — М., 1993. — С. 67.

² Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. — М., 1993. — С. 66,67.

³ Эрхард Л. Благополучие для всех. — М., 1991. — С. 153.

⁴ Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 12. — С. 7.

⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству // Фридмен и Хайек о свободе. — Минск, 1990.-С. 102.

⁶ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. — М., 1992.-С. 3.

⁷ См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994. — С. 640.

⁸ Премии за достижения в области экономики не упоминались в завещании шведского промышленника и изобретателя Нобеля, но в связи с возрастающей ролью экономических наук в 1968 г. такую премию учредил Банк Швеции как "премию в память Альфреда Нобеля".

⁹ The New Classical Macroeconomics. — Brighton, 1994. — P. 70.

¹⁰ См.: Эклунд К. Эффективная экономика. — М., 1991.

¹¹ Аникин А.В. Люди науки: Встречи с выдающимися экономистами. — М., 1995.-С.77.

¹² См.: Мэнкью Р.Г. Макроэкономика. — М., 1994. — С. 161.

¹³ См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — С. 432.

¹⁴ Самуэльсон П. Экономика. — М., 1997. — Т. 1. — С. 14, 15.

¹⁵ Там же. — С. 32.

¹⁶ Там же. - С. 205.

¹⁷ Там же. - С. 24.

¹⁸ Самуэльсон П. Экономика. — М., 1964. — С. 370.

Новые понятия

Неолиберализм
Социальное рыночное хозяйство
Монетаризм
Монетарное правило
Гипотеза жизненного цикла
Теория рациональных ожиданий
Теория предложения
Кривая Лаффера
Производственная функция
Замыкающие затраты
Модель Солоу
Золотой уровень накопления капитала
Неоклассический синтез

Вопросы для самоконтроля

1. Почему в 70-е годы XX в. пришлось отказаться от кейнсианских рецептов экономического роста ?
2. Чем отличается неолиберализм от "старого" либерализма?
3. Каковы основные черты социального рыночного хозяйства?
4. Почему Ф.Хайек считает конкуренцию "процедурой открытия"?
5. Как определяется монетаризм ?
6. Почему М.Фридмен считает деньги главным фактором деловой активности?
7. В чем заключается монетарное правило М.Фридмена?
8. Каковы основные предложения М. Фридмена по реформированию международной валютной системы ?
9. Эффективно ли использование монетарной политики в современной России?
10. Кого относят к "молодым неоклассикам"? Почему их так называют ?
11. Что представляют собой рациональные ожидания?
12. Имеет ли практическое прилунение "кривая Лаффера" ?
13. Как определяется "неоклассический синтез" ? Кто из знаменитых экономистов использует неоклассический синтез наиболее полно в своей известной работе ?
14. Что такое смешанная экономика ?
15. Какие, по мнению П.Самуэльсона, три основные проблемы решает современная экономическая система?

ТЕМА 9. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ - РЕАЛЬНОСТЬ НАШИХ ДНЕЙ

1. Предпосылки появления теории постиндустриального развития общества У.Ростоу и Ф.Перру.
2. Фугурологи об основных закономерностях "информационного века". "Супериндустриализм" Э.Тоффлера как часть концепции информационного общества.
3. Теория постиндустриального развития Д.Белла.

1. Предпосылки появления теорий постиндустриального развития общества У.Ростоу и Ф.Перру

Одно из направлений современного институционализма составляют разрабатываемые американскими экономистами теории индустриального общества. Появление этих теории обусловлено глубокими изменениями в развитии общества. Изменения происходят как в социальной и культурной сферах, так и в сфере технической. Прогресс в области

микроэлектроники, вычислительной техники и приборостроения, мощная индустрия информатики, освоение космоса, реальная возможность овладеть энергией термоядерного синтеза — все это обуславливает роль технологии как важнейшего фактора ускоренного общественного развития. Развертывание потенциала техники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Меняется не только содержание труда — резко, в десятки раз возрастает его производительность. Существенные преобразования происходят во всем строе культуры и современной цивилизации. Революционное развитие микроэкономики ведет к увеличению мощи человеческого интеллекта. Технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества. По существу, рождается новый цивилизационный уклад с принципиально иными сферами труда, управления, досуга, нежели существовавшие ранее.

Современный этап научно-технического прогресса стал предметом напряженных дискуссий среди философов, культурологов, социологов, экономистов. На Западе бурный расцвет переживает "философия техники". Появляются все новые концепции, в рамках которых осмысливаются динамические переменные, происходящие в условиях технической цивилизации. Ученые-футурологи, в первую очередь Дж.Саймон, Д.Белл, Г.Кан, О.Тоффлер, Т.Стоуньер, Дж.Рифкин, исследуют процесс развертывания так называемой компьютерной революции, пытаются выявить основные закономерности постиндустриального развития, разрабатывают прогнозы будущего "информационного общества", формируют представление о новой "технократической волне".

Гигантские успехи в развитии науки и техники и их влияние на жизнь общества привлекают пристальное внимание также и экономистов. Экономические круги заинтересованы в получении от своих научных служб точных экспертных сведений о том, что такое новый технологический сдвиг, каковы его действительные очертания и перспективы.

Основоположником теорий индустриального общества следует считать французского экономиста *Реймона Арона* (1905—1983). Свою концепцию он излагал в лекциях, которые читал в Сорбонне в середине 50-х годов. Однако первая его публикация по этим проблемам — "Восемнадцать лекций об индустриальном обществе" — появилась лишь в 1962 г.

В печати первым с анализом проблем индустриального общества выступил американский экономист, социолог, историк *Уолт Ростоу* (р. 1916). У.Ростоу получил образование в Йельском и Оксфордском университетах. Много лет он преподавал экономическую историю в вузах США и Великобритании. Во время второй мировой войны Ростоу служил в Управлении стратегической службы США. С 1961 г. — глава совета планирования политики при Госдепартаменте США, с 1969 г. — профессор экономики Техасского университета. Основные его работы — "Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест" (1960)¹, "Процесс экономического роста" (1962) и др.

Теории индустриального общества, считает Ростоу, призваны раскрыть тенденции современного социально-экономического развития. Центральным же звеном развития выступают институты техники и специальных знаний относительно организации производства и управления им, а также уровня развития производительных сил:

Ростоу не согласен с формационным взглядом на историю, коммунизм он считает своего рода болезнью и отмечает, что цивилизация в своем развитии прошла пять стадий роста: традиционное общество, переходное общество, стадию подъема, стадию быстрого созревания и век высокого массового потребления.

На первой стадии экономика имеет сельскохозяйственный характер, типично простое воспроизводство, уровень производства низкий. Ростоу показывает это на примере средневековой Европы, китайской монархии. Данная стадия охватывает период до конца феодализма,

Вторая стадия — переходное общество. Оно впервые появляется в Западной Европе в конце XVII — начале XVIII в. Уже наблюдается проникновение научных открытий в

производство, идет накопление капитала, появляются "предприимчивые люди нового типа". Но производительность труда еще очень низка. Росту называет эту стадию "периодом предпосылок".

Третью стадию, стадию подъема (или взлета, сдвига), Росту рассматривает на примере Англии конца XVIII — начала XIX в. Она характеризуется резким повышением технического уровня в промышленности, увеличением числа фабрик, ростом городов, формированием инфраструктуры (транспорт, связь, дороги и т.д.), развитием нового, предпринимательского, класса.

Четвертая стадия, стадия быстрого созревания, — это индустриальное общество, характерное для Западной Европы конца XIX в. Хозяйство европейских стран становится частью мирового хозяйства. Центр тяжести в экономике переносится на станкостроение, химическую и электротехническую промышленность.

Пятая стадия, или век высокого массового потребления, — не что иное, как современный капитализм. Главные интересы общества переключаются с производства на потребление и благосостояние, происходит рост удельного веса предметов длительного пользования (бытовой техники, автомобилей, электронной техники, видеоустановок), резко повышается рождаемость — словом, расцветает "государство всеобщего благоденствия". В результате всех этих изменений появляется новый "совокупный рабочий" — специалист высокой квалификации, технически супероснащенный.

В 1971 г. вышла новая книга Росту — "Политика и стадии роста", в которой автор пишет о переходе американского общества к следующей, шестой, стадии, так как пятая стадия не принесла удовлетворения массовому потребителю. Она сопровождалась высоким ростом цен, массовой безработицей, резким ухудшением качества природной среды, обострением проблем крупных городов, увеличением преступности и низкими темпами экономического роста. Шестую стадию Росту называет стадией поисков качества. Для нее характерно существенное изменение структуры личного потребления, структуры сферы обслуживания (в частности, меняется система медицинского обслуживания), сферы организации досуга, туризма, по-иному организуется духовно-религиозная сфера, сокращается рост той части сферы обслуживания, которая осуществляет контроль за комплексом "автомобиль — товары длительного пользования". Росту называет страны, которые вступили в эту стадию, т.е. достигли сверхиндустриального уровня развития, — это США, Англия, частично Франция.

При анализе всех этих стадий экономического развития Росту много внимания уделяет разделению в обществе по профессиональному признаку, а изменения в экономике он считает результатом и последствием неэкономических порывов людей, результатом субъективного принятия решений, субъективного выбора.

Наиболее яркими характерными признаками технологического институционализма являются высокий динамизм экономического роста, обусловленный применением новой техники, а особенно технологий; возрастающее значение функций менеджеров в корпорациях; усиление плюрализма в управлении корпорацией; элементы планирования в самых крупных корпорациях и т.п.

Яркий представитель направления, в рамках которого разрабатываются концепции "нового индустриального общества", — американский экономист *Джон Кеннет Гэлбрейт* (1909—1993). Его теория индустриального общества изложена в основном в двух работах — "Новое индустриальное общество" (1967) и "Экономические теории и цели общества" (1973). В отличие от многих своих предшественников Гэлбрейт указывает на государственно-монополистический характер современного капитализма как на его главную особенность. Экономика, утверждает исследователь, разделилась на две части: с одной стороны — мир крупных корпораций, который является ее главной сферой, с другой — тысячи мелких предпринимателей. Крупная корпорация и стала для Гэлбрейта основным объектом изучения. Порожденная современной технологией, крупная корпорация через корпоративное

планирование оказывает революционизирующее воздействие на всю экономическую систему, преобразуя ее в "новое индустриальное общество".

Во Франции развивались идеи, выдвинутые в рамках психобиологического направления Т.Веблена. На этой основе сформировалась социологическая школа во главе с *Франсуа Перру*. Французский институционализм имеет много общего с американским технологическим институционализмом, но в то же время обладает и своей, европейской, спецификой. Французы добились использования своих рекомендаций на практике. В 50—70-е годы они приспособили методологию Кейнса для более активной и строгой долгосрочной государственной политики — дирижизма.

Ф.Перру и его сторонники создали своеобразный вариант государственной экономической политики, базирующейся на идеях "трансформации капитализма". Суть этой политики состоит в следующем. Механизм свободной конкуренции не выполняет роли регулятора равновесия. Рынок структурно преобразован действием монополий и вмешательством финансовых институтов. Экономические институты связаны между собой асимметричными отношениями экономической и социальной властей. Современная экономика — это, с одной стороны, фирмы господствующие и, с другой — фирмы подчиняющиеся. Если фирма производит более 40% продукции отрасли, то она объективно оказывается неким автономным центром конъюнктуры, остальные экономические единицы приспособляются к ее решениям. Возникает "доминирующая" экономика. Осуществляется принцип избирательной государственной экономической политики, реализуется концепция "привилегированных точек применения силы". Современные высокотехнологичные отрасли (тяжелая промышленность, химия, машиностроение, нефте- и газопереработка) — это движущие силы прогресса. Они или совершенствуют другие отрасли, или подготавливают массовые нововведения в будущем. Именно развитие этих престижных отраслей и должно быть целью избирательной политики правительства, ибо они увеличивают масштабы и темп экономического наступления нации, модифицируют структуру всей национальной экономики. В результате подобных действий правительства может быть достигнут гармонизированный рост. Однако его непременным условием является согласие с экономическими ориентирами правительства со стороны всех групп населения, смягчение всякого рода социальной напряженности.

Концепция Перру привела к созданию системы индикативного планирования. В 1946 г. был образован Генеральный комиссариат планирования и начались "французские пятилетки". Но в 70-е годы и во Франции началось неоклассическое наступление. Крупные французские корпорации стали тяготиться государственным "насилием". Перру стали обвинять в недостаточной строгости анализа, в игнорировании количественных подходов к экономике. В 1975 г. Перру математизировал социологическое направление. Предпринимая последнюю попытку борьбы, он доказывал, что экономика неразрывно связана с социальными отношениями, что в теориях рыночного равновесия проблема существенно упрощена, реальные связи и мотивации гораздо сложнее.

В разработанной Перру концепции общего равновесия главное место занимает фирма или государство, выполняющие определенные экономические функции. Поведение экономических агентов обусловлено некими правилами, но сами эти правила формируются не механизмом обмена товаров, а соотношением сил партнеров по экономической деятельности. В итоге Перру обосновывает необходимость существенного воздействия государства на экономику. Однако время таких подходов уже кончилось, дирижизм тоже отступил под натиском неоклассицизма. Между тем мечта об обществе социальной гармонии осталась, и время от времени концепции такого общества появляются в трудах современных социологов, философов и экономистов. Идеи гармонизированного общества просматриваются в работах представителей современной западной футурологии, занимающихся изучением следующей ступени развития индустриального общества — постиндустриального, или "информационного", века.

2. Футурологи об основных закономерностях "информационного века". "Супериндустриализм" Э.Тоффлера как часть концепции информационного общества

Стремлением выразить сущность нового "информационного" века объясняется появление множества его определений. Дж.Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р.Дарендорф — о посткапиталистическом, А.Этциони — о постмодернистском, К.Боулдинг — о постцивилизированном, Г.Кан — о постэкономическом, С.Алстром — о постпротестантском, Р.Сейденберг — о постисторическом. Р.Барнет вносит в этот калейдоскоп прагматическую ноту, предлагая термин "постнефтяное общество". Большинство перечисленных определений восходит к понятию "постиндустриальное общество", популяризованному гарвардским социологом Д.Беллом, тем не менее в каждом присутствует представление об эволюции и все большем усложнении информационной и коммуникационной среды.

В основании прогрессивной технологии, отмечают футурологи, лежит знание, прежде всего научное. Богатство создается людьми. Человеческий капитал — важнейший ресурс постиндустриального общества. Квалификация, компетентность и специальное знание базируются на образовании. В широком смысле образование есть накопление индивидом информации и практического опыта. В информационной экономике хозяйственная деятельность — это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства. Лимитирующий фактор здесь — наличное знание².

Постиндустриальная экономика — это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает первое место сфере услуг, а сфера услуг представляет собой преимущественно обработку информации. Современные высокоприбыльные отрасли: фармацевтика, специализированная электроника, телекоммуникации, компьютерная техника, добыча полезных ископаемых с использованием новейших технологий, нефтехимия — расширяются даже в периоды экономических застоев. Сдвиг к сервисному сектору в постиндустриальной экономике вывел на первое место услуги, связанные со знанием, — деловые и профессиональные. Теоретически важно отличать этот постиндустриальный сервисный сектор от доиндустриального, состоявшего в основном из домашней прислуги и некоторых категорий мелких торговцев.

Постиндустриальная экономика зиждется на кредите. Сделки сейчас завершаются не столько переходом из одних рук в другие золота или денег, сколько переводом с одного счета на другой кредитной информации. Использование "пластиковых денег" (кредитных карточек), электронных денег, двусторонней телевизионной связи при осуществлении банковских операций достигает громадных масштабов. Все эти новые платежные средства являются развитием идеи денежных чеков, которые есть не что иное, как бумага с информацией, необходимой для перевода кредитов с одного счета на другой.

Основное достижение в наши дни — информация, которая создает богатство прежде всего тогда, когда ее продают непосредственно. Продажа информации чаще всего выливается в продажу патента, авторского права или лицензии. Сегодня иметь хороший патент выгоднее, чем целую фабрику. Поэтому для постиндустриальной экономики наиболее важная категория информационных работников — это менеджеры, эксперты по вопросам организации. Они создают новое богатство путем приложения информации к существующим организационным и производственным системам, тем самым сокращая стоимость производства или создавая новые продукты и услуги.

Промышленные отрасли, информационная база которых находится на переднем крае современного знания, технологически опережают другие отрасли, получая прибыли даже в периоды конъюнктурного застоя. Богатство создается тогда, когда в результате применения информации нересурсы превращаются в ресурсы: пустыня—в плодородный оазис, моря и

океаны — в поставщиков опресненной воды и т.д. Постиндустриальная экономика создает информационное изобилие, которое помогает воплотить в жизнь самые смелые технологические проекты³.

Среди представителей современной западной футурологии заметной фигурой является знаменитый американский ученый *Элвин Тоффлер* (р. 1928) — экономист, социолог, философ, журналист, один из издателей журнала "Fortune". С 1965 г. Тоффлер ведет научную работу в области социального прогнозирования и преподает так называемую социологию будущего (в Корнеллском университете, Новой школе социальных исследований в г. Итака, штат Нью-Йорк, и др.). Кроме того, он является консультантом института по изучению будущего "Интернэшнл бизнес мэшинз" (ИБМ).

Тоффлер — сторонник *концепции постиндустриального общества*. Он разделяет утопические представления о возможности создания справедливого общества посредством радикальных демократических реформ капитализма.

В своих работах "Столкновение с будущим" ("Future Shock", 1970), "Доклад об экоспазме" ("The Eco-Spasm Report", 1975), "Третья волна" ("The Third Wave", 1980) и др. Тоффлер выступил против пессимистической технократической концепции Ж.Элмоля (Франция) и Л.Мэмфорда (Великобритания), преддрекающей порабощение человека техникой, неизбежность мира тотальной рациональности, а также против оптимистической концепции социальной технологии О.Хелмера и О.Вейнверга (США), предлагающей "обходные пути" решения узловых противоречий капитализма без глубоких социальных преобразований. По мнению Тоффлера, в 60—70-е годы человечество переживает новую технологическую революцию, ведущую к непрерывному обновлению социальных отношений и созданию сверхиндустриальной цивилизации. Ученый приходит к выводу о неспособности государственно-экономического капитализма справиться с порожденными НТР экономическими противоречиями и социальными конфликтами, принимающими форму глобальных конвульсий. Для обозначения комплекса кризисных процессов, охвативших капиталистическую экономику, Тоффлер пользуется термином "*экоспазм*".

В отличие отлеворадикальных критиков капитализма, например Ч.Рейга (США), который подчеркивает антагонизм между возрастающим стремлением людей, особенно молодежи, творчески подойти к труду и рутинным характером основной массы работ, Тоффлер концентрирует свое внимание на противоречии между нарастающей сложностью производства и общественной жизни, с одной стороны, и отстающим развитием творческих сил значительной части людей — с другой, при этом отрицает возможность автоматического краха капитализма. Он утверждает, что система принятия решений, касающихся развития капиталистической экономики, уже не соответствует уровню ее развития, что в условиях научно-технического прогресса наиболее адекватными методами экономического регулирования являются комплексное планирование и контроль государства за реализацией разрабатываемых планов. Тоффлер призывает к использованию методов планирования в общенациональном масштабе и разработке планов развития отдельных регионов и отраслей промышленности. Однако его предложения сводятся фактически лишь к усовершенствованию способов контроля крупных корпорации над экономическим развитием отдельных районов и государства в целом. Тоффлер рассматривает транснациональные корпорации как инструмент "рестабилизации глобальной экономики", он трезво оценивает негативные стороны технократии.

В концепциях *демократического обсуждения проблем будущего* и *сфер индустриального футуризма* Тоффлер проводит идеи расширения "демократического участия масс" в принятии кардинальных решений, в организации некоего "транснационального политического движения", которое объединяло бы в своих рядах классово разнородные силы из различных стран: рабочих, потребителей, представителей мелкого бизнеса, менеджеров корпораций, экологов, политических деятелей и др. Подобная ассоциация, по его убеждению, может осуществлять контроль над транснациональными

системами. Тоффлер выдвигает утопическую идею формирования "методологии, которая объединяла бы людей, принадлежащих к различным социальным системам, в борьбе против разрушительных сил природы, голода, невежества, болезней как главных врагов человечества"⁴.

По мнению Тоффлера, развитие науки и техники осуществляется рывками, точнее сказать, волнами. Почему в так называемый век информации, спрашивает он, мы вступаем именно сегодня, а не сто лет назад? Отчего этот процесс не мог "опоздать" еще на столетие? Большинство западных исследователей, отвечая на эти вопросы, ссылаются в основном на внешние факторы: стремительное нарастание изменений в научно-технической, экологической, экономической областях, отчетливое обозначение тенденции к многообразию в экономике и всей социальной жизни. Тоффлер отмечает, что примерно с середины 50-х годов промышленное производство стало приобретать новые черты. Во множестве областей технологии все более обнаруживается разнообразие типов техники, образцов товаров, типов услуг. Все большее дробление получает специализация труда. Расширяются организационные формы управления. Возрастает объем публикаций. По мнению ученого, все это привело к чрезвычайной дробности экономических показателей, что и обусловило появление информатики.

Не подлежит сомнению тот факт, что разнообразие, на которое ссылается Тоффлер, действительно расшатывает традиционные структуры индустриального века. Капиталистическое общество прежде всего основывалось на массовом производстве, массовом распределении, культурных стандартах. Во всех промышленно развитых странах до недавнего времени ценилось то, что можно назвать унификацией, единообразием: тиражированный продукт стоит дешевле. Индустриальные структуры, учитывая это, стремились к "массовизации" производства и распределения. Однако тенденция к унификации, считает Тоффлер, породила контртенденцию. Сегодня, пишет ученый, появился запрос на новую технологию, ведущую к непрерывному обновлению социальных отношений и к созданию сверхиндустриальной цивилизации. Тоффлер приходит к выводу о неспособности государственно-монополистического капитализма справиться с порожденными НТР экономическими противоречиями и социальными конфликтами⁵, принимающими форму глобальных конвульсий. "Информационный взрыв", с его точки зрения, — это порождение отживших структур. Однако почему прежние социальные структуры стали разрушаться? Откуда взялись новые запросы и потребности? Что вызывает грандиозные технологические сдвиги? Тоффлер не отвечает на эти вопросы, но подчеркивает огромную роль техники в истории человечества.

Американский исследователь стремится обрисовать будущее общества как возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе. Рассматривая историю как непрерывное волновое движение, он анализирует особенности грядущего мира, экономической основой которого станут, по его мнению, электроника и ЭВМ, космическое производство, использование глубин океана и биоиндустрия. Это — "третья волна" в развитии общества, которая завершает аграрную ("первая волна") и промышленную ("вторая волна") революцию.

Следует упомянуть проекты Тоффлера относительно самообновления капитализма через фундаментальные трансформации общественной системы. К числу подобных проектов относится идея возвышения так называемого "просьюмера". Слово "просьюмер" (англ. — *prosumer*) создано Тоффлером. Оно образовано от английских слов *producer* ("производитель") и *consumer* ("потребитель"). Тоффлер обозначает им производство потребительной стоимости для использования самим работником или членами его семьи, а не для обмена, т.е. натуральную форму хозяйствования. Предсказываемому им новому "возвышению просьюмера" ученый приписывает значение фундаментальной трансформации социальной системы, "массивного исторического сдвига"⁶. Однако столь далеко идущие выводы все же не совсем обоснованы и вряд ли эта идея осуществима. Если каждый член

общества "третьей волны" так или иначе вступает в рыночные отношения, то определенное количественное увеличение "просьюмеризированных" потребительных ценностей и услуг не имеет значения для качественных характеристик общественной системы. Тоффлер предполагает определенную модернизацию современного капитализма при сохранении его качественно неизменной сущности.

В центре внимания исследователя лежат система власти в современном обществе и ее трансформация, масштабы которой позволяют утверждать, что человечество вступило в "эру смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые"⁷. Отторжение прежних форм авторитета и власти наиболее зримо проявляется на мировом уровне. После второй мировой войны на планете утвердились две сверхдержавы, фактически поделив мир между собой. Каждая имела своих сторонников и союзников, строго соблюдая равновесие сил. Но сегодня этому сбалансированному противостоянию пришел конец. В мировой системе возникли некие вакуумные зоны, впитывающие власть (к примеру, Восточная Европа), которые постараются вовлечь нации и народы в новые — или уже бывшие — союзы и противоборства. Смещение власти происходит настолько интенсивно, что мировые лидеры скорее подчиняются событиям, чем управляют ими.

Изменение властной структуры Тоффлер связывает с новой ролью знаний в обществе, которая выражается в утрате профессионалами монополии на знания и информацию и в распространении интеллектуальных технологий "третьей волны", что, в свою очередь, дало жизнь новому способу собирания общественного богатства. Наиболее существенным шагом в экономическом развитии нашей эпохи стало возникновение новой системы получения богатства, использующей не физическую силу человека, а его умственные способности. В условиях развитой экономики труд и средства создания вещей "превращаются в воздействия людей друг на друга или на информацию и обратное воздействие информации на людей"⁸.

Изучая рабочего информационного века, Тоффлер отмечает, что он более независим, более изобретателен, что он теперь не является придатком машины. Однако и информационному веку присуща безработица, причем проблема безработицы становится проблемой не столько количественной, сколько качественной. Дело уже не только в том, сколько существует рабочих мест, а в том, какого типа эти рабочие места, где, когда и кто может их заполнить. Сегодняшняя экономика крайне динамична, отрасли, которые испытывают депрессию, сосуществуют рядом с процветающими, и это затрудняет решение проблемы безработицы. Да и сама безработица теперь более разнообразна по своему происхождению.

Тоффлер выделяет семь потоков, которые питают общую безработицу. Прежде всего это *структурная безработица*, которая возникает при переходе экономики от "второй волны" к "третьей волне". Она затрагивает все мировое хозяйство. Вследствие того, что некоторые традиционные отрасли прекращают свое существование или перемещаются в другие регионы, в индустриальной сфере образуются пустоты и миллионы людей остаются без работы. Из-за этого сдвигаются давление в международной торговле, конкуренция, демпинг, неравномерность, на мировом рынке возникают неожиданные спады и подъемы. Это создает второй поток безработицы — *безработицу, связанную с тенденциями развития международной торговли*. Далее, существует *технологическая безработица*, возникающая в результате того, что уровень технологии повышается и для функционирования промышленности требуется все меньше работников. Существует также безработица, обусловленная чисто локальными и региональными причинами — сдвигами в потребительских предпочтениях, слиянием торговых и промышленных фирм, экологическими проблемами и т.д., т.е. *"нормальная" безработица*, связанная с жизнью и материальным производством, его естественной перестройкой и усовершенствованием.

В последнее время стал более высоким, чем обычно, уровень *фрикционной безработицы*, когда люди временно не работают в связи со сменой места работы. Еще один

вид безработицы полностью является результатом раздробленности информации. Вследствие все более детального разделения труда рабочие места становятся все менее взаимозаменяемыми. Достижение квалификации, соответствующей современным требованиям, становится все более сложным, требует соответствующей системы информации и до тех пор, пока такая система не будет создана, мы можем ожидать высокий уровень *информационной безработицы*. Наконец, существует безработица, которую Тоффлер называет *ятрогенной*, — ненамеренная безработица, которая проистекает из неразумности правительственной политики по увеличению занятости. Ученый полагает, что очень большая доля неструктурной безработицы имеет именно такое происхождение.

Можно указать и другие потоки безработицы — их много и все они перекрещиваются и перекрывают друг друга. Тоффлер называет семь только для того, чтобы показать, что проблема безработицы — это, по сути, множество взаимопереплетенных проблем громадной сложности. Так, безработица может быть результатом развития технологии, но и это развитие, в свою очередь, может способствовать созданию новых рабочих мест. Да и само наличие безработицы в то же время означает занятость.

Какой же из перечисленных выше потоков безработицы считается самым важным? Это безработица, которая возникает в результате распада отраслей промышленности "второй волны" и роста новых отраслей, основывающихся на новых профессиях и культурных установках, — структурная безработица. В прежние времена при экономических спадах или депрессиях предприятия и учреждения закрывались, а люди оставались без средств к существованию до тех пор, пока не открывались эти же самые предприятия и учреждения с теми же самыми рабочими местами. Сейчас закрывшиеся предприятия и учреждения нередко уже не открываются вновь, а если и открываются, то, вероятнее всего, там уже не будет тех же самых рабочих мест. Вот почему монетаристские, кейнсианские меры, предлагавшиеся Фридменом и Гэлбрейтом, оказываются неэффективными. Понятие "работа", по Тоффлеру, является анахронизмом, продуктом промышленной революции. Поскольку индустриальная эра заканчивается, понятие работы должно со временем исчезнуть либо оно должно быть реалистически переинтерпретировано путем включения в него представления о других видах деятельности, которые являются производительными, но не оплачиваются. Необходимо переосмысление таких терминов, как "рабочее место", "занятость", "безработица".

Тоффлер полагает, что мы, по-видимому, находимся на грани большой экономической катастрофы. Он говорит об этом, по крайней мере, с 1975 г., когда опубликовал "Доклад об экоспазме". К сожалению, эта книга и сегодня актуальна на фоне все новых сообщений о банкротствах мировых банков и остановках производства.

Но этот кризис, считает Тоффлер, не похож на все предыдущие, в том числе и на Великую депрессию 1933 г. Он обусловлен совершенно другими причинами, и, если мы хотим бороться с ним, то необходимо выявить его отличительные черты. Отличительным в нынешнем кризисе является то, что это — радикальная реорганизация, а не крах. Это — кризис переструктурирования. Если мы не осознаем этого факта и не начнем намечать контуры будущей экономики, то как мы можем надеяться справиться с нашими проблемами? Необходимы новые идеи.

Э.Тоффлер не является в полной мере приверженцем рынка. Он действительно считает, что свободный рынок (который на деле никогда не бывает свободным) — это великолепная регулятивная система, имеющая то огромное преимущество, что она, по крайней мере в какой-то степени, отделяет экономическую власть от власти политической. Рынок является также способом децентрализовать многие экономические решения. Мы можем гораздо более изобретательно, чем до сих пор, использовать рыночные механизмы, для того чтобы справляться с такими социальными проблемами, как безработица, упадок городов, загрязнение среды и т.д. Рынок, по Тоффлеру, — это не религия, а орудие, но никакое орудие не позволяет решить все задачи, стоящие перед обществом.

"Столкновение с будущим" Тоффлера, а затем и его "Третью волну" можно истолковать как попытку критического анализа капиталистического общества и традиций технократического социально-философского мышления, которые, согласно Тоффлеру, пронизывают все сферы управления и функционирования индустриального общества.

В эволюции теоретико-методологических воззрений Тоффлера нашли отражение метаморфозы развиваемого на Западе социального прогнозирования, связанные с *посттехнократизмом*. Практически всегда Тоффлер был приверженцем *технологического детерминизма*. Однако в ранних своих работах он рассматривает технику как хотя и не единственный, но определяющий стимул социальных трансформаций, а в более поздних — как лишь один из целого ряда однопорядковых факторов, принципиально влияющих на историческое развитие⁹.

Рассуждая о наступающей цивилизации, Тоффлер не дает ей названия, но проводит мысль о ее принципиально новом характере. Это одновременно и в высшей степени развитая цивилизация, и антииндустриальная цивилизация. Главные фазы движения цивилизации, которые выделяет Тоффлер, он классифицирует не по господствовавшим в них способам общественного производства, а лишь по отдельным отраслям. Эти фазы существуют как бы вне взаимодействия способов производства. Таким образом, история человеческого общества предстает не как переход от одной общественно-экономической формации к другой, а как *переход от одного технологического уровня к другому*. Принципиальными вехами прогресса истории общества у Тоффлера выступают не социальные революции, а научно-технические инновации и восхождение к более высокому уровню техники.

Тоффлер стоит на позициях плюрализма возможных форм будущей организации человеческого общества, определяемых выбором, который люди производят между многими возможностями настоящего. По его мнению, образ будущего и знание путей его достижения формируются в результате выработки небольшой "группой обществоведов самой высокой квалификации" "системы строго очерченных ценностей", которые легли бы в основу поистине супериндустриального общества¹⁰.

В качестве могущественного инструмента формирования альтернативных вариантов будущего Тоффлер рассматривает утопию. В концепции "третьей волны" он использует понятие "*практико-ния*". Этим понятием он обозначает картину мира, не лучшего и не худшего из тех, что можно себе представить, но зато мира, реализуемого и явно более привлекательного, чем тот, в котором мы жили до сих пор. Однако Тоффлер, как и другие западные футурологи, неправоммерно абсолютизирует значение утопических представлений о будущем в общей системе научных знаний об обществе. Концепцию Тоффлера следует оценить как либерально-утопическую теорию социально-критического направления.

В рамках всех существующих моделей конвергенции капитализм и социализм рассматриваются как сближающиеся в своем движении по направлению к некоей гибридной системе, которая не будет ни социализмом, ни капитализмом, а неким средним между ними, и притом оптимальным, строем. Тоффлер придает чертам капитализма универсальный характер и считает конвергенцию свершившимся фактом. *Идея тотальной, свершившейся конвергенции* — основа его концепции, излагаемой в работе "Третья волна". Суть идеи тотальной, "свершившейся" конвергенции в следующем. Две общественные системы — капитализм и социализм — существуют параллельно в одном историческом периоде и поставлены перед необходимостью решать аналогичные проблемы, и прежде всего такую, как защита цивилизации от ядерного разрушения.

Главным тезисом в работах всех "постиндустриальных глобалистов", к числу которых принадлежит и Тоффлер, является тезис о том, что капитализм и социализм находятся в одинаково трудном положении перед лицом глобальных проблем. У Тоффлера оказываются в одном ряду проблемы, возникающие в системе "человек-природа", и проблемы, возникающие в системе "общество—природа": энергетические, экологические, минерально-

сырьевые. Важнейшая из глобальных проблем — проблема войны и мира преподносится автором как неизбежное следствие процесса развития "эры индустриализма".

Анализ объективного содержания концепции глобальных проблем, выдвигаемой Тоффлером, позволяет сделать вывод, что его система конструктивных рекомендаций обрывается на полуслове. Эти проблемы для Тоффлера остаются болезнями цивилизации "второй волны", которым он не в состоянии поставить серьезный социальный диагноз, а следовательно, он не в состоянии и предложить реалистичный эффективный путь лечения. Намечая линии трансформации некоторых социальных институтов, Тоффлер в то же время не говорит по этому поводу ничего определенного.

3. Теория постиндустриального развития Д.Белла

Не менее известный ученый-футуролог нашего времени *Дэниэл Белл* (р. 1919) в своей концепции исходит из того, что "новое индустриальное общество", о котором писал Д.Гэлбрейт, находится в глубоком кризисе, но вскоре будет преобразовано в какое-то иное. По Беллу, это будет постиндустриальное новое общество, *общество взаимных услуг*. Сегодня все меньше и меньше людей заняты в производстве вещей, и все больше — в производстве услуг, в сфере культуры, науки, в индустрии развлечений, наконец, в сфере государственных услуг. Уже в 80-е годы в наиболее развитых странах количество людей, занятых в сфере услуг, превысило две трети от общей численности работающих. Даже социальные группы сегодня образуются не по отношению к собственности, а по профессиям.

Один из основных моментов в концепциях футурологов — представление об *информационном обществе*. В наше время информация становится не только товаром, но и орудием господства. Д.Белл утверждает, что информация — специфический товар, на который не распространяются привычные методы ценообразования. К тому же этот продукт не может потребляться отдельным человеком, его потребитель—общество.

Основная работа Д.Белла — "Встреча 2000 год" ("Towards the Year 2000", 1968) — переведена на русский язык и пользуется большой популярностью. Не менее известна и его книга "Грядущее постиндустриальное общество" ("The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting", 1973), в которой автор утверждает, что развитие информационного общества и производства ведет к перевороту как в технике и технологии производства, так и в характере социальных отношений. Социальные отношения, создаваемые новыми сетями информации (от обмена информацией между исследователями с помощью компьютеров до широкой социальной однородности, образуемой с помощью национального телевидения), не являются больше трудовыми отношениями индустриального общества. Налицо возникновение совсем иного типа социальной структуры по сравнению с уже известными¹¹.

Д.Белл наделяет информационное общество чертами, охватывающими преимущественно новые явления в развитии современных производительных сил. Здесь и централизация теоретического знания, которое становится основой для изменений в производстве, и создание интеллектуальной технологии, позволяющей найти наиболее рациональные пути решения инженерных, экономических и социальных проблем, и переход от производства товаров к производству услуг. Важным признаком постиндустриализма Белл объявляет *изменение характера труда*, состоящее в том, что природа исключается из рамок трудовой и обыденной жизни, так как в постиндустриальном обществе работа становится прежде всего игрой человека с человеком¹². Однако главное в позиции Белла по проблеме характера труда в будущем обществе— это то, что, признавая исторический характер конкретного труда, он стремится снять вопрос об изменениях социально-экономической сущности труда в процессе современного общественно-исторического развития.

Среди других черт информационного общества Белл отмечает расширение возможностей для применения женского труда, приобретение наукой прикладного

характера, возникновение ее тесных связей с промышленным (в том числе военным) производством и социальным регулированием¹³.

Существенную роль отводит Белл такому признаку нового общества, как *смена борьбы общественных классов борьбой "ситосов"* (от лат. *situ* — местоположение), т.е. неких "вертикальных подразделений, включающих четыре функциональных "ситоса" (научный, технологический, административный и культурный) и пять институциональных (экономические предприятия, правительственные конторы, университеты и исследовательские центры, социальные комплексы и военная сфера). По Беллу, классы "растворяются", исчезают противоречия между ними, но формируются разного рода локально-профессиональные группы, борьба между которыми и определяет социальную обстановку в данном обществе. При этом образование новых общественных классов станет, как считает Белл, невозможным. Информационное общество мыслится Беллом как бесклассовое. Лучшие позиции в нем занимают лица, имеющие знания и квалификацию.

Аргументируя свои взгляды, Белл обращается к особенностям продукции информационного производства — информации. Он указывает, что информация и знания физически не потребляются и не изнашиваются. Другую особенность информации и знаний он видит в том, что это "коллективный товар", так как он становится достоянием всех, но даже если он и продается, то остается с производителем. Белл пытается определить также особенности стоимости и цены продукции информационного производства. "Знание, — пишет он, — это социальный продукт, и вопрос о его стоимости, цене или ценности в значительной степени решается по-иному, чем в индустриальном обществе"¹⁴. Белл заявляет об отсутствии рыночного механизма образования цен на продукцию информационного производства, противопоставляя "экономику информации" "экономике товаров". Фактически он стремится провести мысль о том, что "новое общество" в результате "информационной революции" претерпит кардинальные изменения в информационном производстве, в направлении перехода к *нетоварному, "коллективистскому" производству знаний* на базе университетов и научно-исследовательских центров, становящемуся основным видом производства.

Многие западные футурологи видят резервы гуманизации техники в развертывании самого технического прогресса. Они убеждены в том, что очередная волна культурных нововведений устраним внутренние противоречия этого процесса и обеспечит гармонию с миром человека. Идея технических мутаций, оказывающих многомерное воздействие на социальный процесс, давно уже получила признание в западной социологии и философии. Наиболее последовательно ее развивают Д.Белл, Дж.Грант, Дж.Мартин¹⁵.

Усложненный вариант философии техники, возникший на базе исследования социальных последствий развития и применения электроники, мы находим у Белла. Ученый убежден, что техника развивается "рывками", при этом можно выделить целые эпохи в ее автономном самодвижении, в рамках которых происходят многообразные социальные перемены. Однако, чтобы избежать упреков в приверженности технологическому детерминизму, Белл создает *концепцию многоаспектности социального организма*. Он заявляет, что, в противоположность ученым, воспитанным на Гегеле и Вебере и представляющим себе общество в виде органического единства социальной жизни и культуры, сам он придерживается концепции самостоятельного развития материальной и духовной сфер социальной жизни по особым для каждой законам. По мнению Белла, эти две сферы противостоят друг другу. Каждая из них имеет собственную установку, поэтому их направленность различна. Вот почему Белл считает, что информационному обществу может угрожать еще более глубокий разрыв между культурной и социальной жизнью.

Для обоснования своей позиции Белл вводит особую социологическую категорию — *осевой принцип*. С помощью этого принципа он стремится доказать, что общественные институты, отношения и духовные процессы не обусловлены каким-то одним фактором, ибо они располагаются по разным осям. Все зависит от того, какой осевой принцип избрать. Как

утверждает Белл в своей концепции информационного общества, он использует достижения передовой социально-философской мысли, в том числе и марксистской. Он заявляет, например, что согласен в принципе с марксистским делением развития общества на определенные формации, каждая из которых характеризуется своим типом собственности, своей формой производственных отношений. Но является ли такое деление единственным? Белл полагает, что оно носит формальный, условный характер. Если взять другой осевой принцип, утверждает он, то картина существенно изменится. Движение по другой оси представит три совершенно иные формации: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную, существующие независимо от первой оси, где главное измерение — социальные отношения.

Понятия "феодализм", "капитализм" и "социализм", по мнению Белла, представляют собой последовательный ряд схем в марксистской системе, построенной вдоль оси, за которую приняты отношения собственности. Понятия доиндустриального и постиндустриального общества представляют собой ряды вдоль оси, за которую приняты производство и виды используемого знания.

Белл доказывал, в частности, что в США сложилась тенденция, которая состоит в углубляющемся расхождении между культурой, всей духовной жизнью, с одной стороны, и социальной и политической структурами американского общества — с другой. Этот процесс разрыва Белл рассматривает как фатальный, он даже склонен определить всю современную западную культуру как антиинституциональную, т.е. противостоящую тем принципам, которыми руководствуется капиталистическая экономика.

Смысл рассуждений Белла состоит в том, что духовные процессы в современном капиталистическом мире, хотя и вырастают на базе технологических отношений, все же в реальности не всегда им соответствуют. В результате, заявляет Белл, сегодня сложилось социальное напряжение между интеллигенцией, ее авангардистски настроенными отрядами и носителями экономико-производственного и государственно-политического принципов. По существу, Белл фиксирует углубление кризиса экономики и культуры в условиях современного капитализма, поскольку проблемы социальной защищенности, роста образования и духовной культуры находятся в оппозиции к устоям капитализма. Он ставит проблему "интеллектуальной мобилизации", т.е. фактически ведет речь о приведении в соответствие с политической и социально-экономической структурами капитализма тех духовных процессов, которые сегодня в силу субъективных, как он считает, причин имеют иную направленность¹⁶.

Сейчас, когда на Западе растет поток социально-экономической литературы по проблемам информационного общества, Белл настаивает на собственном приоритете в разработке этих проблем. В статье "Социологические путешествия" ("Sociological Journeys", 1980) он обстоятельно доказывает, что признаки постиндустриального общества, о которых он писал в 70-е годы, как раз и обнаруживаются сегодня. Ведь революция в организации и обработке информации, в которой центральную роль играет компьютер, имеет уже знакомые параметры. Наблюдается переход от общества, производящего товары, к обществу услуг, происходит кодификация теоретического знания как центрального источника нововведений в технологии, появляется новая интеллектуальная технология. Эти выводы, представленные в работе Белла "Культурные противоречия капитализма", автор иллюстрирует статистикой. В 60-е годы в США в сфере услуг было занято 65% рабочей силы, в промышленном строительстве — около 30, в сельском хозяйстве — менее 5%. В начале же 70-х годов рост занятости осуществлялся исключительно в области "постиндустриальных услуг"¹⁷.

По мнению Белла, отдельные стадии исторического процесса могут чередоваться, но это не подчинено строго организующей логике. "Осевые признаки" меняются, компьютер способен преобразовать всю инфраструктуру общества, т.е. комплекс отраслей общественной жизни. При этом можно выделить устойчивые, длительно действующие факторы. Однако многие стороны социального организма развиваются по собственному

осевому принципу. Что касается компьютера, то он может рассматриваться как "символ и материальное воплощение развертывающейся технической революции"¹⁸. Подобно тому как электричество преобразовало всю общественную жизнь второй половины прошлого века, так и компьютер выступает в роли доминанты культурных нововведений.

Социально-экономическое мышление Белла выглядит довольно узким. Он, в частности, полагает, что именно электричество многократно расширило совокупность социально-экономических связей, создав особый тип общественного производства, определяемый им как "массовый". Можно сделать вывод, будто Белл считает, что именно книгопечатный станок, электростанция или компьютер определяют всю совокупность производственных отношений. Но Белл вовсе не отступает от собственной методологии. Фетишизируя компьютер, он все же еще раз подчеркивает, что человечество не располагает сколько-нибудь убедительной теорией о том, как общество связывается изнутри. Ни экономикой, ни обществом нельзя управлять, считает Белл, ибо эти системы носят открытый характер, "осевые признаки" преображаются несогласованно, что лишает общество необходимых черт живого организма.

На повестку дня ставится проблема создания своеобразной инфраструктуры для развития коммуникационных сетей, информационных технологий, которые свяжут общество воедино. Первая инфраструктура общества — транспорт для перевозки людей и товаров. Второй инфраструктурой исторически явились средства доставки энергии — нефте- и газопроводы, линии электропередач. Третьей инфраструктурой стали телекоммуникации, прежде всего телекомпьютеры, радио и телевидение. Белл подчеркивает, что сейчас в связи с резким увеличением числа компьютеров и информационных терминалов и быстрым снижением стоимости компьютерных операций и информационного накопления вопрос о соединении воедино различных средств и путей передачи информации в обществе становится первостепенным.

Западные философы отмечают также, что в ближайшее время произойдет решительное изменение характера труда. В доиндустриальном обществе, по мнению Белла, жизнь была игрой между человеком и природой, игрой, в которой люди взаимодействовали с естественной средой — землей, водами, лесами, работая малыми группами. В индустриальном обществе работа — это игра между человеком и искусственной средой, где люди заслонены машинами, производящими товары. В информационном обществе работа, как уже говорилось, становится прежде всего игрой человека с человеком (между чиновником и посетителем, врачом и пациентом, учителем и учеником). Таким образом, природа устраняется из рамок трудовой и обыденной жизни. Люди учатся жить друг с другом. В истории общества это, по мнению Белла, новое и не имеющее параллелей положение вещей¹⁹.

* * *

Рассматривая технические и футурологические проекты, которые разрабатывают западные исследователи, следует обратить внимание на подчас утопический характер их социального мышления. Оценивая грядущие перемены, эти исследователи делают вывод, что в результате "информатизации" исчезнут все мучительные проблемы. "Бюрократизация? Да, сегодня это несомненное зло. Но уже завтра... произойдет поразительный сдвиг от стандартной бюрократии к широкому выбору организаций нового стиля в бизнесе, правительстве, школах и других институтах. Там же, где иерархии сохраняются, они будут стремиться к тому, чтобы быть более гибкими и приспособляемыми к новым условиям", — пишет один из энтузиастов информационного общества американец Дж. Мартин²⁰. "Представьте себе город будущего, — продолжает он: — парки, озера, клумбы, кристально чистый воздух. Индивидуальные машины находятся за городской чертой. По улицам размещены кабельные сети, обеспечивающие всевозможные виды коммуникаций. Отпала надобность в деловых поездках. Вся необходимая документация поступает на домашний экран, денежные расчеты осуществляются только с помощью банковских карточек. Когда

эти карточки используются для оплаты, машины автоматически переводят ту или иную сумму с одного банковского счета на другой. Люди носят при себе специальные радиоустройства, через которые автоматически вызывается полиция и "скорая помощь". Дома снабжены сигнальными системами на случай пожара"²¹. Что же смущает нас в этой идиллии? Мартин пишет, что преступность канула в прошлое, уличных ограблений не происходит, потому что люди не носят при себе наличные деньги. Неужели все так просто? Ни слова об общественных корнях преступности. Наивная вера в "информационного идола". Эйфория социального утопизма, основанного на убеждении, будто в истории действуют не живые люди, а автоматы.

Нет необходимости оспаривать конкретные технологические расчеты, предлагаемые футурологами. Западные теоретики, по существу, полностью отвлекаются от роли классов и социальных групп в историческом творчестве. Это относится к работам видных футурологов *Германа Кана* (1922—1983) и *Амитая Вернера Энциони* (р. 1929)²².

Между тем историю творит не техника — ее творят живые люди. Они воздействуют на объективные условия, раскрывая тем самым ее движущие силы. В период крутых поворотов истории (а сегодня человечество переживает именно такой период) субъективный фактор приобретает решающее значение в преобразовании производственных отношений. С этой точки зрения представляют интерес работы футуролога *Лоуренса Джонатана Козна* (р. 1923). Исследователь утверждает, что сравнительные исторические исследования могут пролить дополнительный свет на нынешние проблемы, так как история становится источником эвристики для современной теории и практики научно-технической политики. Поэтому, считает он, важен дифференцированный подход к современным процессам модернизации, будь то в масштабах отдельной страны или целого региона. Западные социологи, экономисты, философы пытаются понять существо современного этапа научно-технического прогресса, выявить потенциал информатизации общества. В их концепциях содержится много аргументированных утверждений, которые касаются характерных черт будущего информационного общества, отмечены многие признаки современной эволюции знаний и технологий. Это типичные концепции современного американского институционализма с его главной чертой: в центр социальной эволюции ставится развитие производительных сил на базе достижений НТР. В этом случае основная тенденция развития общества не зависит от его политической формы. Насколько справедливы такие утверждения, покажет будущее.

Примечания и ссылки к теме 9

¹ См.: *Rostov W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. - N.Y., 1960.

² См.: *Новая технократическая волна на Западе.* — М., 1986. — С. 3—7.

³ Там же. - С. 4-20.

⁴ *Гневашева М.В.* Футурологическая концепция О.Тоффлера. — М., 1987. - С. 4-8.

⁵ См.: *Toffler A.* The Eco-Spasm Report. — N.Y., 1975.

⁶ См.: *Toffler A.* The Third Wave. - N.Y., 1980.

⁷ Ibid. - P. 84.

⁸ Ibid.-P.78, 114 е.а.

⁹ См.: *Шахназаров Г.Х.* Социализм и будущее. — М., 1983; *"Американская модель" с будущим в конфликте / Под ред. Г.Шахназарова.* — М.,1984.

¹⁰ См.: *Товмасын Н.С.* Критический анализ социальной философии О.Тоффлера. — Ереван, 1985. — С. 15.

¹¹ См.: *"Американская модель" с будущим в конфликте.* — С. 18, 19.

¹² Там же.-С. 20.

¹³ См.: *Белл Д.* Становление постиндустриального общества. — М., 1973.

¹⁴ Цит. по: *"Американская модель"...* — С. 20.

¹⁵ См.-Деменченко Э.В. Современная технократическая идеология в США.-М., 1984.

¹⁶ См.: Афансьев В.С. Буржуазная экономическая мысль 30—80-х годов XX века. - М., 1986. — С. 306, 307, 309, 312, 320, 321, и др.

¹⁷ См.: Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. — L, 1976. — P. 157.

¹⁸ Ibid. - P. 166.

¹⁹ См.: Уткин А.И. Американская футурология международных отношений в XX в. — М., 1990.

²⁰ Мартин Дж. Телематическое общество: вызов ближайшего будущего. - Нью-Йорк, 1981. - С. 27.

²¹ Там же. - С. 28.

²² См.: Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный //Новая технократическая волна на Западе. — С. 196—206; Этциони А. Масштабная повестка дня: Перестраивая Америку до XX века // Там же. — С. 293—316.

Новые понятия

Индустриальное общество

Постиндустриальное общество

"Информационный век "

"Технократическая волна "

Децентрализация

Осевой принцип Белла

Интеллектуальная мобилизация

Компьютеризация

Инфраструктура

Коллективное использование информации

Феномен возрождения технократических проектов

Утопические программы

Экопазм

Конвергенция

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы предпосылки появления теорий индустриального и постиндустриального развития общества?
2. В чем состоит суть "супериндустриализма" Э. Тоффлера?
3. Какие виды безработицы выделяет Э. Тоффлер?
4. Каково отношение Э. Тоффлера к рынку?
5. Сколько "волн" видит Э. Тоффлер в развитии человеческого общества?
6. В чем состоит осевой принцип развития информационного общества, по Д.Беллу?
7. Каковы социальные последствия современного прогресса?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели в общих чертах основные этапы развития мировой и российской экономической мысли и смогли убедиться в том, что набор основополагающих теоретических идей внушительен, хотя и не так уж велик. Мы увидели еще и то, что экономическая теория часто давала методологические основания для формирования экономической политики государств. В этом состоит особая ответственность экономистов-теоретиков, стоящих близко к властям предрежающим. Особенно важно это осознавать экономистам России, имеющей многовековую традицию государственного вмешательства в экономику, гипертрофированный опыт хозяйствования в рамках государственной собственности под командованием бюрократических структур.

В России государство — больше, чем политическая надстройка. Всегда, с IX столетия, оно было активной экономической силой. Эта роль государства закрепились генетически, а изменения на генетическом уровне происходят или очень медленно, или катастрофически. Это должны знать теоретики, осмеливающиеся давать советы властям.

Сегодня экономическая наука России переживает затяжной кризис. Мы правильно сделали, что отказались от ортодоксального марксизма как от единственной теоретической базы экономической политики. С помощью марксистской теории нельзя построить рыночную экономику, так как марксистская доктрина в принципе направлена на преодоление товарно-денежных отношений. Но, отказавшись от ортодоксальности, мы пошли на крайние меры, отказавшись от марксистского учения вообще, от того позитивного, что в нем есть. Многие российские экономисты добровольно поставили себя в положение послушных учеников западных учителей, с восторгом неопитов воспринимающих каждое их слово. Но мы еще плохо знаем на практике, какие противоречия таит в себе рыночная экономика, мы пребываем в эйфории рыночности. Маркс же может сыграть тут профилактическую роль, ибо никто лучше него не описал систему противоречий капиталистического общества. Нет смысла заменять одно заблуждение другим. А мы продолжаем быть невежественными. Из всего многообразия экономических идей мы выбираем только то, что опять-таки официально, хотя и негласно, разрешается сверху. Но Россия всегда показывала чудеса ассимиляционного и адаптивного развития. Нам надо много знать, чтобы больше понимать. И искать свои пути экономического развития и хозяйственного поведения.

Кризис в науке не означает ее краха. Кризис — лучший стимул для генерации новых идей, концепций и теорий, способных определить объективно верное направление экономической политики. Кризис в живом организме — это всегда канун обновления и развития. Для этого обновления российским ученым надо преодолеть непонятную робость, обрести чувство собственного достоинства и смело ринуться в пучину научного исследования. Но надо также и помнить все, что уже выработала человеческая мысль, чтобы осуществить новый синтез на базе лучших достижений мировых и отечественных теоретических построений с опорой на реальную практику хозяйственной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- "Американская модель" с будущим в конфликте / Под ред. Г.Шахназарова. — М., 1984.
Аникин А.В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. — М., 1979.
Аникин А.В. Люди науки: Встречи с выдающимися экономистами. — М., 1995.
Аристотель. Сочинения. — М., 1983.
Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии. -М., 1980-1981.
БеллД. Конец идеологии. — М., 1988.
Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994.
Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. — М., 1991.
Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. — М., 1920.
Бухарин Н.И. Новый курс экономической политики. — М., 1921.
Бухарин Н.И. Атака. — М., 1924.
Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах. — Харьков, 1925.
Бухарин Н.И. Текущий момент и основы нашей политики. — М., 1925.
Бухарин Н.И. В защиту пролетарской диктатуры: Сборник статей. — М.-Л., 1928.
Бухарин Н.И. К вопросу об экономике переходного периода. — М.—Л., 1928.
Бухарин Н.И. Этюды. - М.; Л., 1932.
Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. — М., 1988.
Бухарин Н.И., Преображенский Е. Азбука коммунизма. — Харьков 1925.

- Бьюкенен Дж.М.* Сочинения. — М., 1997.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. — М., 1984.
- Всемирная история экономической мысли.* — М., 1987.
- Герцен А.И.* Сочинения. — М., 1956.
- Гневашева М.В.* Футурологическая концепция Тоффлера. — М., 1987.
- Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. — М., 1969.
- Дарендорф Р.* Дорога к свободе: Демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. — 1990. — № 9.
- Деминченко Э.В.* Современная технократическая идеология США — М., 1984.
- Джевонс У.С.* Об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. — СПб., 1993.
- Долан Э.Дж., Линдсей Д.Е.* Рынок: макроэкономическая модель. — СПб., 1992.
- Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. — М., 1995.
- Жмакин Д.* Митрополит Даниил и его сочинения: — М., 1981.
- Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв.* - М., 1961.
- История русской экономической мысли.* — М., 1959.
- Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. — М., 1978.
- Кейнс Д.М.* Альфред Маршалл. 1842—1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. — М., 1993.
- Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения. — М., 1960.
- Классики кейнсианства:* Р.Харрод, Э.Хансен: В 2 т. — М., 1997.
- Кауфман И.* Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса // Вестник Европы. — 1872. — № V.
- Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. — М., 1989.
- Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз. — М., 1991.
- XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. — М.—Л., 1927.
- Костюк В.Н.* История экономических учений. — М., 1997.
- Ксенофонт.* Киропедия. — М., 1993.
- Кэмпбелл Р.М., Брю Ст.Л.* Экономикс: В 2 т. — М., 1992.
- Ламперт Х.* Социальная рыночная экономика. — М., 1993.
- Ленин В.И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 16.
- Ленин В.И.* Доклад о продовольственном налоге 26 мая: X Всесоюзная конференция РКП(б), 26—28 мая 1928 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 43.
- Леонтьев В.* Экономические эссе. — М., 1990.
- Леонтьев В.* Межотраслевая экономика. — М., 1997.
- Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. — М.—Л., 1952.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23.
- Маршалл А.* Принципы экономической науки: В 3 т. — М., 1993.
- Меркантилизм.* — М., 1935.
- Мэнкью Г.Н.* Макроэкономика. — М., 1994. Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
- Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. - 1993.-Т. 1, вып. 2.
- Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа// Вопросы экономики. — 1997. — № 3.
- Нуреев Р.* [Послесловие] // Бьюкенен Дж.М. Сочинения. — М., 1997.
- Пезенти А.* Очерки политической экономии капитализма. — М., 1976. - Т. 1.

- Петти В.* Экономические и статистические работы. — М., 1940.
- Платон.* Сочинения. — М., 1971.
- Плеханов Г.В.* Сочинения. — М.—Л., 1925.
- Полянский Ф.Я.* Экономическая мысль Древней Греции: Курс лекций. — М., 1974.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. — М., 1954.
- Развитие метода политической экономии. — М., 1996.
- Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. — М., 1993.
- Робинсон Дж.* Теория несовершенной конкуренции. — М., 1986.
- Самуэльсон П.* Экономика. — М., 1993.
- Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. - М., 1988.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1993:
- Смит А.* Теория нравственных чувств. — М., 1997. Современная экономическая мысль / Под ред. В.С.Афанасьева и Р.М.Энтова. - М., 1981.
- Сэ Ж.Б.* Трактат политической экономии. — М., 1896.
- Ткачев П.Н.* Рецензия на книгу Мальтуса // Ткачев П.Н. Собр. соч. — М., 1933.
- Товмасын Н.С.* Критический анализ социальной философии О.Тоффлера. — Ереван, 1985.
- Туган-Барановский М. И.* Теоретические основы марксизма. — СПб., 1905.
- Туган-Барановский М.* Основы политической экономии. — Пг., 1915.
- Тургенев Н.* Опыт теории налогов. — СПб., 1819.
- Тургенев Н.* Россия и русские. — М., 1915. *Уткин А. И.* Американская футурология международных отношений в XX веке. - М., 1990.
- Фридмен* и *Хайек* о свободе. — Минск, 1990.
- Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 12. — М., 1992.
- Хайек Ф.* Дорога к рабству // Вопросы философии. — 1990. — № 10, 11.
- Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. — М., 1992.
- Хикс Дж.* Стоимость и капитал. — М., 1988.
- Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. — Барнаул, 1989.
- Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — М., 1989.
- Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации.— М., 1927.
- Чемберлин Э.* Теория монополистической конкуренции. — М., 1959.
- Чернышевский Н.Г.* Избранные экономические произведения. — М., 1949.
- Чернышевский Н.Г.* Основания политической экономии (по Миллю) // Чернышевский Н.Г. Собр. соч. — М.—Л., 1954. — Т. 5.
- Чупров А.* Железнодорожное хозяйство: его экономические особенности и его отношение к интересам страны. — М., 1875.
- Шаститко А.Е.* Неоинституционализм // Вестник МГУ. Серия "Экономика". — 1997.— № 6.
- Шахназаров Г.Х.* Социализм и будущее. — М., 1983.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М., 1982. *Экономика русской цивилизации* / Сост. О.А.Платонов. — М., 1995.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20.
- Эрхард Л.* Благосостояние для всех. — М., 1991.
- Эрхард Л.* Полвека размышлений: Речи и статьи. — М., 1993.
- Ядгаров Я.С.* История экономических учений. — М., 1997.
- Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. — L., 1976.
- Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. — N.Y., 1960.
- The New Classical Macroeconomics.* — Brighton, 1994.

*Toffler*A. The Eco-Spasme Report. - N.Y., 1975. *Toffler*A. The Third Wave. — N.Y., 1980.

Гусейнов Рифат Мирахмедович

Горбачева Юнона Владимировна

Рябцева Валентина Михайловна

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебник

Редактор Л.В.Бобылева

Корректор Е.А.Морозова

Компьютерная верстка С.М.Чернышев

Художник В.Н.Желтушко

ЛР №070824 от 21.01.93

Подписано в печать 25.10.99. Формат 60x88/16.

Усл.-печ. л. 15,68. Печать офсетная.

Доп. тираж 5000 экз. Цена договорная.

Заказ № 940.

ООО «Издательский Дом ИНФРА-М»

127214, Москва, Дмитровское шоссе, 107

Тел.: (095) 485-74-00; 485-70-63. Факс: (095) 485-53-18.

Робофакс: (095) 485-54-44;

E-mail: books @ infra-m.ru

<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в ОАО "Типография №9"

109033, Москва, ул. Волочаевская, д.40

(095) 362-89-59